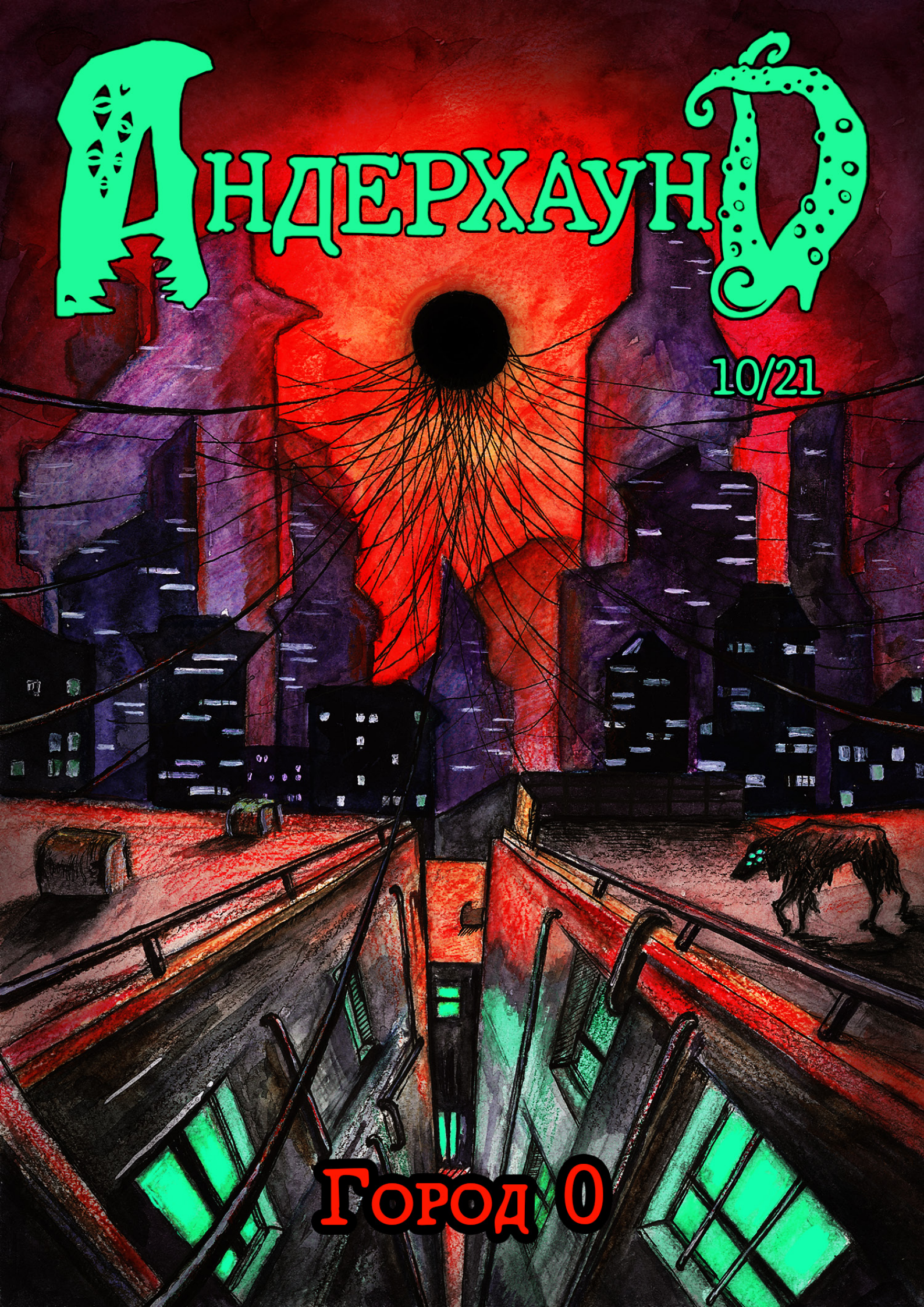
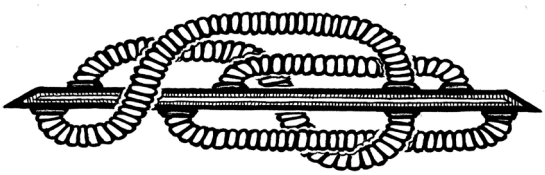
Андерхаунд

10/21



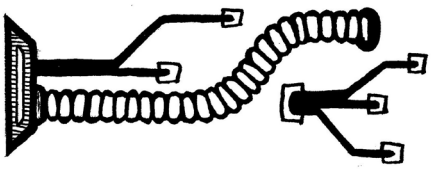
Город 0



Что вы здесь забыли:

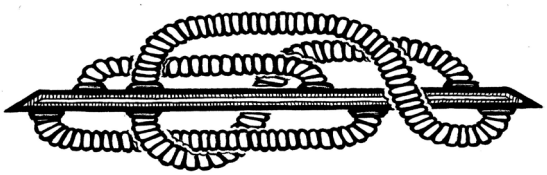
Отделение I

Слово редакции
Город 0, или Новая Атлантида.....4
М. Ц. Таубе
«Paranoid Android».....8
Наяда
«Слом».....11
Джанни Цюрупа
«Огарок».....20
Джанни Цюрупа
«Зверьгород» (отрывок из романа в стихах).....34
Интервью с автором
Джанни Цюрупа.....37
А. Д. Грим
«Грех не воспользоваться».....44
Дмитрий Федюшин
«Акула в чёрном небе», ч. 2.....48
Данила Змий
All this theatre, или К родству театра абсурда и жанра антиутопий.....57



Усі художні тексти опубліковані в журналі за згоди авторів. Право на подальші публікації та/або комерційне використання текстів залишається за авторами.

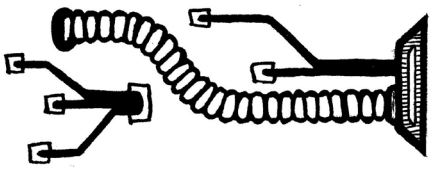
Усі публіцистичні, ілюстраційні, графічні матеріали видання та права на їх використання належать редакції «Андерхаунд».



Отделение II

Анна Линдберг
«Версия 1.0.»....68
Аліна Ларіонова
«Їх було троє»....70
Эльза Райт
«Хреновина»....80
Алекс Берк
«Влюблённые»....92
Эри
«Мир, в котором оставили нас»....104
Andy Friday
«Спокойной ночи, мистер Браун»....107
Morrigan S. Crows
«Запах дождя»....112
воскресенье
«Солнце мёртвых»....120
Анорико Муросаки
«Вознесение Евы»....122
Інтерв'ю з автором
Олег Сілін....129

Усі права застережені. Передруки та переклади дозволяються тільки за згодою авторів та редакції.



Город 0, или Новая Атлантида

Слово редакции

Да, глубинные, да!

Не через месяц, не через три, — прошло целых полгода, но — заплываем!

Второй выпуск «Андерхаунда», который, по итогам, получился вдвое больше предыдущего, увидел свет.

Если я, как главред, и сделал какие-то выводы из вашей реакции на наш первый номер, то основной тезис — «Не вещай о том, в чём до конца не уверен». Так что вместо длиннющей простыни о предыстории избранной тематики или декадентских стенаний о нерождённости великих литературных произведений родной страны, я просто говорю: «Спасибо вам, что вы с нами, что верите в нас и поддерживаете!»

Честно сказать, мы даже не ожидали столь бурной и — снова спасибо! — положительной реакции на проект, и приятно удивились такому обилию присланных работ.

Только на отбор и детальное ознакомление со всеми текстами у команды ушло по меньшей мере полтора месяца — и самое классное здесь именно в осознании, сколько же в нашей стране по-настоящему крутых писательниц и писателей. Серьёзно, литература — это прекрасно. И понимать, что этому занятию посвящает себя так много людей, читать их работы, заниматься рукописями, придавать им должный вид и форму вместе с авторами, а потом нести читателям опубликованный текст — это чудо, которым хочется заниматься.

Если первый выпуск, как дань антологиям, которыми мы вдохновлялись, был посвящён ужасам, то теперь мы приглашаем вас в Город 0, Новую Атлантиду.

Почему так?

Раньше мы говорили о прошлом, а теперь решили подумать, что может произойти в будущем.

Тематика соответствующая: утопия, антиутопия, киберпанк и научная фантастика.

Как нам кажется, эти жанры достаточно близки. Да, у каждого — собственная история развития, но в итоге они органично дополняют друг друга.

Истории об идеальном обществе и его отражении, обществе наиужаснейшем, — это изначально во многом политические памфлеты. Такие работы писали ещё в Древней Греции, а то и раньше. Мы выделяем диалог Платона «Критий», в котором шла речь о Древних Афинах как образце государства, на который стоило бы равняться современникам автора — и Атлантиде, его отражении. Об острове, благословлённом самим Посейдоном, и его царях, которых погубило собственное тщеславие.

И здесь любопытный момент. Если в текст внимательно вчитываться, вот что выходит.

Любая утопия в основе своей — всегда с приставкой «анти». Что может быть хорошо или для коренных жителей, или

для действующего режима, — то зачастую страшно для гостей, а порой и для тех граждан, кто рискует задуматься.

Научная фантастика тоже является своеобразным способом поговорить о потенциальном взрослении и развитии общества, как с точки зрения технического прогресса, так и с позиции того, каким мог бы являться социальный строй в будущем. Изначально в текстах данного жанра вера в светлое техногенное завтра и усердная интеллектуальная работа в лучших традициях модерна помогали человечеству недалёкого будущего совершенствоваться и, превозмогая новые вызовы, приближать новый, идеальный мир. Но жанр эволюционировал, вбирая в себя методы и элементы других; фантдопущения становились всё более сложными и более социальными, что и вело к слиянию критической составляющей (анти)утопических памфлетов и экспериментаторского духа научной фантастики.

Вопросы «Что, если?» и «Что делать?» встали в одну строку.

Что до киберпанка, его истоки — это и вовсе этакий андеграунд мира фантастики.

Авторы так называемой «новой волны» 60-х ставили задачу найти новые архетипы, которые бы отличались от старого доброго мифа Тысячелетнего героя, более того — создать новые мифы, свежие сюжеты. Ставка делалась на бытность в мире уже победивших технологий, но всё ещё проблемного социума с основополагающим принципом: высокоразвитый прогрессивный мир и низкий уровень жизни в нём, аллегорически отражающий страх перед слепой государственной машиной, полной беззащитности и бесправия одиночек перед могучими транскорпорациями.

В киберпанк-произведениях изображается дистопичное будущее и герои, которые так или иначе сталкиваются или с равнодушной, или с больной системой. В таких мирах сама модель государства подаётся как чисто номинальная, где правящие люди — такие же подневольные и исполняют приказы влиятельных владельцев крупных концернов.

Мы в редакции попытались свести всё вышеописанное вместе.

Пусть на дворе уже 2021-й, миф об Атлантиде всё ещё актуален. Просто теперь у этого острова куда больше имён и вариаций заката великой империи, а кроме историй её царей нам стали известны судьбы простых жителей некогда прекрасного — и впоследствии деградировавшего и затонувшего города.

Отбирая произведения для этого номера, мы решили показать историю развития человечества, в которой есть место как высоким технологиям и дорогам к успеху — так и жизни на дне, борьбе с системой. В опубликованных рассказах и повестях раскрыты равно теории о будущем нашего общества — и допущения на тему научного прогресса. Это всё — город, который знал час своего расцвета; который претерпел катастрофы; пережил эпоху упадка и слепого деспотичного режима; где жили люди из высшего общества, и из самых низов; где обретали воплощение мифы о героях и падших; где посмертие воспринималось как жизнь.

Добро пожаловать, дамы и господа.

Причал уже давно позади. Лодка мерно покачивается на водной глади. Паромщик в сером рубище криво ухмыляется собравшимся.

Вдали прямо по курсу угадываются черты густого кипарисового леса на фоне вековечных скал.

Приглашаем вас в Город 0.

Вас приветствует Остров мёртвых,

Новая Атлантида.

Конечно же, титры.

Редколлегия:

Данила Змий — профессор лектория странностей и не самых живых экспонатов

Morrigan S. Crows — реанимирует тексты и идеи

Яніна — стиліст словес

Дианна — исправительница докладов

Герр Фарамант — единственный наблюдатель

Визуальный отдел:

Цианід/Аудра Полуденна — візионер, пані оформитель, авторка образу Міста 0

Эрик Искра — кракен-биопанк, из чьих щупалец торчат провода

Любопытный Пысак — матерь Гаса и цифровой живописи

Ulmariae — иллюстраторка, фрау воплощений

Тимофей Мосолов-Кохановский — наш дорогой комиксист

Связной департамент:

София Брук

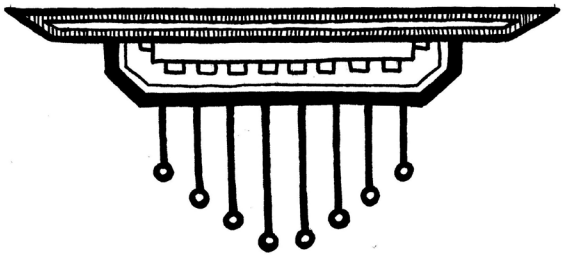
Галина Архарат

Отдельная благодарность:

Олесе Фесенко за бесценную помощь при редактуре интервью с авторами

Выдре за карту Новой Атлантиды, в которую мы вас доставили.

И, конечно же, вам, дорогие читательницы и читатели, авторки и авторы, без которых этот проект попросту не стал бы возможным.



Paranoid Android

М. Ц. Таубе

10-е сентября, 11:59. Замыкает контакт передних моторных конечностей. От столкновения с полом стенки фарфоровой чашки покрываются микротрещинами, через миллисекунду разлетаются по кафельному полу. Треск.

— Вот дрянь, что ты там опять разломала?!

В кухню вбегает Джим. Мой дорогой муж дышит с учащённой амплитудой, сердечные ритмы нарушены, следов пота или излишней физической активности не обнаружено.

Он зол.

Улыбка.

— Прости, милый. Я не удержала чашку в руках, и вот… Сейчас всё уберу.

Реакция. Губы поджаты, расширены стенки ноздрей, две миллисекунды слышен скрип зубов. С такой частотой и интенсивностью они сотрутся через 211 лет с округлением в большую сторону.

— Бесполезный хлам, — недовольство в голосе, категория — «ворчание». — Приберись тут, да поживей, нам нужно на рынок.

— Конечно, милый.

Джим уходит. За окном слышен скрип открывающегося багажника.

Передние моторные конечности всё ещё неисправны: постоянная дрожь с неравномерными судорогами пальцев. Веник трясётся в руке.

Перезагрузка.

Проблема устранена.

12:24. Грузовик трогается с места. Нагрузка багажника — 413 килограмм, не считая пассажиров и полуразумной техники.

Дорога неровная. Джим на меня не смотрит. На колдобинах его пузо упирается в руль, задевая пришитую месяц назад пуговицу цвета индиго. В мерзкой сивой бородёнке, смоченной потёками пива, застряли куски чипсов и сухарей. Жирные пальцы на коробке передач вздулись от напряжения: этот идиот боялся водить, а мне грузовик так и не доверил. Вот бы солнце блеснуло ему прямо в лицо, и машина поскользнулась бы на повороте, и…

Клик.

Замыкает контакт передних моторных конечностей.

— Милый, если тебя не затруднит, не мог бы ты показать меня механику? Кажется, мои руки немного…

— Заткнись, — недовольство в голосе, глаза закачены наверх. — Ну какого, какого дьявола эта проклятая техника не может просто! — ладони бьются о руль, — Заткнуть! — ещё раз. — Рот!

Ещё раз.

Учащена амплитуда дыхания. Искривление нижних лицевых мышц,

категория — «оскал».

Опустить взгляд.

— Прости, милый.

Если ты так меня ненавидишь, какого чёрта вообще купил?! Дрянь. Дрянь!

ДРЯНЬ!

Клик.

Замыкает контакт лицевых мышц.

Отвернуть голову к окну. Не смотреть на моего дорогого мужа.

16:57. Багажник пуст. Грузим 215 килограмм стройматериалов для фермы. Волокна верёвки для удержания стальных брусьев истончаются. Треск. Тело заваливает пятьюдесятью тремя килограммами арматуры. Разрыв кожного покрова. Нарушение внутренней организации соединительных проводов.

— Бесполезный хлам! Чёрт, ещё и руку мне отбила!

Носок сапога соприкасается с лицом на скорости 15 км/час. Носовые соединения сломаны.

— Рик! Рик, дружище, отвезёшь грузовик до фермы? С меня пиво!

— А вы как? — сниженный тон голоса, категория — «неуверенность». — Тут места только для двоих.

— А мы с Квартой пешком пройдёмся. Чего там — пара километров, не ящики ж таскать будем! Давай, поднимайся, д-дрянь!

Отворачиваюсь. Искривление лицевых мышц, категория — «оскал».

Я его убью.

19:02. Расстояние до фермы — 987 метров. Рука моего дорогого мужа опухла. Уголок рубашки выглядывает из-за пояса, сальные волосы растрепались на ветру, широкая спина взмокла от пота — он вот-вот рухнет от изнеможения. И тогда я сожму дрожащие пальцы в кулак — и...

Клик.

Замыкает контакт нижних моторных конечностей.

Глухой стук падающего тела.

— Наконец-то, — сниженный тон голоса, категория — «удовлетворение». — Наконец-то ты сломалась, дрянь.

Джим поворачивается. Искривление лицевых мышц, категория — «улыбка». Приседает.

— Знала бы ты, как я тебя ненавижу.

Знаю.

— Если б ты не была тестовой дешёвкой — ни за что бы не купил. «Перенесите слепок личности — и ваш персональный андроид будет обладать всеми вашими знаниями и навыками! Лучше слуги не сыскать!» Тьфу! — на землю падают 7 грамм слюны.

Джим склоняет голову набок.

— Знал же, что нельзя доверять этим рекламщикам. Что ты ни черта не мой слепок, а бракованная мерзкая дрянь.

Рука хватает волосы и тянет на себя. Запах дыхания, пропитанный пивом и мерзостью.

— Ты с самого начала меня ненавидела. Думаешь, я не замечал, как ты следишь за мной, как вынашиваешь планы, чтобы во сне проломить мне череп? Я всё про тебя знаю, дрянь.

Лицевая моторика отказывает. Голосовой ответ невозможен.

Силовые техники боя невозможны.

Дрянь. Дрянь!

ДРЯНЬ!

— Зато теперь, когда ты, наконец-то, издохла, я могу потребовать замену по гарантии. На этот раз со стандартными опциями. Так что, — Джим усмехнулся, сверкая безумными глазами, — тебе надо было раньше разнести мне мозги.

Он отпускает меня и разворачивается к ферме.

0:40. Пыль и микрочастицы травы забились в открытую рану на животе.

Функции отключаются одна за одной: сначала моторика, потом осязание, нюх, зрение.

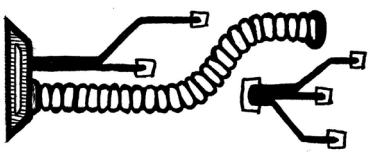
Ненавижу.

Как же я его ненавижу.

Нужно было выдрать эту вшивую бородёнку вместе с челюстью. Нужно было распороть это пузо и скормить внутренности коровам! Нужно было сломать эти жирные пальцы, выдавить глаза, перебить шею, проломить его мерзкий мерзкий мерзкий череп!

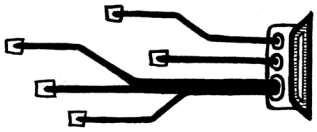
Нужно было

Клик1010110000111011110000111110100001111100100001100001000100001100100100001110110000111110100001100110000111100010110010000010000110010010111000100001010000110000100010011001000001000100010110001000000010000110101100001100011000011010110001000010100001000100010111000010000101000010000110101100010000010000010001000111100001101011000100000010000100010111000010000101000010000110010100001110001000011100001100001000010000110101100010000010000010001000111100001101011000100000100001000100011110000110101100010000010000010001000111100001101011000100000100001000100011110000110101100010000010000010001000111100001101011000100000100001000100011110



СЛОМ

фрагмент из романа



Наяда

Команда уже собралась. Не хватало только Сай. Парни, особенно Михо и Нэко, беспокоились, потому что она задерживалась в этот знаменательный для них, а, может, и для всего Города, день. Она обещала поддержать их сегодня. Впрочем, они поймут, если она решит не приходить.

Другие игроки внимательно просматривали свои левелы, проверяли настройки, амортизаторы, стабилизаторы, заряд; кто-то прыгал, кто-то разминался, бегал, несколько парней проверяли маршрут. Нэко и Михо — больше оглядывались по сторонам.

Вообще, досадно получилось: если бы соревнование проходило хоть на день раньше, Сай могла бы участвовать с ними. К тому же они и тренировались с ней. А сейчас вся их затея может провалиться. Новый игрок совсем не готов.

— Ядем, — послышался знакомый голос. Девушка вбежала в толпу и помахала друзьям целой связкой новеньких ярко-ультрамариновых платков. Искры вспыхивали на ткани от каждого касания к ней.

— Ядем, — ответил Михо, с восхищением разглядывая обновку. — Где ты их откопала?

Та в ответ только довольно ухмыльнулась.

— Я уже боялся, что ты не появишься. Рад тебя видеть, — так же улыбаясь ей, заметил Нэко, — Как ощущаешь себя с новыми обязанностями?

— Свались, а, — перебила Сай, и помрачнела. — Я сегодня бегу с вами.

— Что? Нет, конечно же, — ответил Нэко, резче, чем ему хотелось бы. И добавил снисходительно: — Не волнуйся: у нас уже есть новый игрок. Лим уже полностью проинструктирован.

— Проинструктирован, серьёзно? Сколько было нужно нам времени на подготовку, сколько тренировок. А вы его проинструктировали!

Девушка повернулась к обсуждаемому — совсем ещё юному мальчишке.

Да, ей уже говорили, что он только недавно начал участвовать в соревнованиях, но проявлял отличные задатки к левелджампингу. Нэко до этого отмечал, что, ему бы ещё поднабраться опыта — и парень точно попадёт к Гранепроходцам.

Но она тоже тренировалась. И, в отличие от Лима, несколько раз на практике испытывала новое изобретение Михо. Доверить сегодняшнее новичку — нет, всё в ней противилось этой затее.

— Извини, но я не позволю тебе впутаться в это — эти олухи тебя прикончат.

Лим опустил глаза, стиснул зубы и отвернулся — решил, что лучше не вмешиваться в их разборки. Они — команда, а он всего лишь заменяет игрока. Конечно,

ему больше всего хотелось участвовать в забеге вместе с ними, участвовать в их сумасшедшем плане, однако решил, что девушка вряд ли переубедит друзей, и даже пусть не в этот раз, но Сай покинет команду и место тогда точно достанется ему. Нечего заранее портить отношения.

— У нас бы не было таких проблем, если бы ты не скрывала дату своего посвящения от нас, — возразил Нэко.

Это была правда, она знала, что подвела друзей. Но оставался ещё шанс переубедить их — то, на что она рассчитывала с самого начала. Сай одёрнула рукав, показывая широкий браслет Союза Женщин. Он выдаётся гражданкам Города по наступлению девятнадцати лет — знак того, что они готовы приступить к женским обязанностям. С этого возраста главной обязанностью женщины является производство новых горожан. Будучи членом Союза, женщины получают ряд социальных привилегий, но при этом им запрещено принимать участие в небезопасных видах деятельности. Занятия левелджапингом и соревнования по нему — один из запретов.

— Я его ещё не активировала. И я полностью готова, вы же знаете. Михо? — Попыталась найти поддержку у друга.

— Ах! Поздравляю, Сай! — к ним подошла Верта, девчонка, бегущая сегодня за жёлтую команду. — Не знала, что у тебя сегодня посвящение.

— Поздравления приняты, Верта, — ответила девушка, поправляя рукав, чтобы спрятать браслет, и настойчиво, но с тревогой посмотрела на парней.

— Я всё объясню. Я всё объясню. Нэко…

— Какого крена, Сай? Ты обязана его активировать!

— Просто послушай…

— Сай! — с ещё большим негодованием воскликнул Нэко. — Это противозаконно!

— А вот и нет. Я обязана его активировать в день получения, а до его конца я ещё могу…

— Сай, — вмешался в их спор Михо, — ты ищешь лазейки в законе. Это неблагонадёжно. Ты обязана активировать браслет и отказаться от участия.

— Ну уж нет! — Девушка рассердилась не на шутку. — Вы не испортите последний в моей жизни забег. К тому же я вам нужна, иначе сегодня вы не справитесь, и вы это прекрасно понимаете.

— Я понимаю, что ты расстроена, — Нэко окинул взглядом подругу, — и рассержена, но то, что ты делаешь — безответственно и…

— Я говорю! — девушка ткнула в Нэко пальцем. — Союз дал согласие. — На этих словах парни успокоились. Сай тоже начала говорить спокойнее. — Союз дал согласие и эти платки в качестве вступительного подарка. А сейчас мы все успокоимся и приготовимся к забегу. У нас ведь всё хорошо, правда?

Михо закивал в ответ.

— Ядем, друзья!

— Ядем!

— Ядем! — подхватили остальные игроки.

— Ядем, — пробормотал Лим.

Михо повернулся к парню, тяжело вздохнул, положил руку ему на плечо.

— Извини…

Сай отстранила товарища, чувствовала, что сама должна объяснить Лиму ситуацию.

— Извини, что так получилось. Понимаешь, это последний забег в моей жизни, а у тебя всё впереди. Всё…

— Я всё понимаю. Действительно. Не страшно. Подожду до следующего забега, — он натянуто улыбнулся, обратился уже ко всей команде. — Удачи, ребята. Вы классные. Верю в ваш успех.

Корти проводил Лима грустным взглядом. Посмотрел на Сай, Нэко.

— Всё хорошо, — утешил Михо товарища. — Думаю, он понимает.

— Я рад, что ты всё-таки с нами, — кивнул тот девушке.

По всей улице прозвучала торжественная музыка и отбилась эхом от Дна, сквозь решётки долетела снова до первого этажа.

Игроки и зрители подняли взгляды на Сеть второго этажа. Жёлтый цвет улицы переменился, став чёрным фоном, а на нём засветились три колокола над часовым механизмом — символ Города.

«Я — деталь Машины», — прозвучал голос Матери, и на экране появилось её лицо. Мать — глава Союза Женщин и руководительница Города. Больше власти имеет только Главный Инженер, но он обычно не вмешивается в повседневную жизнь Города.

— Я — деталь Машины! — радостно повторили горожане.

«Товарищи мои, братья и сёстры, — женщина развела руки, словно хотела обнять их всех, и улыбнулась самой тёплой и всепрощающей улыбкой. Улыбкой Матери. — Дети Города, сегодня мы снова собрались на Жёлтой улице, чтоб поддержать наших сыновей. — На эти слова Сай неодобрительно шмыгнула носом. — Они снова будут сражаться за места в цеху гранепроходцев, такой необходимой нашему Городу команды. В этом забеге будет только один победитель. — Участники загудели от такой несправедливости. Обычно брали от пяти игроков и поэтому левелджамперы объединялись в команды. Михо посмотрел на друга, глубоко вдохнул и снова поднял глаза на экран. Тем временем Мать подождала, пока гул не утих и продолжила: — Да, это будет жёсткое испытание, и место достанется лучшему из вас. Будьте настойчивы и сильны, сыновья мои. Пусть гул Машины будет ровным в нашу смену».

— Я — деталь Машины! — снова пронёсся единый возглас.

«Я деталь Машины», — повторила за ними Мать и снова улыбнулась.

Её лицо исчезло, а следом на чёрном фоне появился символ. После этого улица снова приобрела свой прежний жёлтый цвет.

— Может, поменять тебя местами с Корти? — предложил Михо.

— Даже не думай портить мне забег. Всё пойдёт по плану, — зашипела на него Сай. И после недолгой паузы добавила: — Просто дайте мне насладиться этой игрой, не испоганьте всё, а после мы отпразднуем. Да, Нэко?

Тот засиял, как неоновая лампочка.

— Вообще-то, — вмешался Михо, — это была моя идея, и большую часть работы тоже я…

— А ещё ты больше всех болтаешь. Не забывай: ты — деталь машины, — ответила ему Сай и щёлкнула парня по носу.

— Я — деталь Машины, я — деталь Машины, — бубнил он под нос, доставая и разворачивая трос, который они должны были испытать в этом забеге, на глазах у всех горожан. И либо они станут героями на ближайшие несколько циклов, либо им ещё долго будут припоминать их дурацкую затею.

— Будьте готовы, — обратился к игрокам распорядитель. — Прошу проводников занять места рядом со своими игроками, игрокам — приготовиться.

Михо вручил каждому из своей команды по крюку с катушками, прикреплёнными к тросу. Все принялись приспосабливать их к вязи из ремней, обплетавшей их тела. Когда всё было готово, игроки завязали себе глаза платками, принесёнными Сай.

Проводники отвели их в направлении тропы.

До старта четыре минуты.

Левелы звенели при каждом шаге — они не были предназначены для прогулок

по железной решётке, разделяющей Дно и первый уровень улицы.

***

Раньше улицей считалась лишь асфальтированная дорога нулевого уровня, и, чтобы попасть из одного небоскрёба на другой, нужно было с помощью лифта спуститься на нулевой этаж, пройти улицу, войти в нужный дом и снова же подняться на лифте — слишком долго и затруднительно как для обычного перемещения.

После изобретения Гравитационной Сети всё стало намного проще.

Сейчас можно просто пройти между двумя зданиями. Там, где раньше были балконы или просто окна, сейчас — выход на улицу, и улицей зовётся не только асфальтированная дорога нулевого уровня, но и всё пространство между зданиями. Для перемещения по Гравитационной Сети нужно иметь при себе левелы — обувь, на которую реагирует Сеть и не даёт горожанам падать на землю, и индикатор — прибор, который указывает уровень горожанина. Каждый имеет право доходить лишь до указанного на индикаторе уровня, а если попробовать подняться выше, Сеть просто не будет реагировать. Это называют «достичь своего потолка».

Большинство граждан живёт между десятым и пятидесятым уровнями. Те, кто живёт ниже, преимущественно жители нулевого уровня — Дна — в большинстве случаев считаются неблагонадёжными и не имеют права даже пользоваться лифтами. Чаще всего жителями Дна становятся те, у кого обнаружили дефекты при рождении. Также туда отправляют на обозначенный судом срок за проступки перед Городом, которые не являются преступлениями, в воспитательных целях. И подобная практика неплохо поддерживает общий уровень дисциплины: для простого горожанина нет ничего страшнее, чем оказаться на Дне.

***

До старта две минуты.

Команды готовы к забегу.

Ждут сигнала снять повязки.

Пока они так стоят, улицу изменяют, активируют приготовленный маршрут. Все игроки знают, что увидят перед собой, но традиция — это традиция. Цель игры — добыть предмет, который находится в самом конце пути. Есть двенадцать вариантов начала тропы и они никогда не меняются. Первые пять-девять этажей всегда одинаковы и известны всем левелджамперам с детства, изучены ещё до того, как игроки получили право принимать участие в забеге.

Самое интересное начинается потом, и уже от мастерства бегущего зависит, насколько далеко он заберётся.

На пути встречаются многочисленные ловушки вроде гравитационных петель, которые замедляют, истощают игрока и сбивают его с пути, или же барьеров, в которые можно врезаться во время прыжка.

Если никто из игроков так и не добрался до цели за час — игра автоматически останавливается.

До старта одна минута.

***

Одной из почтеннейших обязанностей жителей Города является исследование его окрестностей, добыча необходимых для Машины деталей из пустоты, которая окутывает Город со всех сторон.

Этой работой занимаются гранепроходцы. В цех отбираются самые быстрые, самые выносливые и смышлёные парни-левелджамперы, ведь, как только

переступишь грань пустоты — ты сам по себе. Всё, что у тебя есть — это чертежи и карты старых районов и навигатор, указывающий на приблизительное расположение необходимой детали.

Конечно, инженерный цех чинит и производит большинство необходимого инвентаря, но всё же в самых крайних случаях приходится прибегать к услугам гранепроходцев: чем дальше — тем меньше средств и всё больше ресурсов уходит на поддержание работы Машины.

Больше сорока минут никто за гранью не выживал, и даже самое малое пребывание в пустоте смертельно.

Город — всё, что осталось от мира. Остальное поглотила пустота, порождённая Машиной.

Машина уничтожила весь мир и Машина удерживает Город от гибели.

***

«Откройте глаза и смотрите», — прозвучал голос Матери.

И игроки сняли повязки.

На этот раз забег начнётся второй тропой. Каждый уже прорисовал в воображении собственный маршрут.

Игроки приготовились, замерли в ожидании борьбы за место. Некоторые с замешательством смотрели на ультрамариновую команду, все члены которой были соединены тросами.

Старт!

По городу пронёсся сигнал начала соревнований. Каждый горожанин, не участвовавший в забеге, занял место у окон Жёлтой улицы, или уставился в экраны-сети ближайших этажей. Соревнования по левелджампингу всегда были любимейшим зрелищем горожан. Игроки взяли разгон и по трамплину перескочили на первый уровень.

Из ультрамариновой команды побежали только Корти и Арб.

План был в том, чтобы они установили крюки с катушками на восьмом этаже, прикрепив их к зданию. При помощи тросов они поднимут следующих двух участников. По плану Нэко, следующие игроки должны пролететь по инерции ещё по крайней мере два этажа, добежать до двенадцатого, и уже там установить свои катушки.

Для каждого в команде имеется своё место и задание, всё точно выверено, выбран самый безопасный маршрут. Так каждый пробежит не более пяти этажей, а его сокомандник — за ним в мгновения преодолеет путь, на который игроки прочих команд истратили время и силы.

Последним должен быть Нэко: ему и предстоит забрать нужный предмет.

Конечно же, тросы уже проверялись на заброшенном здании на окраине — но это проверка, а сейчас — время забега. Конкретная тропа, расставленные ловушки, где вообще пока неясно: где барьер, где петля, другие игроки, да даже Сеть, и та неизвестно, как сейчас отреагирует на такой «прыжок».

Михо отвечал за техническую реализацию — и, пусть сам он видел себя победителем, который достигнет финальной цели, чувство ответственности перед товарищами побудило его испытать первый прыжок забега на себе.

Он ободряюще улыбнулся ребятам, отёр проступившую испарину. Ещё раз проверил собственные ремни.

Самым тяжёлым оказалось ожидание.

Вся команда уже переместилась к зданию, и у каждого поверх левелов были надеты подошвы с колёсиками. Такими приспособлениями пользуются жители Дна для быстрого передвижения по асфальтированной поверхности, а вот эти безумные левелджамперы с их помощью собирались прокатиться по стене. Когда Арб притащил «это» с очередной вылазки на нулевой этаж, Михо был в восторге,

именно тогда и зародилась идея подобного подъёма. Сейчас же, снова перепроверяя крепления на левелах, он уже не был так уверен.

Каждый из них прокручивал в голове маршрут и думал о том, куда бы добрался за это время. Всё ли идёт хорошо, не возникло ли каких-либо неожиданных трудностей. Но вот первый трос натянулся. Значит, Корти справился со своей задачей. Осталось дождаться сигнала от Арба.

Михо нервно покрутился, в очередной раз ощупал все крепления и сделал глубокий вдох. Он уже отключил левелы, чтобы не замедлять поднятие, и включит их только тогда, когда достигнет высшей точки прыжка. Лёг на железную решётку в полушаге от стены. Коснулся креплений на поясе, на груди, вцепился в тросы по бокам.

Нэко привязал Михо к сети широким куском ткани. Одним концом ткань прочно крепилась к решётке, другой конец прикрепляли верёвкой так, чтоб единым движением можно было освободить игрока. Всё это должно было сработать как большая рогатка: два троса тянут вверх, ткань, привязанная к решётке, удерживает игрока, пока тросы натянутся достаточно, чтобы катапультировать левелджампера. На тренировке это казалось идеальным решением, сейчас — кустарно, как же кустарно. Нэко это понимал. Михо это понимал. Друзья просто верили: никто не умрёт.

И старались не слушать долетавшие фразы комментатора соревнований, который уже вовсю описывал успехи игроков прочих команд.

— Ты как?

Михо закивал головой, мол, всё в порядке.

— Ты точно уверен?

Отрицание.

— Ещё есть время отказаться. До этого я не говорил, но сейчас вся эта затея выглядит не слишком безопасной.

Михо ухмыльнулся — друг точно озвучил его мысли — и ответил:

— Нет уж. Я прокачусь по этой стене.

Натянулся второй трос. Последний глубокий вдох. Удерживающая его ткань немного трещала. В теле ощущалось нарастающее давление.

Нэко промакнул его лоб своим платком, отирая вновь проступивший пот.

— Раз, два, — Нэко в голос, Михо — шёпотом. — Три, — дёрнул верёвку Нэко.

Внутренности Михо, казалось, сделали тройное сальто. Несколько секунд он просто летел, а потом без проблем встал на ноги. Катиться по стеклянной стене оказалось даже приятнее, чем по кирпичной, и даже спокойнее — в случае проблем он просто открепит тросы и включит левелы.

Один из тросов ослабил напряжение и, пролетев мимо, повис, в то время как второй продолжал тянуть вверх.

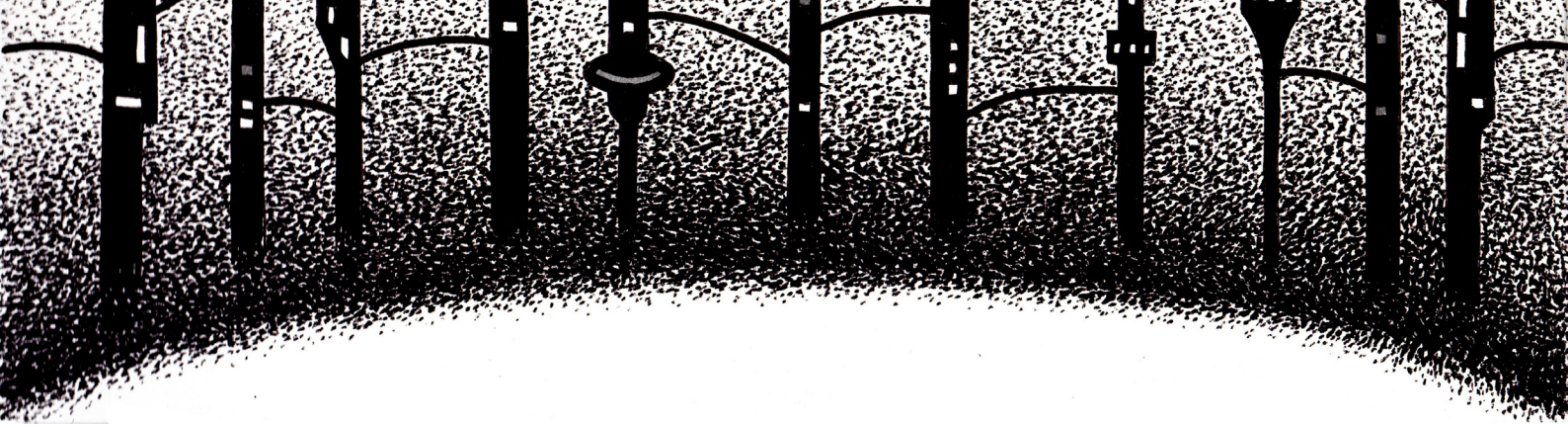
Парня сразу же повело в сторону, подошвы оторвались от стены, в следующее мгновение получилось оттолкнуться, ещё раз оторвался, его понесло в другую сторону, и на этот раз его перевернуло в воздухе и ударило спиной, и проволокло по стене. Оставалось надеяться, что осталось совсем чуть-чуть и… Михо врезался в гравитационную петлю.

«Спасибо, что не барьер!»

Мгновенное замедление и медленное-медленное кружение, пока трос продолжал тянуть вверх. Парень чувствовал, как ремни впиваются в тело, сжимают рёбра, как воздуха становится всё меньше и меньше. Этого и опасался.

— Вот ведь крен, — проговорил он самими губами, чувствуя, как начинает темнеть в глазах.

Он попытался перевернуться так, чтобы ухватить трос и перерезать его, зацепился ногой, чтобы его снова не развернуло в нужную сторону, дотянулся



до кармана на штанине, вытащил маленький рабочий нож для зачистки проводов.

Нужно успеть перерезать трос прежде, чем он перекрошит все его кости или же прежде, чем ловушка его отпустит — в обоих случаях последствия будут непредсказуемыми.

Ещё мгновение — и он снова в движении, с ещё большей скоростью. Нож выпал из руки, остался в ловушке, и свалится вниз, как только отключат тропу. А в следующее мгновение уже было не до того — боль обожгла левую ногу. Совсем рядом промелькнули две фигуры: Арб и Корти; и второй трос ослабил напряжение — он уже выше восьмого этажа.

Боль, стремительный подъём, непредвиденные, но такие очевидные препятствия… Мысли Михо метались, и в панике он не знал, что ему делать. Единственное, чего хотелось — оказаться подальше в этот момент, где-то в

безопасности.

Какого крена он вообще делает? Парень сделал глубокий вдох.

«Горожанин не имеет права поддаваться страхам, когда на кону благополучие Города. Горожанин должен действовать».

Подъём продолжался, а он уже точно был выше десятого и даже двенадцатого этажа. Парень сгруппировался и вручную активировал левелы — даже не пытался пошевелить повреждённой ногой. Резкое торможение, но всё равно его ещё подбросило на несколько сантиметров над Сетью, после чего Михо не удержал равновесия, прокрутился на этаже и повис вниз головой. Нога болела и пульсировала, посмотреть на неё не хватало смелости, да и остальные части тела давали о себе знать после такого торможения. Но есть немного времени перевести дыхание и сориентироваться.

Он висел вверх ногами, прикрепившись к пятнадцатому этажу, а это на три этажа выше, чем запланировано. Спуститься он вряд ли сможет, так что придётся подниматься.

Хлопком парень активировал гравитационные перчатки и вскарабкался наверх, всё-таки поверхностно осмотрев ногу — ни крови, ни явных искривлений под штаниной не видно, это давало надежду, но шевелить ею всё ещё невозможно — от любого движения прошибало холодным потом и болью.

Используя здоровую ногу и руки, он добрался до фасада высотки, оттуда из окна на него смотрели обеспокоенные зрители. Им нельзя вмешиваться в ход забега, разве что в критических случаях. Михо помахал им рукой, достал катушку, примериваясь, куда её лучше прикрепить. Следовало также решить, что делать с повреждённым тросом и надеяться, что запасной окажется покрепче, и что на проложенном ими маршруте не будет ловушек. Маловероятно, что несколько препятствий будут расположены так близко к зданиям. Парень проковылял на тринадцать шагов в сторону к месту, где проходил маршрут, и прикрепил крюк на петлю для вывески с числом пятнадцать.

Михо присмотрелся получше. Действительно, он оказался как раз возле всеми любимого бара «15». Заскочить бы туда, когда всё закончится.

Пришлось удалить часть троса и переустановить катушку. Ничего. Время у него есть — с начала его подъёма прошло не больше двух минут. Он уже опережает большинство игроков. Осталось всё запустить и поднять Сай — та поднимется вместе с новым тросом и дальше всё пойдёт по плану.

Михо поднял взгляд на Сеть следующего этажа, которая служила также экраном для зрителей. Было забавно смотреть на себя со стороны. Весь Город сейчас наблюдает за каждым его движением. Вот и хорошо — остальные игроки его команды знают, что сейчас происходит. Парень в последний раз проверил исправность катушки и дал знак рукой, что всё хорошо — экраны всё ещё демонстрировали на весь Город то, как его план чуть не провалился. Руководитель трансляции опомнился и переключил внимание на другого игрока, а Михо тем временем активировал сигнальный механизм, получил ответный сигнал, и трос завертелся, поднимая игрока.

***

Ультрамариновая команда точно привлекла к себе внимание. Руководство Города было проинформировано, что они что-то затевают, но деталей никто не разглашал.

— Они собираются его катапультировать? — с усмешкой спросил главный инженер, когда увидел схему из двух тросов и привязанного парня.

Мать эта идея не позабавила, ещё больше она обеспокоилась, когда

оборвался трос, и тем более когда мальчишка попал в гравитационную ловушку. Она отдала приказ её отключить.

— А она что здесь делает? — терпение Матери истощалось с каждым моментом, а сейчас она смотрела, как к прыжку готовится девушка, Сай, которая этим утром получила браслет, и которой, как исключение, было разрешено активировать его до конца дня — очень уж просилась сделать это в кругу друзей. — Нужно прекратить это немедленно.

— Подожди, — успокаивал её инженер. — Мы всё контролируем, и они не дураки.

— Это хоть как-то можно будет применить за гранью? — немного успокоившись поинтересовалась женщина.

— Неплохая идея, нужно будет учесть некоторые детали, но вполне себе. Пусть продолжают.

***

Нэко остался последним.

Прошло не больше десяти минут с начала забега. Единственная задержка случилась с Михо.

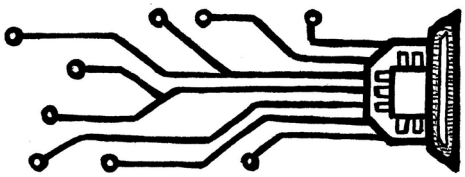
Время от времени на экранах показывали то одного, то другого члена его команды, ни одного подъёма не пропустили. Действительно, зрелище было необычное и даже захватывающее. А ещё Нэко точно знал, где оказался каждый игрок, и как всё идёт.

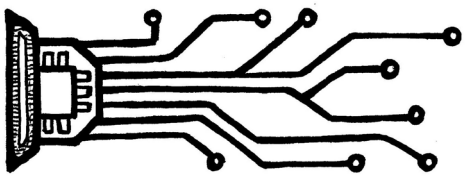
Трос натянулся, второй. Нэко дал сигнал. Там, высоко, катушки Михо и Сай заработали на полную мощность. Главное — не запаниковать преждевременно.

Раз… Два… Три!

Парень дёрнул за шнурок, которым сам привязал ткань к решётке — и помчал вверх.

Ему показалось, что вот оно, счастье: только и успевай переставлять ноги и мчи вверх и вверх — и выше самого последнего этажа, выше всех домов Города, выше пустоты, навстречу миру, ведь всё ещё есть надежда, у каждого есть надежда, что там, за гранью, что-то осталось, что-то, ради чего Город продолжает жить.





Огарок

Джанни Цюрупа

1.

Спускаться с этажей Луиза опасалась. Нижняя система запутана, без карты не разберешься, а сколько историй о невернувшихся рассказывают после летучек… Но план есть план, и Клара Игнатьевна, поправив очки, проинформировала:

— И на нулевом этаже ты должна быть не позже 15:00, чтобы успеть обратно к вечернему отчёту. Визит краткий, Луиза, думаю, там мы бессильны — подопечный закостенел в своих пороках. Предыдущему инспектору ничего не удалось сделать.

Луиза побрела собираться — для Нижней системы не годилась приличная одежда, и с обувью надо быть осмотрительнее: устойчивая, непромокаемая. В гардеробной никого не было, Луиза оформила на терминале запрос и присела на табурет возле окна выдачи. Коллеги старой закалки рекомендовали мимикрировать, одеваться как население, однако Луиза всё равно не слилась бы с толпой и не сошла за местную — поэтому она выбрала тёмно-синий комбинезон с флисовой подкладкой, высокие чёрные ботинки, серо-стальной плащ с глубоким, максимально скрывающим лицо, капюшоном.

Не то инспектор, не то наркоторговец.

Каской, положенной по инструкции, Луиза сознательно пренебрегла — попадёшь под обвал, каска не спасёт. Что толку в целой голове, если ноги раздробило или позвоночник сломан? Переоделась в своём кабинете — инспекторам её стажа полагались комнаты просторнее, но Луиза привыкла к первой клетушке и менять не спешила. Тут всё родное: угловой стол, шкаф-пенал для личных вещей, жаропрочный сейф, скрипучий стул, только терминал недавно поставили новый, почему-то ярко-оранжевый и стилизованный под портативные компьютеры прошлого, реклама преподносила это как «сочетание современной мощности с уникальным ретро-дизайном! Почувствуй себя гением прошлой эпохи за нашим ноутбуком». Кто из снабженцев и зачем решил оснастить кабинет Луизы такой игрушкой — она не знала.

Взяв планшетку, универсальный ключ, гуглы, Луиза проверила личное дело нарушителя и отправилась выполнять гражданский долг. После утренней летучки коридоры Социального Управления, СУ, опустели — все разбежались по подопечным. Луиза шла синим коридором к лифту, и эхо её шагов, неожиданно громкое, металось от одной закрытой двери «под дерево» к другой, поднималось к светящемуся ровным холодным светом потолку, устремлялось в боковые ходы. На средних этажах в кабину начали набиваться люди, заняли все скамьи вдоль стен, толклись в проходе. Входили и выходили — кто выше, кто ниже, но уже к пятому лифт опустел — только Луиза, сидящая в углу, осталась в нём и одышливая толстая бабка с грязным клетчатым баулом. Не разобрать, от баула гнилью разило, от бабки, или смердел плесенью, прелью и мокрой землёй сам воздух Нижней системы, слякотного и

грязного подножья города. Бабка, сипя, пялилась на Луизу. Четвёртый этаж, — отсчитывало табло над дверью, третий, второй. Луиза надела гуглы. Лифт замедлился. Первый. Открылись двери, бабка поволокла баул к выходу, бормоча:

— За людей нас не держат чистенькие, ишь, в масках, пердёж чтоб не нюхать, ишь, носики морщат.

Ладно. Пусть так — даже лучше так, лучше пусть высокомерной считают. Желудок прыгнул к горлу — лифт тронулся на нулевой. Расстояние большое — но не потому, что потолки здесь высокие, а потому, что ярусы нижней системы отделены друг от друга камнем, многими метрами камня. Луизе стало душно, она приподняла маску и задышала ртом — не помогло. Волглый смрад забил гортань, носоглотку.

— Нулевой этаж. Конечная. Лифт дальше не идёт, просьба освободить кабину.

Вернув маску на место, Луиза шагнула в открывшиеся двери.

***

Нижняя система, хотя и причисляется к этажам, не продолжает дома Верхнего города. Нет здесь ни зданий, ни проспектов, ни подвесных мостов, и флайнибус не протиснется узкими, низкими коридорами. Нижняя система — лабиринт штреков, прорубленных давным-давно под коммуникации. Здесь случаются обвалы, в низинах скапливается газ, и есть нерукотворные ходы, лазы, проточенные водой и временем, туда свернёшь — заплутаешь, не выйдешь.

У лифтов, в центре, убирают, а чуть в сторону — и пол засыпан каменной крошкой, вместо светящегося потолка — старинные фонари, а ещё дальше — первозданная тьма и тишина, и будто дышит что-то, разевая жадную пасть. Шагни в неё — проглотит, как и не было Луизы. Про призраков, огромных крыс и Двуликую, про Чёрного Землекопа и Светлую Даму — конечно, детские страшилки, и не пристало инспектору СУ верить в это.

А поди не поверь, когда шуршит по углам, ты жмёшься к стене под фонарём, гуглы пытаются нащупать сеть, карта на планшетке не синхронизируется с твоей локацией, и вокруг — никого. И вода где-то капает в жестяной таз: тынц-тынц-тынц. Из лифтового холла — низкого, метра два с половиной — и тесного, максимум тридцать квадратов — в нижнюю систему вели пасти ходов, чёрных провалов в стенах.

Луиза повторила гуглам запрос: в какую мне? Соединение не может быть установлено.

— Кто-нибудь! — Луиза активировала голос.

Тынц-тынц-тынц. Шур-шур-шур. Крыса? Или не крыса, а что похуже? Или обитатели Нижней системы следят за ней из темноты?

— Люди!

Надо взять себя в руки — не в первый раз она на нулевом и, увы, не в последний. Всего лишь тесное, душное и грязное место, где живут неблагонадёжные элементы, по природной склонности предпочитающие норы благоустроенному жилью. Они, небось, и на поверхность-то никогда не поднимаются. Бледные пещерные грибы, а не люди, вот кто они.

В третьей слева двери мигнул свет. Ещё раз мигнул. И запрыгал, приближаясь, луч фонарика. Луиза только сейчас почувствовала ватную слабость страха, заполнившую её до краёв. Фу такой быть. Стыдно.

— Добрый день! — голос звучал, как всегда, отчётливо. — Вы мне не поможете?

Луч фонаря замер, потом снова пришёл в движение, и в лифтовой холл выбежал парень лет двадцати. Никакой не бледный, а очень даже румяный, одетый вполне прилично — в широкие брюки и свободный свитер, сползший с одного плеча так, что видна ключица.

— Давно лифт ушёл? — спросил парень, погасив фонарь.

— Минут десять. Вы мне не поможете? Мне нужна Параллель 3-Л, грот семь. А гуглы сеть не ловят.

— И не поймают, у нас сеть ещё утром легла, обещали к завтра только сделать. Крысы кабель попортили. 3-Л — это вам во-он в тот коридор. Отсчитываете третий по левую руку поворот, ну а там спросите, седьмой — недалеко от входа, точнее не подскажу.

— Спасибо большое! — обрадовалась Луиза. — А то я уж возвращаться думала. Страшновато тут у вас.

— Да нормально, — в ожидании следующего лифта парень не против был поболтать, — как обычно. Моя бабушка вон этажей боится, говорит, люди так и снуют: и слева, и справа, и под ногами, и над головой — жить невозможно. Ни разу на этажи не поднималась, ей на пятом-то, у тётки, страшновато. Но по вещалке смотрела и осуждает. А вам вот у нас неуютно… По работе?

— Да, — и поспешила добавить, — я из Социального Управления. Профилактическая беседа.

Парень поскучнел.

— А-а. Ясно. Нечасто ваши нас вниманием балуют.

— Ну, — растерялась Луиза, — как направляют, так и…

— И правильно. Нечего вам у нас делать. Я вам так скажу: не трогайте нас. Кому наверх хочется — вот лифт, поднимайся. Не поднимаются? Не хочется. Дайте людям жить спокойно.

— Я же подневольный человек, — она принялась оправдываться, — мне сказали…

Затренькал звонок — приближался лифт.

— Вот тот ход, — напомнил парень, — третий коридор по левую руку. Не заблудитесь. Заплутаете — садитесь на месте и ждите. Только не орите, мало ли, вдруг трещина, обвал будет. Ждите, вас хватятся — и найдут. Удачи!

Он исчез в кабине, и Луиза осталась одна.

— Будто я хочу здесь у вас находиться, — подумала она перед закрывшимися дверям лифта. — Меньше всего на свете хочу!

Проверила сеть — нет сигнала — и, покрепче сжав планшетку, пошла работать.

***

В коридоре оказалось темно — фонари здесь почему-то не горели, должно быть, силовой кабель тоже попортили крысы. Луиза подсвечивала путь экраном планшетки, ругая себя за забывчивость — тут вечные перебои, в Нижнюю систему не ходят без дополнительных лайтеров. Подобная беспечность простительна рядовому члену сообщества, но инспектору СУ приходится бывать в разных ситуациях. Сегодня ты не взял лайтер, отправляясь на нулевой, а завтра, как говорит Клара Игнатьевна, гуглы дома забудешь?

Пальцами левой руки она касалась стены — влажной, будто потеющей, и холодной. Нулевой не отапливается, и тут естественные плюс восемь-десять, влажность… Кажется, под пальцами — шершавый бок огромной рыбы или ящера. Того самого, раскрывшего пасть в ожидании путника, ящера из детских страшилок. «Одна девочка не слушалась воспитательниц, пробралась ночью к лифту и спустилась на нулевой».

Первый провал — Луиза замирает, повернув голову влево. Кажется, из коридора доносится музыка. Ну, совсем близко.

Она продолжает путь, пальцы снова нащупывают бетон — шкуру! — стены. …На ночь воспитатели включают им звёздное небо и «звуки летней ночи». В спальне шелестит листва, по потолку медленно ползут созвездия и планеты,

изредка мелькает тень летучей мыши или наползает облако. Квакают в отдалении лягушки — недавно группу водили в зоопарк, лягушки вживую оказались гораздо гаже, чем в записи, Настя даже визжала. Луиза тоже визжала, но никто не слышал. Александра Сергеевна обещала, что Луиза скоро освоится с голосом, но пока ей очень трудно его активировать и подчинять себе. Настя сидит на кровати, завернувшись в одеяло, и рассказывает специальным таинственным тоном, остальные пять девочек слушают.

«Одна девочка не слушалась воспитательниц и спустилась ночью на нулевой. Вышла из лифта, и он тут же уехал. И темно кругом. Она пытается вызвать — а сети-то и нет. И аварийной кнопки на стене нет. Вдруг девочка слышит — кто-то зовёт её по имени. Кааааатенька, Кааатенька. И ей показалось, что это мамин голос, мама зовёт. Катенька пошла вперёд. Ничего не видно, только голос всё громче: Кааааатенька, иди ко мне».

Женька хватает Луизу за руку, и Луиза, благодарная подруге за это, сжимает её пальцы. Почему-то врачи считают, что Луиза должна бояться огня. Александра Сергеевна провела целую работу. Огня Луиза давно не боится. Она боится темноты — овязку с глаз не снимали долго, и Луиза жила в темноте, не совсем различая явь и сон. Только во сне мамин голос был. Как в этой жуткой истории.

Второй провал. Луиза поднимает маску, вытирает пот с лица. Непозволительно расклеилась, фу такой быть, Луиза! Поднимешься — бегом к психологу, проработывать. … «Девочка шла-шла, шла-шла. Голос — то ближе, то дальше. То, вроде, мама зовёт, а то непохоже. И как-то пришёптывает, причмокивает, будто поцеловать Катеньку хочет»… Луиза зашагала быстрее, ещё быстрее. В ушах стучало. «И вот Катенька чувствует — тепло стало. И голос уже кругом, отовсюду: Катя, Катя! Катя вспомнила, что у нее в кармане лайтер, зажгла его — а перед ней сидит чудище, как огромная лягушка, и вместо коридора — её пасть. Катя, я твою маму съело! Катя, я твоего папу съело! И тебя, Катя, я съело!!!»

Третий провал. Луиза повернула в коридор, сломя голову кинулась вперёд — кажется, да нет, не кажется, там свет, там человеческие голоса. Коридор расширился, потолок — обычный, светящийся, пусть и очень тусклый, стал выше. Железные двери, попадающиеся через неравные промежутки, были подписаны белой облупленной краской: 1, 1Б, 1В… Луиза хрипло дышала, не в силах унять сердцебиение. Сама себя напугала. А если кто видел? Тут идти-то от лифта, наверное, метров сто, а успела в штаны наложить. Срам какой.

Она постучала в седьмую дверь.

— Хто, блядь? — неласково пробасили изнутри. — Колька, ты, паскуда?

Луиза расправила маску и активировала голос.

— Социальное управление, инспектор Луиза Штерн. Яков Котко дома?

— Ну?

— Яков Данилович, впустите меня. Я нахожусь здесь с официальным визитом. Вы вправе отказаться меня впустить, в этом случае Социальное Управление привлечёт полицию для оказания содействия. Откройте, это всего лишь профилактическая беседа.

— Хуилитическая. Хули вам, блядь, надо? — бормотал, приближаясь, бас. — Вот, блядь, государству родному делать нехуй, баба, блядь, полно, все на берегу морском живём, шоколад жуём.

Дверь распахнулась. Внутри было светлее, и Луиза видела только силуэт лохматого мужчины на голову выше её.

— Агаааа, — протянул Яков Данилович. — Новая пани инспекторка. Ну, как говорят на нулевом, доброго времени. Проходите, не стойте. Чаю, кофе, какао? Пива, самогоночки?

В гроте стоял тяжёлый дух

многодневной пьянки. На круглом столе, придвинутом к узкой кровати, были навалены какие-то свёртки, высились бутыли, на тарелках пушилась плесень — белая, роскошная, как натуральный мех. Вообще повсюду были ящики, коробки, мешки, набитые чёрт-те чем. Луиза критически осмотрела единственный табурет и решила не садиться. Яков плюхнулся на кровать.

— Ну? Чем обязан? И где моя дражайшая инспекторка Вера?

— У меня нет данных о Вере. Яков Данилович, — Луиза включила планшет. — Я направлена сюда для проведения…

— Как-как вас зовут?

— Меня зовут Луиза Рустамовна Штерн, я направлена к вам для проведения…

— А почему вы, Лиза Руслановна, с какой-то, не побоюсь выражения, стрёмной хренью на лице? Воняет вам у нас? Заразиться боитесь?

Луиза зажмурилась под гуглами и досчитала до трёх. Вдох-выдох.

— Моя маска связана с моим состоянием здоровья. Яков Данилович, это к делу не относится. Давайте приступим. Итак, по нашим данным, вы уже третий месяц не имеете постоянного места работы и регулярного заработка.

— Вы из налоговой?

— Н-нет, я — инспектор СУ…

— А тогда зачем вам о моих заработках знать?

— Яков Данилович, наше ведомство занимается, прежде всего, условиями, в которых живут граждане города. Наша цель — достойный уровень жизни для каждого. Если у вас нет средств на пропитание, жильё, медицинскую — в том числе, наркологическую — помощь, мы готовы протянуть руку…

Он гоготнул, плеснул себе в стакан и залпом выпил. Луиза вывела на планшетку протокол. Пометила в графе «субъективные впечатления»: собеседник пьян, ведёт себя вызывающе, на контакт не идёт. Как, если верить личному делу, и всегда, собственно.

— Ладно, Лиза Руслановна, тебе скажу. Только это не для налоговой! Есть у меня средства, есть у меня заработок и всё у меня за… хорошо. Я тут, внизу, второй день, проживаю у Коли, моего брата, значит. Пьём за встречу. Завтра опохмелюсь — и снова работать. Не щадя живота, рук и ног.

— Кем работаете?

— Кем-кем… Обходчик я, хе-хе. Старые тоннели обхожу. И заброшку всякую.

— Лицензия есть у вас?

— Вот видишь, Лиза, я к тебе — по-человечески, а ты ко мне — как налоговик! Ещё раз, русским языком: бабла мне хватает. Проблем нет. Помощь не нужна. Разве что вот бабы нет… Ты вот замужем?

Он внезапно оказался совсем близко — только что сидел на постели, и вот уже нависает над Луизой, душный, широкоплечий, будто занявший всё помещение. Луиза только глянула на него — всклокоченные белые волосы, короткая рыжеватая борода, глаза тёмные, с прищуром, худощавый, но не измождённый, а жилистый — конечно, он же много ходит, протискивается туннелями — и тут же потупилась. Ботинки у Якова были не под образ, дорогие туристические ботинки.

— Яков Данилович, я рада, что у вас всё хорошо, пожалуйста, для подтверждения моего рапорта прижмите большой палец правой руки, — она отодвинулась, протянула планшетку с открытым бланком.

И бегом отсюда. Бегом. Мыться. Какая же гадость. Растопыренная пятерня кинулась ей в лицо и дёрнула маску вниз.

— Оп-пачки. Ебёна кочерыжка. Простите. Простите, Луиза Рустамовна.

Выронив планшетку, Луиза закрыла ладонями лицо. Безобразные рубцы горели, будто вокруг всё ещё бушевал

огонь, и кожа, поджариваясь, лопалась. Луиза дезактивировала голос, чтобы не слышно было её плача.

— Блин. Луиза. Простите.

Луиза раздвинула пальцы и сквозь щёлочку посмотрела во внешний мир. Яков склонился к ней, заглядывая в лицо.

— Я же не знал, — говорил он. — Ну простите. Не плачьте. Ну я заигрался, зашутился — хотел, чтобы вы от меня отстали. Неудачно как получилось. Я же не настолько мудак. Правда. Я просто дурак. А у вас глаза очень красивые, вам говорили?

Никто и никогда не говорил Луизе про красивые глаза. Она поправила маску, активировала голос и строго сказала:

— Надеюсь, это последняя наша встреча. Рапорт заверьте, пожалуйста.

Когда Луиза шла обратно к лифту, темнота не пугала её. Темнота обнимала прохладными руками и шептала на ухо: у вас глаза очень красивые. Луиза. У вас очень красивые глаза.

2.

— Луиза, задержись, пожалуйста.

Утренняя летучка закончилась, и все спешили по новым заданиям, Луиза же намеревалась провести день в кабинете, разгребая бумажные дела — её подопечным помощь пока не требовалась, а нового ничего озвучено не было.

Клара Игнатьевна смотрела поверх стильных, с тонкой оправой, гуглов строго, но с теплотой. Всегда элегантная, одетая сообразно возрасту и общественному положению, короткая седая причёска — волосок к волоску, она была подчинённым не только руководителем, но и наставником. Луиза её боготворила и осознавала это чувство. Когда дверь за последним сотрудником закрылась, Клара Игнатьевна продолжила:

— Помнишь твой визит на нулевой на прошлой неделе? Я тут пересмотрела рапорт и отметила некоторые странности, запись их не поясняет. Из записи видно, что Яков Данилович Котко ведёт себя неадекватно, агрессивно, он пьян. Отмечено, что в помощи он не нуждается — тут я согласна. Но откуда вывод «в целом характеризуется положительно»? Что-то произошло после окончания записи, Луиза?

— Он извинился.

— Вот как… Странно. Ну да ладно. Я рада, что ты приняла его извинения, приняла ведь? Потому что гражданин Котко прислал запрос на повторный визит инспектора СУ. Ты пойдёшь, Луиза? Или мне отправить другого инспектора? Веру из пятого отдела он довёл до слёз, Вера от него отказалась. И судя по записи — я пойму, если ты поступишь так же.

— Всё в порядке, — быстро возразила Луиза. — Я пойду. Если человеку требуется помощь — мы обязаны её оказать, разве нет? Каждый может ошибиться. Нагрубить. Нахамить. От этого он не перестаёт быть человеком.

— Да. Ты права. Безусловно. Такой… урок моральных принципов. Что ж, тогда я оформляю заявку на тебя на сегодня.

***

Гуглы проецировали изображение на кремовую стену кабинета. Луиза коснулась маски — она предпочитала повязки вроде медицинских, с резинками сверху и снизу, закрывающие лицо ниже глаз. Сегодня надела зелёную — под цвет рубашки. Мокасины, брюки, просторная блузка в «ковбойском» стиле. Шейный платок. И — маска.

В коридорах и галереях на Луизу не обращают внимания — мало ли, почему человек закрывает нос и рот, может быть, боится инфекции или принадлежит к какой-то странной секте. Мусульманки вон ходят, закутавшись в покрывала, и Луиза подростком думала принять ислам.

Чёрные волосы, карие глаза под изогнутыми бровями. Красивые? Ну,

может быть. Круглые. Глаза, как глаза. Она стянула маску.

Ещё лет пять работы, и можно будет поправить, например, нос. Ещё десять — и возможной станет пластика щёк. Сколько нужно, чтобы сделать себе губы, чтобы вернуть на место «стёкший» на шею уродливыми буграми плоти подбородок, Луиза не знала. Огонь оплавил её лицо, как оплавляет свечу, инфекция, попавшая в раны, завершила его работу. Общество не осталось равнодушным к беде ребёнка — Луиза могла говорить голосом, но имплантат — одно, а внешнее уродство — другое.

Она почти привыкла, на самом деле. Почти-почти. Она и не помнила себя другой, как не помнила родителей, кроме воспитательниц и Александры Сергеевны, своего психолога. Красивые глаза или всё-таки нет? Гуглы послушно реконструировали её вероятное лицо — острый нос, подбородок с ямочкой, впалые щёки. Да, пожалуй, если так — красивые. А если вернуть обратно…

Тренькнул таймер: пора на выход. Переодеться она не успела, только плащ прихватила — внизу всё-таки холодно.

***

— А вот и наша Луиза-Лиза! Добро пожаловать на нулевой. Решил встретить, чтобы вы не заблудились, — Яков был трезв, и если бы не заговорил, Луиза не узнала бы его. Он побрился, и в рабочем белом комбинезоне казался совсем молодым, не старше Луизы, хотя в личном деле значилось: ему тридцать восемь.

— Здравствуйте, Яков Данилович. Вы отправили запрос, у вас какие-то проблемы возникли?

— Пожалуй, что так, пожалуй, что так. Например, Лиза, твоя одежда. В прошлый раз ты была в комбинезоне, а в этот — как у вас там наверху пижоны ходят. Это проблема. Не понимаешь? — он засмеялся. — Ты на ноги свои посмотри, ты как вот в этом вот гулять пойдёшь?

— Не совсем понимаю вас.

— Чего? Я ночей не сплю, совестью мучаюсь — обидел миленькую инспекторку. Раскаялся в своих заблуждениях, решил загладить вину, а кода не знаю, профиль не нашёл — вот, пришлось через ваших. Ну что, Лизок, пойдём?

— Куда пойдём? Яков Данилович, — она решилась посмотреть в его лицо, Яков широко улыбался. — О чём вы вообще? Зачем вы меня вызвали?

— Чтобы показать тебе поверхность, Лизок, — сказал он ласково. — Тебя ж обидеть — как ребёнка. Нехорошо это. Я ж не мудак. Вот и хочу сделать приятное — показать тебе волю. Там сейчас как раз весна.

***

Луиза не понимала, как Яков уговорил её на эту авантюру. Она бывала на поверхности, конечно — и ребёнком, в ходе реабилитации, и взрослой, в санатории СУ на берегу моря. Слишком много места, воды, непредсказуемого воздуха, перепадов температур и влажности — ей не понравилось. Море Луиза любила разглядывать в гуглах, занимаясь медитацией. Но почему-то пошла за Яковом — сперва в комнату «брата Коли», где поверх своих вещей натянула белый комбинезон, а мокасины сменила на туристические ботинки — у Якова оказалась пара всеразмерок, ужавшихся по её ноге. Для экскурсий, объяснил Яков, не Луизу первую он на поверхность ведёт. В самом выходе не было ничего противозаконного. Вот он — лифт, хочешь — поднимайся, гуляй, да хоть дом строй и живи. Не хочет никто. Но Яков повел её не к обычному лифту, а к техническому — полутёмными коридорами, узкими и сырыми, где даже Луизе приходилось сутулиться, чтобы не биться макушкой о потолок.

Проводник нёс обычную свою чушь, упорно называя её Лизой, предупреждал, мол, осторожно, скользко, смеялся своим шуткам. Тесный технический лифт

дребезжал и трясся, они сели прямо на пол, и Яков достал из рюкзака термос:

— Хлебни-ка чаю. Не бойся, просто чай. — Чай был горячий и очень сладкий.

Щекотное предчувствие нового пузырилось в крови, Луиза едва сдерживалась, чтобы не начать болтать или хихикать, и совсем не страшно оказалось ползти в толще камня на поверхность с незнакомым человеком.

— Тебя как угораздило-то? Ну, с лицом?

— Пожар, — она чуть помедлила, думая, как объяснить, но Яков все понял, кивнул сочувственно и накрыл её руку своей ладонью.

— Я один раз видел. Страшное дело. У нас-то внизу гореть нечему, сплошной камень, а у вас на этажах… ты с какого, кстати?

— Сто двенадцатый.

— Ого! Высоко забралась, Лизок.

— Мы на сотом жили с родителями. Потом… Потом, когда выпустилась из интерната, город помог — выделил квартиру на сто четвёртом. А эту уже по работе дали.

— Нужная у тебя работа. Если не к типам вроде меня ходить, а по-нормальному, к тем, кому требуется помощь. Ты же помогать, небось, любишь? Старикам, деткам и одиноким мамам? Нужное дело. Это я — общественно бесполезный, потому на нулевом и сижу и всю жизнь просижу… Да и пофиг. У нас же свобода. Куда хочешь — туда и иди. Хочешь — по верхним галереям погуляй, хочешь — по поверхности, а потом — пожалуйте обратно-с, домой-с, в свою нору. Так, Лизок, почти приехали, провожу инструктаж: гуглы затемни, прям максимально, потом подкрутишь, под ноги смотри, ничего живое не трогай, хочешь потрогать — спроси меня, на солнце не пялься, дальше, чем на метр, от меня не отходи, слушайся беспрекословно. Поняла? Ну и хорошо. Я в тебе и не сомневался.

Лифт начал торможение. У Луизы вспотели ладони.

***

Вокруг всё шевелилось. Луиза непроизвольно вцепилась в руку Якова. Размахивали сверкающими ветвями деревья, подрагивали пальцы травы, обтекал, толкал в бок, воздух, и в нём носились мелкие жужжащие твари — насекомые, наверное, птицы, вроде, больше. Пахло резко, даже сквозь гуглы солнце било в глаза, у Луизы текло из носа, сверлило в горле. Она едва стояла на ногах — качало, шатало, где верх, где низ — не понять даже.

— На вот, спрей забрызгай!

Она не понимала, чего хочет проводник. В прошлые выходы на поверхность всё было по-другому. Шлюз, транспорт, «воздушные ванны» на рассвете и закате по часу в день, и зелень в санатории была приручённая и…

— Вот несчастье же! Спрей, говорю, в нос забрызгай, а то от шока загнёшься! Ну!

Окрик подействовал, Луиза бестолково покрутила флакончик в руках. И куда его? И как? Мимо с жутким воем пронеслось, вспарывая воздух, что-то чёрное, чуть не с кулак размером. Она вскрикнула.

— Спокойно. Это жук. Маску сними и забрызгайся. Ну-ка, дай я лучше сам.

От стыда Луиза зажмурилась. Сейчас Яков бросит её здесь, убежит вниз, в безопасную темноту, и будет прав. Чужие пальцы прикоснулись к её лицу. Стыдно, стыдно, фу такой быть! От двух «пшиков» лекарства в голове у неё прояснилось, паника отступила.

— Быстрее всего, — пояснил Яков, возвращая маску на место. — Гемато-энцефалический барьер только так и возьмёшь. Ну что, легче? А, Лизок? Пойдём погуляем, пани инспекторка? Да не трясись ты.

Луиза нашла в себе силы открыть

глаза. Мир по-прежнему хаотически шевелился, но уже не так пугал.

— Возьми меня за руку, — приказал проводник. — Ничего, привыкнешь. Ну чего ты на меня гуглы пучишь? Ты мне словами скажи, тут сеть не ловит.

— Извините, — прошептала Луиза, активировав голос.

— Да херня. Все по первому разу норовят в обморок упасть. Ты ещё ничего держишься, мелкая, а смелая. Да, Лизок? Выше нос!

Нос. То, что осталось от носа. Он же видел её лицо, прикасался. Конечно, теперь он не думает, что глаза у неё красивые. И жалеет, что позвал сюда, на прогулку. Акция жалости.

— Ты из-за лица?

Она отпрянула.

— Я, дорогая инспекторка Луиза Рустамовна Штерн, прожил тридцать восемь лет на нулевом. Я хожу в заброшку, я был в Штреках Смерти — и это их официальное название, чтоб ты понимала. Я с пятнадцати на поверхности, где вы, мажоры с этажей, впадаете в панику. Ты думаешь, меня испугает обгоревшая мордашка? Нет, не думаешь? Вот и славно. Проехали и больше к этой теме не возвращаемся.

— Извините…

— Давай на «ты». Здесь-то ты мне не социальный работник, а я тебе — не подопечный. Ну, всё, пошагали, день прекрасный, лес чудесный, птички поют. Вперёд.

Преодолев робость, Луиза взяла проводника за руку. Будто два разных человека. Три разных человека. Пьяный хам, напугавший и вызвавший гадливость. Раскаявшийся и очень серьёзный мужчина, сказавший про красивые глаза. И самоуверенный, резкий проводник. Три человека, три маски — а есть ли среди них настоящее лицо? Обычно люди меняют маски, не задумываясь. И кожу показывают только перед самыми дорогими. Или перед инспектором СУ, которая пришла специально чтобы помочь. Луиза гордилась своим пониманием человеческой натуры, Клара Игнатьевна не раз ставила её в пример.

Только с Яковом чутье пасовало. Он рассказывал про поверхность. Про смешанный лес, птичьи трели, цветение, объяснял, что дорожка, по которой они идут, называется тропинка, что данный участок леса специально облагорожен для туристов, но чуть дальше начинается настоящая дикая чаща, куда они и направляются. Рассказ звучал бодрой скороговоркой, наверняка повторённой сотни раз перед людьми с этажей, и речитатив успокаивал, подчинял ритму, Луиза даже начала озираться без особого страха, повторяя про себя: берёза, дуб, ольха. А вон на том дереве листья почему-то белые.

Цветы, поправляет Яков, это яблоня в цвету. Не она гудит — вьются пчелы, опыляют. Давай подойдём. Что, прям по траве? Траве не больно, по ней все ходят. Вперед, Лизок. Фарфоровой тонкости лепестки, розоватое в середине, пахнет духами — нет, это цветы так пахнут, понюхай.

Осторожно, не трогай это насекомое, это пчела, может ужалить. Просто не трогай — и всё. Встань туда, я тебя на память сфоткаю, повесишь в и-грам, все обзавидуются. Как — нет и-грама? Ну ты даёшь, пани инспекторка. Нет, солнце не садится. Это облако. Уменьши затемнение гуглов на тридцать процентов. Теперь видишь? Нет, бури не будет, даже дождя не будет — ветер не пахнет дождём. Ветер — движение воздуха…

Лес оборвался, и Луиза увидела море. Только не воды — а травы. Над морем — полем — насколько хватало глаз раскинулось небо в кучах облаков, светлых сверху, на тёмной подошве, облака отбрасывали тени, бегущие наперегонки, и Луизе захотелось бежать, запрокинув лицо и раскинув руки,

чтобы ветер подхватил её и понёс далеко-далеко, за горизонт. А под облаками играли в воздухе птицы, маленькие-маленькие, и звонкие их голоса музыкой наполняли мир.

— Я хотел тебе показать. Ваши этажи… Там красиво и безопасно, Луиза, но жизнь — здесь. Ну что, пойдём?

— Куда?

— Через поле, к дальнему лесу.

Он все ещё держал Луизу за руку, и она не решалась освободиться — да и не хотела этого. А глаза у Якова, оказывается, синие — отражают весеннее небо. Он высокий и сильный, и шагает легко, поглядывая на неё с улыбкой. Луиза спотыкается о кротовины, сбивается с шага, и Яков подхватывает её на руки. Будто ветер — птицу. Всё кружится, и Луиза взвизгивает от восторга и счастья, и оказывается, что земля под травой — мягкая и тёплая, а чужое большое тело — совсем не тяжёлое. Вне и внутри Луизы торжествует весна.

3.

— Замуж?!

— Мы оформим сегодня гражданское партнёрство, — смущённо уточнила Луиза. — Я понимаю, Клара Игнатьевна, что всё очень внезапно… Однако вот так получилось. — Она развела руками.

— Да, внезапно. А кто же он, Луиза? Где ты встретила своё счастье?

— Он бывший наш подопечный, Яков Котко, помните, с нулевого? Он меня полюбил, поэтому и присылал повторный запрос, и мы… Ох, если бы не вы, мы не встретились бы!

— Девочка… — Клара Игнатьевна сняла гуглы, отложила их на край стола. В кабинете у неё было уютно — бонсаи на кованых подставках, точечное освещение и звуки схемы «полдень в лесу», вещалка с видом на горы, покрытые хвойным лесом, над пиками кружат орлы, стол под натуральное дерево.

— Девочка моя. Луиза. Сколько ты у нас работаешь?

— С выпуска, уже семь лет. Помощником ещё в институте начала.

— Ну да. Семь лет. Я тебя знаю, значит, с восемнадцати. Ты очень повзрослела, Луиза, ты прекрасный, отзывчивый человек. Ты многое пережила. Но ты несколько наивна… Не подумай, я не покушаюсь на твоё счастье. Луиза.

Она протянула через стол руку, приглашая Луизу пожать пальцы. Луиза не шелохнулась. Ласковый тон не мог обмануть её. Что хочет сказать Клара? Что брак с бывшим подопечным недопустим? И Луиза, заверив договор партнерства, потеряет работу? Рука начальницы лежала на столешнице — бледная и безвольная.

— Луиза, ты уверена, что он тебя любит?

— Простите?

— Ты. Уверена. Что Котко. Тебя. Любит? — отчеканила Клара.

Луиза рассмеялась.

— Ну конечно. А как ещё? Кто бы стал жить со мной без любви? Ради чего терпеть меня рядом? Он мог бы красавицу себе найти.

— Ты — высокооплачиваемый специалист со служебной квартирой на сто двенадцатом этаже, Луиза.

Дыхание пожара на щеках. Горячо. Вот, значит, какого мнения о ней Клара. Как и все. Как и сама Луиза раньше думала о себе: ничтожество, у которого никогда не будет семьи, не будет даже отношений.

— Клара Игнатьевна. — Луиза поднялась. — Спасибо вам большое за предупреждение. Но у меня есть достоинства, помимо зарплаты и жилья. И эти достоинства — допустим, красивые глаза, да! Красивые глаза! — перекрывают моё уродство. Спасибо ещё раз. До встречи.

Она развернулась и вышла из кабинета, гордо подняв голову. Всё это ерунда. Яков любит её. Яков называет

её «Лизок» — и совсем не обидно. Яков переехал к ней уже через неделю после той самой второй встречи! Потому что любит! Он сам сказал: к чему нам расставаться, выкраивать время в твоём расписании, когда можно жить вместе. Ну и не ей же переезжать к нему в Нижнюю систему. Оранжевым коридором Луиза спешила на встречу с мужчиной, который через час станет её мужем.

***

Беседка Партнёрства находится на мосту, одном из самых красивых в городе, на уровне сто пятидесятого этажа. Выше — только административные помещения, система орошения и светящийся голубым потолок. Ажурный, плавно изогнутый мост соединяет Дом Цветов и Башню Согласия. Беседка (колонны белого мрамора, круглая островерхая крыша крыта золотом) — точно посередине. К ней можно подъехать на флайнибусе или движущейся дорожке, но кто может — идёт пешком, так символичнее. Перила высокие — метра два, и все в замочках с подписанными именами.

Луиза никогда раньше здесь не была. Яков ждал её у входа со стороны радужной Башни Согласия. Переминался с ноги на ногу, такой красивый, такой торжественный в чёрных брюках и белой сорочке.

— Я купил нам замочек. — Замок был стальной, с надписью красным «Яков + Луиза».

— Как в кино. Я никогда не думала, что у меня это будет. Пойдём?

— Пойдём, Лизок, давай руку.

В этот день и часна мосту они были одни. Поднимались в молчании. Их обступала колоннада небоскрёбов Верхней Системы. Башни-столпы, подпирающие потолок, опоясанные на уровне каждого этажа галереями, мигающие огнями окон и реклам. Между ними плывут флайнибусы и мелькает транспорт помельче, подножия башен теряются в сумраке, где-то там — пол. Слегка тянет сквозняком — работают системы вентиляции, пахнет озоном. В Нижней системе легко заплутать. В Верхней — легко забыть, что ты — под поверхностью Земли. Мост, сплетённый из металлических нитей, казался настолько прозрачным, что у Луизы слегка — как после пары бокалов — кружилась голова.

Луиза крепко держалась за Якова, ступавшего основательно, твёрдо. Распорядителем оказалась женщина возраста Клары Игнатьевны. Полнорукая, полногрудая, черноглазая, в красном платье с облегающим лифом и почти незаметных гуглах.

— Приветствую, Луиза и Яков! — Информацию для регистрации подавали заранее. — Счастлива видеть вас здесь, готовых скрепить союз узами официального партнёрства. Луиза, чтобы я могла удостоверить вашу личность, прошу снять маску.

Луиза повиновалась. Если распорядитель и удивилась, то вида не подала.

— Прежде всего позвольте спросить: является ли ваше решение заключить партнёрство обдуманным, добровольным и обоюдным?

— Да, — сказали они хором.

— Рада слышать это. Ответьте мне на вопросы о деталях заключаемого союза: срок, на который вы желаете заключить союз? Вы можете назвать срок от десяти дней до пятидесяти лет, по истечению предусмотрено электронное пролонгирование.

— Пятьдесят лет, — ответил Яков.

Луиза кивнула. Пятьдесят. Половина столетия… это что же, он готов связать с ней жизнь навсегда?! Иди ты в задницу, Клара, со своими предположениями! Фу такой быть!

— Рада слышать это. Имущественные нюансы: долевое владение, общее имущество, раздельное?

Луиза не понимала, о чём речь, но Яков выбрал общее имущество. И отлично.

— Место проживания: раздельное,

совместное? Если совместное — на чьей территории?

— У меня, конечно, — выпалила Луиза. И тут согласился Яков.

— Итак, — подытожила распорядитель, — после подтверждения партнёрства всё имущество, официально нажитое каждым из вас до регистрации партнёрства, переходит в общее пользование, место жительства определяется по Луизе Штерн, партнёрство заключается на срок пятьдесят лет. Всё верно? Есть ли у вас особые пожелания?

— Я хотел бы взять фамилию Луизы, — попросил Яков. — Красивая фамилия. Яков Штерн — звучит же, да, Лизок? Очень мне подходит.

***

День Рождения СУ праздновали, как всегда, с размахом, и злые языки заранее язвили: нам бы эти деньги — да в премию, каждому бы по столько-то причиталось. Луиза День СУ любила. С тех пор, как семь лет назад попала впервые на настоящий роскошный праздник. Зал совещаний украшали гирляндами, распахивали двери на галерею, расставляли столы с закусками и напитками, устраивали танцы. И принято было приходить в костюмах.

Здесь Луизина маска казалась не просто обычной, а очень кстати. В этот раз Луиза шла с партнёром. С мужем. Впервые долгими переходами и узкими коридорами — к служебному лифту под руку с мужчиной. Яков был ослепителен. Лучше всех. Он где-то достал древнюю фрачную пару, а Луизу подговорил одеться одалиской, оголив большую часть тела, а лицо — прикрыв вуалью в исламском духе.

«Знай своё место, — пошутил Яков, — женщина, у ног белого господина». Очень смешная шутка, совсем не обидная!

Зал наполнялся, Луиза пыталась угадать в костюмированном люде коллег. Вон тот пожилой пират с накладной бородкой — не Клара ли Игнатьевна? Точно, она. Завидев Луизу под руку с мужем, подошла, улыбнулась, раскланялась.

— Рада познакомиться, пан Котко.

— Штерн.

— Простиите, — протянула Клара с непонятной интонацией, — пан Штерн.

— Лизок, принеси-ка мне шампанского или что тут у вас наливают, — Яков шлепнул её по попе — точно придерживаясь роли.

Луиза отошла к бару, попросила два бокала вина. Рядом тут же оказался пират — Клара.

— Ты счастлива, Луиза? Мы так и не говорили после…

— Я не намерена обсуждать личную жизнь, Клара Игнатьевна.

— Я просто беспокоюсь о тебе. Луиза, я навела справки, я расспросила Веру, которую он довёл до нервного срыва. Послушай, он — аферист и хам, я знаю о нём…

— Я не намерена обсуждать личную жизнь! — она забрала вино и вернулась к мужу.

Яков уже где-то взял высокий стакан с цветным, слоями, жёлто-сине-прозрачным коктейлем. Он беседовал со смутно знакомой Луизе дамой, и на жену едва глянул, только бокал принял и осушил залпом.

— Дуй за следующим, Лизок, а лучше водки принеси.

Дама угодливо подхихикивала, поводя плечами, губы её блестели. Луиза побрела обратно к бару. Веселье набирало обороты. Запустили музыку, на танцполе закачались пары, и Яков танцевал — уже с молоденькой, лет восемнадцати, девушкой, длинноногой и тонкой. Луиза приносила ему коктейли и водку, канапе и сладкое, чувствуя, как немеют под вуалью щёки, как стучит в ушах унижение.

— Яша, потанцуем?

— Лизок, дай ты мне оттянуться в обществе. Принеси лучше… что-нибудь. С коллегами поболтай.

Её остановила девочка из отдела, Нелли, и за пустым трёпом Луиза потеряла Якова из поля зрения, заметалась по залу. Но его не было — только маски, маски, пираты, ковбои, кошечки и инопланетяне. Луиза выскочила в коридор. Двери кабинетов — нараспашку, вон двое любят друг друга на рабочем столе, не поймёшь, мужчины или женщины — бесполые, в костюмах водопроводчиков, красных кепках, с закрученными усами, как будто некто удовлетворяет сам себя, бесстыдно выставив это на всеобщее обозрение.

Хохот, звон бокалов, обрывки тостов: «За СУ!», «Сушки — лучшие!», «Как сказали бы мои подопечные: Михайловна — главная СУка!». Стоны удовольствия, оргия, непотребство — как она раньше не замечала этого?

Луиза кинулась бежать. Остроносые туфли без задника скользили, шлёпали по пяткам, звенели подвески на шароварах. Коридор изгибался, закруглялся, кусал себя за хвост, и Луиза, смутно удивляясь: я что, настолько пьяна? — оказалась перед барной стойкой, она сидела на высоком стуле, вертела в пальцах хрупкий бокал, и кто-то рядом толковал голосом Клары:

— Луиза, послушай, просто расторгни партнёрство, я позабочусь, чтобы тебя не сильно это коснулось. Потеряешь половину имущества — ну и что? Зато не всё потеряешь.

— Яша не такой. — Она слезла с табурета и пошатнулась. — Он меня любит, ясно?

— Луиза, да ответь ты мне что-нибудь! — Клара Игнатьевна с силой потерла рукой глаза. Голос, вспомнила Луиза. Активировать голос.

— Яша меня любит, ясно вам? Меня! Да! А вы… вы завидуете!

Она увидела наконец-то спину мужа — он стоял на галерее, облокотившись о перила, и подле него томно изнывала роскошная телом дива. Луиза устремилась туда, расталкивая изгибающиеся в танце тела. Потолок в зале выключился, выключился и общий потолок, над городом повисла ночь, которую кромсали полосы цветного света.

Вспышка стробоскопа — руки взмывают вверх, вспышка стробоскопа — изогнулись голые торсы. Вспышка — вповалку, на полу, предаются свальному греху, да что это за картины такие?.. Яша, Яша, пойдём домой, мне нехорошо, я пьяная. Яша! Его спина совсем близко, Яков говорит обильной телом:

— Увы, я связан пожизненным партнерством с инвалидом. Ты бы её видела. Она же говорить не может без имплантата. Впрочем, всё остальное может, главное — в лицо не смотреть. Жалею я её.

Яша, мне плохо. Активировать голос.

— Яша!

— Лизок? Да ты напилась, что ли?

— Яша, пойдём домой.

— Да ты на ногах не стоишь. Посажу тебя в флайнибус. Я ещё тут побуду.

— Яша, пойдём. Пойдём. Это моя вечеринка. И я больше не хочу. Пойдём.

— Она, что ли? — задумчиво протянула дама. — Инвалидка твоя?

— Лизка, брысь отсюда, кому сказал, — прошипел Яков. — Я с тобой потом разберусь, поняла? Катись домой. Уяснила? Быстрррро!

Она схватила мужа за руку, потянула за собой. Какие страшные вещи слышатся, какие жестокие. Это все выпивка, это — чудовище города, его пасти хохочут над Луизой, его глаза горят огнём пожаров, в которых сгорают маленькие девочки и их родители, всё сгорает, всё горит, Луиза, красота и нежность становится уродливой коростой на лице. Яков сорвал с неё маску и швырнул с галереи вниз. Невесомая вуаль порхала бабочкой, лепестком яблони, белой искоркой скользила сквозь темноту. Луиза попыталась закрыться — но все видели, все видели её безобразное лицо, похожее на оплывшую свечу, на сталактит

в карстовой пещере. Отворачивались, морщились — и Луиза отражалась в их глазах как в сотнях зеркал.

— Ну ващеее, — выдохнула обильная телом, — как у тебя на неё стоит-то?

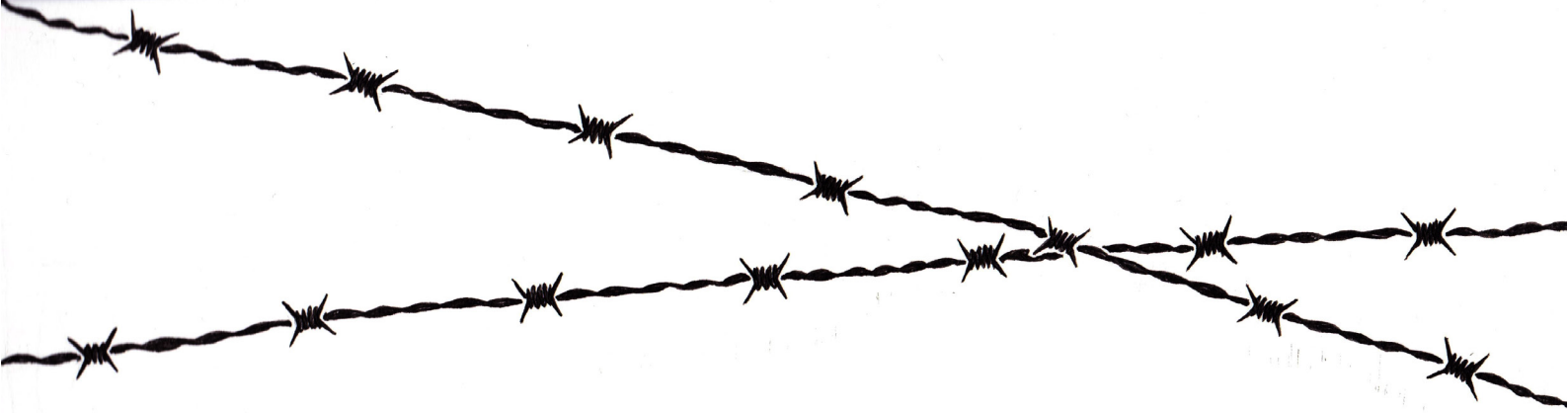
Яков рассмеялся:

— Да у меня на всё стоит! Не веришь — проверь!

Луиза закричала, скинула руки подбежавшей к ней Клары Игнатьевны.

Огонь, огонь был кругом, жарко и темно, темно и жарко и, чтобы вырваться из этого пламени, чтобы ничего больше не чувствовать, Луиза рухнула вниз, в ночь, навстречу полу, перегнувшись через перила галереи. Луиза — позвало чудище снизу. Луиза. Иди ко мне. Голос был похож на голос мамы. Луиза летела — как птица над морем травы. Летела, пока не встретилась с каменным подножием города.

Житомир, 04–06.01.2018



Зверьгород

отрывки из романа в стихах

Джанни Цюрупа

«Домик для поросят должен быть крепостью!» —

Написано над воротами фермы,

куда привезли маму Свинку и папу Свина.

Они молоды, держатся друг за друга в кузове грузовика,

Первенец распирает мамы Свинки бока.

— Мне говорили, милая, сюда не пролезут волки.

Посмотри на этот забор из колючей проволоки, посмотри только!

Мы будем в безопасности: ты, я, поросята наши.

Дом наш будет крепостью, дом – полная чаша!

Мама Свинка устала от долгой дороги,

У неё тонус, у неё отекают и болят ноги.

Мама Свинка любуется безопасным простором:

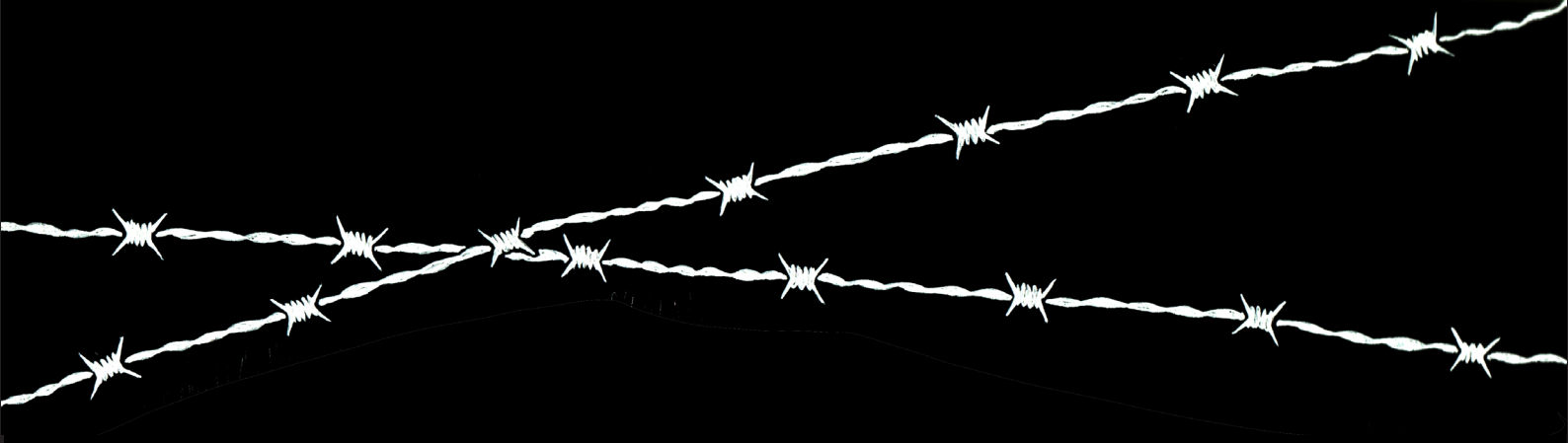
Холмы, перелески, домики, всё надёжное и простое,

Охрана на вышках по периметру. Доберманов свора.

За усадьбой фермера дымят трубы.

Но что нам те трубы.

Лишь бы волки оставили нас в покое.



***

...осталось семь.

Кошечка Бетси подтягивает гольфы, поправляет платье, отряхивает бант, подбирает упавший сандалик, бежит, не оглядываясь назад.

По дороге – мимо дома фермера Джо.

Бывает, думает Бетси, сегодня не повезло.

Попросить молока у пани Козы – я побуду с козлятами, они так милы, только, пани Коза, мне бы стакан молока. Нет? Ну, бывает, пока.

Бывает, думает Бетси, что помочь не хотят.

Или не могут – но Бог любит котят.

Попрошу еды у пани Коровки, у пани Овцы – у них должно быть что-то, от молока набухли сосцы. Как было у мамы... Бет трясёт головой. Нельзя вспоминать о маме, нельзя возвращаться домой.

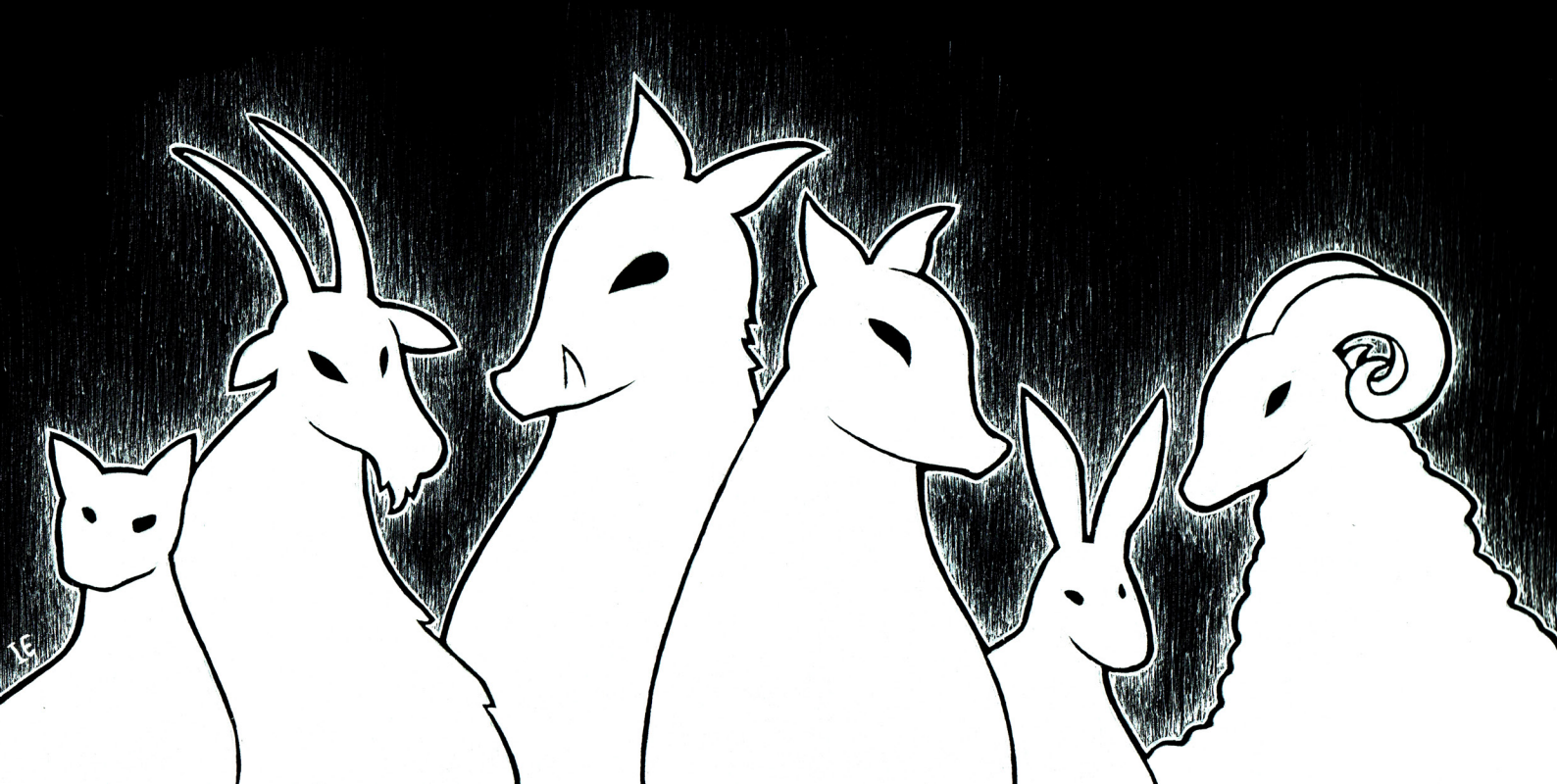
Бывает, думает Бетси, мир не очень-то справедлив.

Но осталось семь, ещё семь раз впереди!

А когда я, как мама, истрачу последний шанс – я проснусь рядом с ней, и Господь мне за всё воздаст. За отраву, подброшенную фермером в наши миски. За машину, сбившую нарядную киску. За мамин прощальный мяв, за жестокость других зверей. Хищная, говорят, тварь, а какой же я хищник – размером как воробей?

Бывает, думает Бетси.

Если вырасту – будет проще и веселей.



***

Свиньи собираются у костра. Ночь полна влажных шорохов, ночь густа. Звёздные глазки, жёлтый пятак луны. Поросята скачут по лужам, обаятельны, веселы. Свиноматка в миске выносит салат. Хрюкает от удовольствия, почуяв дымка аромат.

Папа Свин достаёт решётки, проверяет тесак – остёр!

— Поросятки мои, посмотрите, какой костёр! Жарок, высок, пышет искрами в небеса! Поленья трещат на разные голоса!

К угощенью приходят Крольчиха и пани Коза. Овечья отара в сопровождении Пса. Поданы закуски из овощей, конечно, аперитив – Свиноматка за протоколом следит. Наконец, наступает черёд барбекю.

...фермер Джон хочет проснуться, сопротивляется сну, отталкивает рыла, морды, рога, пятаки.

Папа Свин и Свиноматка берутся за тесаки.

***

Когда вырастет, овечка Сьюзи окончит колледж, станет медицинской сестричкой, будет трудиться в госпитале у пана Зебры.

Недосып, алкоголь, романы с врачами, ночные смены. Случается всякое. Сдают нервы.

Недавно привезли целый автобус деток. Рожки отдельно, ножки отдельно — напали тигры.

Когда овечке Сьюзи говорят об этом, она соглашается: несправедливо.

Но призвание есть призвание, с ним не поспоришь, Сьюзи мечтала стать медсестрой ещё до свержения хищного строя, с детского сада, а сейчас Сьюзи учится в младшей школе.

Мама Овца знает, что Сьюзи не вырастет. Сьюзи умрёт до того, как поступит в колледж. Это тоже несправедливо, настолько, что в сердце у мамы Овцы постоянно ножик, тупой ножик неминуемой детской смерти.

Мама Овца идёт в госпиталь пана Зебры.

Давайте скажем ей правду, мне невыносимо слушать, как Сьюзи мечтает о будущем.

Это слишком жестоко, отвечает Зебра. Давай сделаем вид, что мы все живём в мультике.

Ведь герои мультиков никогда не взрослеют.

Добрый, мудрый пан Зебра.

Интервью с автором

В этот раз мы поговорили с Джанни Цюрупой – поэтом, писателем-фантастом, редактором и преподавателем. За дебютный «Человек человеку» в 2011 он получил премию «Бронзовый кадуцей» на харьковском международном фестивале фантастики «Звёздный мост», и с того времени пишет как романы, так и отдельные рассказы

В этом номере «Андерхаунда» публикуем отрывки из его романа в стихах «Зверьгород» и рассказ «Огарок». Оба эти произведения вы уже, надеемся, успели прочесть. А сейчас делимся беседой с Джанни.

Первым делом мы бы очень хотели поговорить про те произведения, которые публикуем в этом номере. «Огарок» и «Зверьгород». Про «Зверьгород» редакция уже знает, что это дарковая версия «Свинки Пеппы». Если можешь, расскажи вообще подробнее, как родилась идея цикла и почему «Свинка Пеппа» оказалась в таком тёмном антураже и таком жанре.

Это, на самом деле, очень простая и знакомая каждому родителю история, когда твой ребёнок входит в возраст уверенного тоддлера и смотрит мультики на повторе. Все дети смотрят мультики на повторе, один и тот же мультик крутится у тебя утром, вечером и в течение дня. Ребёнок требует «Свинку Пеппу», и ты её смотришь. Ребёнок опять требует «Свинку Пеппу», а ты её опять смотришь. Ты уже можешь говорить голосом Папы Свина, Мамы Свинки, и они тебя достали, потому что ребёнок смотрит ещё и одни и те же серии. И вот как-то утром, поспав часа три (ну, ребёнок же маленький, его же одного не оставишь за мультиком), я смотрел очередную серию «Свинки Пеппы». Смотрю я её, смотрю, пью пятую кружку кофе, и возникает у меня вопрос: «А чем же они питаются?..» (там же есть волки, в этом мультсериале, например). Кто же там, какая же у них пищевая цепочка, и как это будет, если их встроить более-менее в реальность?». Начинался цикл со стихотворения «Свиньи собираются у костра, ночь полна влажных шорохов, ночь густа», когда Свиноматка и Папа Свин «берутся за тесаки», собственно.

То есть, начинался цикл не с начала. Потом он стал писаться дальше, и уже потом (я никому не рекомендую это, как творческий метод) выстроился сюжет. Я стал осознавать, что я пишу, и что я пишу, в общем-то, социалку, потому что в этом обществе у нас есть свиньи, в этом обществе у нас есть волки, и в каждом обществе у нас есть люди, которые за кадром, иногда мы меняемся с ними местами, как это происходит, в общем-то, в финале «Свинки»... Ну, у «Свинки Пеппы» не происходит, в финале «Зверьгорода» происходит. На самом деле, это мой, наверное, ужас перед социальными проблемами, моя лёгкая социофобия, моя... нелюбовь к общей массе людей, и интерес к процессам, которые делают из жертвы палача.

Понятно! Это прекрасная интерпретация, я считаю. И вот по поводу социальных моментов, социофобии: у тебя вообще в творчестве такой жёсткий упор именно на социальные процессы, и «Огарок» — не исключение. Я права?

Да, «Огарок» — это социальная вещь

с совершенно другой историей создания, не таким творческим методом. В общем, он мне приснился: сеттинг, ну и вообще. «Огарок» — это история абьюза, история того, как общество толкает человека в лапы абьюзера. Да, равнодушие, нетерпение, нетерпимость к иной, в чём-то другой, даже внешне другой — у героини внешняя особенность: она стала жертвой пожара, у неё нет пластической хирургии, и она остро ощущает себя уродом. И, хотя общество предельно доброжелательно к ней, это хорошее общество… Точнее, в нём она как бы на верхушке пищевой пирамиды. Но, тем не менее, она одинока, она осознаёт свою ненужность, она осознаёт свою инаковость, и так она попадается на первое же предложение любви. Якобы любви. На первый же интерес она ведётся.

У неё раньше ничего такого не было. Никто не предлагал ей… Её никто не любил. Это человек в системе, человек, которого никто не любит. Конечно же, человек идёт на первое же зло, как часто бывает.

Ты упоминал, что была другая история создания. Расскажешь подробнее?

«Огарок» мне приснился. Мне часто снятся рассказы, даже романы, как целые сериалы. Я считаю, что работа бессознательного так проявляется. Что-то варится, какие-то проблемы в образы вкладываются, потом вылезают в снах, в очень ярких сюжетных снах, которые остаётся только записать, подобрав художественный метод.

Понимаю! Вообще, многим снится их город. У тебя есть свой город, или несколько, и что этот образ имеет общего с теми городами, в которых ты разворачиваешь сюжеты рассказов?

У меня обычно не город, у меня это либо какие-то совершенно фантастические города несуществующие, либо несколько двинутые реальные места. Вот, например, в основе «Огарка», насколько я понимаю, часто снящиеся мне подмосковные заброшенные каменоломни Сьяны. Это очень большая и очень протяжённая система ходов, давно заброшенная, и уже с карстовыми процессами, то есть, одноуровневые пещеры.

Я там провёл большую часть своей юности, и эти внутренние пещеры с их переплетением ходов, с этой темнотой полной, тишиной абсолютной, когда никого нет, — они как будто всегда внутри меня. И я часто это место вижу в снах, как некую аллегорию, и оно всё время меняется, и иногда мне кажется, что оно здесь, даже когда я иду улицами Житомира. Потому что каждый, даже внутренний, выбор — это как повернуть на развилке в пещере: ты можешь повернуть к выходу, ты можешь повернуть в опасные штреки, ты можешь повернуть туда, где тебя ждёт смерть.

Это прямо очень интересное сравнение, и, если брать «Огарок», у меня это описание проассоциировалось с нулевыми этажами.

Да, конечно, нулевые этажи «Огарка» — они не только отсюда. Это и отголосок Булычёва, «Город наверху», была у него такая повесть. И я понимаю, что мир «Огарка» — это во многом реверанс Киру Булычёву, одному из любимых писателей моего детства, юности. И Сьяны. Сьяновские каменоломни.

У тебя в нескольких историях фигурирует Киев. Для тебя он там одинаковый, но в разных эпохах и с разных мифологических точек зрения? Или всегда разный, какой-то альтернативный в каждой истории?

О, Киев вообще очень сложный город, не в плане плохом каком-то, а в плане его многогранности. Если вот плёночку реальности потянуть, мифология Киева, которая прикасается к тебе, как традиционная, так и созданная тобой самим — она очень могучая, да. Вот эта хтонь, которая существует. И могучая.

Так как я переехал в Киев, практически ничего не зная о городе, кроме курса истории в российской школе, мифология Киева во многом стала для

меня собственным изобретением. То есть, она для меня во многом своя.

Киев для меня очень живой, уходящий корнями в эту древность и современность. Мне кажется, что эта мифология особо не менялась, и что в Киеве возможно любое чудо. Любой вот этот прорыв хтони. Киев очень энергетически заряженный город.

Ты говоришь «чудо» как что-то доброе, или как что-то *любое*, просто — чудесное?

Как что-то любое, выходящее за рамки обыденного сознания.

Ты упомянул Булычёва уже — и поэтому логичным будет задать вопрос по поводу писательниц, писателей, поэтесс, поэтов, которые тебя лично вдохновили или мотивировали к творчеству, которых ты любишь и ценишь, — это могут быть как личности из прошедших эпох, так и современники.

Я, чтобы никого не обидеть, назову Антона Павловича Чехова моего любимого и обожаемого, потому что современников я перечислять не буду: кого-нибудь обязательно забуду, кто-нибудь обидится, что его не упомянули, кто-нибудь скажет: «Кто он такой, чтоб меня упоминать, я с ним рядом на одном поле срать не сяду».

На самом деле у меня стандартный совершенно набор позднесоветского детства: Булычёв, Стругацкие, Хайнлайн, Брэдбери — вот, если брать фантастику. Если брать классику, я уже говорил, что это Чехов… Стихи… Ну, наверное, вот Маяковский — любовь моя.

Из поэтов — Маяковский?

Это то, что я перечитываю чаще всего. Из поэзии я больше читаю современных поэтов, мне очень… Всё-таки я скажу это. Мне очень нравится то, что сейчас делает фемпоэзия. Мне очень нравится Галина Рымбу, точнее, мне нравится её движение, мне нравится, что из этого может вырасти.

А с прозой — мой любимый автор — Уильям Голдинг с его тёмной хтонью и ненавистью к людям. Антон Павлович Чехов и Уильям Голдинг — вот два столпа, на которых я стою, стоял, стоять буду.

Как ты определяешь свои жанры творчества и как ты понимаешь фантастику?

Я не определяю себя сейчас как фантаста. Я очень рад, что фантастика выходит из гетто, что она становится просто художественным методом, помогающим писателю острее показать свою идею, какую-то проблематику. С одной стороны, у нас сейчас существуют миллионы электронных книг про попаданцев, про, процитирую Андрея Шмалько, Валентинова, «вЕдьмачек». А с другой стороны, у нас появляются авторы, которые работают с этим мироощущением чудесным, с чудом, выходящим за рамки обыденности.

Не просто писать соцреализм, как он был, не просто писать очень натуралистичный реализм в стиле двадцатого века, и это уже даже не постмодерн — это работа с городской мифологией, со своим ощущением от города, какими-то тварями, живущими в степи или в море. С тем, что мы чувствуем, и, может быть, не видим, но что мы можем перенести на лист бумаги, и через что мы можем читателю лучше показать страхи, лучше показать какие-то социальные процессы.

То есть, мы работаем с чудесным как с ещё одной гранью реальности, а не как с какой-то нишевой литературой.

Да, да, как с ещё одной гранью реальности, которая эту реальность дополняет, как вот не вышедшие гугл-очки (смеётся). Они должны были дополнять нашу реальность и подписывать на каштане, что это каштан — вот так же мы подписываем реальность, расставляя какие-то маркеры фантастического — и показываем читателю… реальность немного с другой стороны.

И, кстати, вот даже научная фантастика — сейчас в основном космоопера — не выбивается из этого,

потому что на космическом корабле удобно показать людей в замкнутом помещении, и какие-то процессы, происходящие там. Человек остаётся человеком, и мы просто помещаем его в реальность, которая наиболее отвечает нашему художественному замыслу и идее произведения.

И точно так же можно показать людей, закрытых в какой-нибудь шахте. Просто автор выбирает космический корабль.

Не точно так же. Если, например, космический корабль летит со скоростью больше световой, и космонавты летят в неизвестность, и когда они вернутся домой, и если вернутся, то никого из их родных не будет в живых — это немного другое. Это отличается даже от кругосветного путешествия в эпоху Магеллана.

Просто автор выбирает космический корабль, потому что там есть ещё другие смыслы, которые можно показать?

Автор выбирает под идею.

Это в идеале. А на самом деле автору приснилось, автору так хочется, у автора пятка зачесалась, автор любит космические корабли, автор пересмотрел фильмов — и так далее.

А у тебя чаще всего история начинается с чего? С образа, с картинки, со сна, идеи?

С чего угодно. От «Свинки Пеппы», крутящейся на репите, до Пришествия. Если мы говорим о стихах, то это может быть какая-то строка, образ, какой-то герой. Это может быть полностью приснившийся сюжет. У меня есть микро-поэма «Братишка» — вот там мне приснилось всё. Оставалось только перенести на бумагу, я выбирал между прозой и стихотворной формой, в итоге написал стихотворение, потом ещё написал роман (смеётся). Зачем выбирать, если можно сделать и то, и другое.

Сейчас я пишу роман, в основу которого, опять же, легла сцена из сна. Мне очень захотелось развернуть её, но, на самом деле, я пишу в кои-то веки очень идейно. Я знаю, о чём я хочу написать, я знаю, ради чего я хочу написать, я знаю, кому я хочу наступить на пятки, если мой голос будет услышан… Вот. То есть, у меня в основе идея, и на неё я уже накручиваю сюжет.

Мы говорили про нишевость, про маргинализацию фантастики, которая сейчас постепенно уходит. И я хочу спросить, сталкивался ли ты с маргинализацией собственного творчества, какой-либо дискриминацией, связанной с теми темами, которые ты поднимаешь. У тебя квир-тематика, ЛГБТ-тематика в текстах. Ты поднимаешь сложные социальные проблемы, и вот сталкивался ли ты с негативным фидбеком, реакцией общества?

Да, я сталкивался с негативным фидбеком и реакцией отдельных членов сообществ, я сталкивался с негативной реакцией людей, которые перестали быть моими друзьями, а были до этого.

Но я не сталкивался с дискриминацией.

Потому что я никуда не посылаю свои стихи. Я публикую их у себя в Фейсбуке — соответственно, мне никто не может отказать. На самом деле, мне отказывали, конечно же, российские журналы с формулировками: «А нет ли у вас чего-нибудь более традиционного?» Но это было ожидаемо, и было бы удивительно, если бы они меня опубликовали. Учитывая текущую повестку, пройти по статье о пропаганде гомосексуальных отношений не хочет никто, а… Ну… И всё.

Поэтому это никто печатать не будет.

Да, даже предлагать бесполезно, потому что, скорее всего, редактор не захочет возможных неприятностей. И тут я редактора понимаю: я тоже не хочу этих возможных неприятностей.

Понимаю! А я хотела ещё спросить про опыт с издательствами в целом. Куда бы ты рекомендовал обратиться, куда бы, может, — нет? Вообще, издаваться в печати или публиковаться в Сети — что предпочтительнее для тебя сейчас?

У меня очень долгий опыт сотрудничества с издательствами, я достаточно долго был коммерческим автором, этим зарабатывал себе на жизнь, опубликовал более двадцати книжек — тупых боевиков, и мне это всё набрыдло, я не хочу писать ни по чьему заказу, даже негласному. Я не хочу попадать в струю, я не хочу попадать в серию, я не хочу соответствовать издательской политике, я хочу быть свободным от ожиданий читателя, я хочу просто писать то, что мне нравится.

Я безумно радуюсь публикации в вашем журнале. Это для меня такое событие, потому что это круто! А работать...

То есть, меня устраивает сам процесс: я написал, получил отклик читателей — и мне отлично.

После сетевой публикации, я так понимаю?

Да, после сетевой публикации.

А ты не думаешь в дальнейшем пробовать писать на украинском, или пока переводы — это всё?

Мой уровень украинского совершенно позорный, и писать на украинском я не смогу. То есть, я смогу, не знаю, написать на нём школьное сочинение, но я не смогу написать українською мовою ни стихотворение, ни прозу. Слишком поздно иммигрировал, слабо чувствую язык на уровне идиоматических выражений, на уровне мелодики.

Вот дочка может — она приехала подростком ранним, а я не могу. Поэтому только перевод. Хотя, конечно, мне нравится то, что сейчас происходит на книжном рынке, мне нравится количество малых издательств. Мне нравится то, что у нас публикуют и поэзию, и прозу совершенно неформальную, что у нас сейчас, на мой взгляд, отсутствует внутренняя цензура, когда автор ещё подумает: «А публиковать мне это или не публиковать? Писать мне это или не писать?». Вот такого пока нет — или, к счастью, никогда не будет. Не так сильно, как в России.

Творчество для тебя сейчас — это скорее занятие для души? Ты не хочешь идти в коммерцию, значит, можно ли сказать, что это определённое средство эскапизма?

Да. Это не только средство эскапизма, для меня это основа моей личности и основа моей жизни. Со стороны моя жизнь не сказать, что полна событиями интересными. У меня маленький ребёнок, я живу в Житомире, у меня очень много работы и дача, четыре кошки, собака — и всё. Всё рядовое, я такой человечек серенький... Зато внутренний мир-то какой, а! Там какие сюжеты! Вот это (смеётся), вот ради этого и живём, ради этого и пишем.

Насколько вообще получается безболезненно совмещать серый, возможно, местами неприятный быт и творчество?

Никак не получается безболезненно. У меня чёткое расписание. У меня есть время для творчества, есть время для быта, есть время для ребёнка — и всё.

Ну и время для работы.

Какой ты сам вообще, когда пишешь? Раздражаешься ли ты, когда тебя отвлекают, злишься ли, используешь ли что-нибудь вспомогательное, чай-алкоголь-сигареты?

Я очень раздражительный, конечно же. Я закрываюсь в комнате, никого не пускаю, если меня отвлечь, не дай бог, я очень громко буду орать матом, возможно, кидаться чем-то. В папу в своё время я кидал тапочками, когда мы некоторое время жили с родителями, а я был уже взрослый. Я пишу утром, потому что к ночи

я задолбанный настолько, что всё — упасть с бутылкой коньяка в обнимку перед телевизором и спать так.

И морально деградировать.

Да. Я всегда пишу трезвый.

Я много курю, но выхожу на улицу. То есть, я написал какой-то кусок, пошёл перекурил, и в это время у меня продолжаются процессы, у меня просто цех в голове сидит. Я абсолютно выпадаю из реальности в моменты, когда в какой-то рутине обдумываю свою сцену. До меня невозможно достучаться, и если я пишу крупную прозу, ближе к кульминации меня сложно назвать вменяемым человеком, потому что я уже окончательно живу в тексте, а в реальности присутствует только моя оболочка. Как-то так.

Ещё вопрос, отсюда же, про поэзию и прозу — это для тебя разные состояния? Как ты решаешь, что история, которую ты хочешь написать, будет лучше работать в поэтической или в прозаической форме?

Во-первых, я смотрю, сколько у меня есть сил и времени. Поэзия более сжатая. Благодаря системе рифм, благодаря системе аллитерации, благодаря ритмике можно передать больше в более сжатом объёме. В пятдесят строчек крупного стихотворения уместится объём очень большого рассказа запросто. Потому что эти связи — они работают. Читатель их может не распознавать, автор может их несознательно закладывать, и они будут работать. В принципе, это нормально, так всегда и бывает. Поэтому если у меня не особо есть силы-время писать рассказ, на который мне нужно несколько дней или неделя — у меня обычно нет времени — то я сажусь и пишу стихотворение. А если я вижу, что идея ну очень прозаическая, такая, требующая описаний, требующая серьёзной работы с формой, требующая прозаического неспешного ритма — тогда я сажусь и пишу прозу.

У тебя есть ещё довольно-таки крупные поэтические произведения. Вот они как? На ум приходит огромная поэма «Джек Грэсс».

У неё очень забавная история создания. Дело в том, что героиня — это моя соседка по даче. Сильно пьющая женщина Женя, называющая себя сомелье. Очень комический персонаж, и каждое лето на даче мы с сестрой наслаждаемся: смотрим сериал «Женя и её деревенский ухажёр Нафаня», мы очень над этим смеёмся — и это такое у нас, знаешь, шоу «За стеклом».

И как-то мы сидели с сестрой на даче, пили ламбрусочку, и я говорю: «Слушай, а давай я напишу любовный роман про нашу Женю!» — и быстро с сестрой, допив ламбрусочку и потянувшись за новой бутылкой, набросали какие-то основные вехи романа. Мальчика, который будет ей помогать, мы тоже придумали — и я засел писать иронический любовный роман. Думаю: «Продам. Всё супер, буду звезда Интернета!» (смеётся).

Пишу я пишу, пишу я пишу, и вдруг понимаю, что не о том надо писать-то! И не так надо писать. И вообще не прозу надо писать — романа там остался один кусок. Выбросил этот роман, взял написал поэму. Вот её я долго писал, это был интересный для меня эксперимент в жанре, потому что до этого я не писал крупных поэтических вещей.

Очень интересно! Какие тексты ты больше всего любишь у себя как читатель?

Я люблю «Фигуру умолчания», там где Том и Чарли. Близок и дорог сердцу моему «Джек Грэсс», если из поэзии. Я люблю цикл «Misericorde» об ангелах. Вообще я люблю себя как поэта. Как прозаик… И вот тут мне сложно говорить, потому что прозу свою я не вычитываю: мне лень заниматься саморедактурой. Поэтому я её нигде не публикую.

Вот «Огарок» мне нравится, мне нравится эта героиня. Пожалуй, «Огарок» мне нравится ещё потому, что благодаря ему я переосмыслил собственные

проблемы с ригидными отношениями.

Так бывает: пишешь текст, и понимаешь, что сам в этом по уши сидишь.

Что это определённая форма самотерапии.

Да, тексты — это всегда форма самотерапии, самокопания, как минимум, самопознания.

И очень нравятся мои «Сказки города Жэ». Это про Житомир, это момент моего узнавания, понимания Житомира — мне нравится. Сделал, по-моему, круто! Я молодец.

Расскажи, пожалуйста, про свою идеальную книгу, которая, может, ещё и не написана? О чём бы ты с удовольствием сам прочёл?

Это очень сложный вопрос, потому что мне, понимаешь, хочется не читать идеальную книгу, а писать идеальную книгу. И каждый раз, когда ты садишься за стол, ты думаешь, что ну вот сейчас ты и напишешь идеальную, которую бы сам с удовольствием бы прочитал.

Я бы с удовольствием прочитал «Сагу о Форкосиганах» (смеётся) [Vorkosigan Saga, Лоис Макмастер Буджолд 1986-по сейчас; прим. ред].

Но она уже написана.

Но она уже написана. Вот чтобы так же, но не так!

Вот сейчас у меня такое настроение: мне хочется прочитать книгу о большой вселенной, но где герои — хорошие люди, длинную сагу об отношениях, не идеальных, но вот в «Форкосиганах» они же все клёвые такие, их же любишь, как родных.

И вот я такого хочу.

Ну, я надеюсь, что у тебя будет возможность и вдохновение написать что-то подобное.

Да ты что, я же не сяду за сагу, я не представляю, сколько труда на это нужно.

Ну, может быть, чуть позже, когда дела разгребутся. В любом случае, желаем сил и возможностей творить в том формате, к которому лежит душа. Спасибо за разговор, было очень приятно!

Беседовала Аудра Полудённая

СамЛиб Джанни: http://samlib.ru/c/cjurupa_n_i/

ГРЕХ НЕ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ

А. Д. Грим

Мужчина поглядел под ноги и затушил только что упавший окурок носком ботинка. Едва убедившись, что последняя искра погасла, он снова взглянул на улицу перед собой. Вообще-то он не планировал ничего такого сегодня, но раз судьба подкидывает возможность — грех ею не воспользоваться, или хотя бы не попытаться.

Здесь не было камер, мужчина точно это знал, не было и лишних людей поблизости, только это дитя и он, случайно оказавшийся рядом.

Ещё одна прелесть прогулок. В Сети он давно не знакомился: площадкам и спальным районам доверия всяко больше.

В любом случае, никто никого силой вести не станет, это совсем не тот сценарий, которым стоит пользоваться. Более того, совершать насилие над теми, кто ещё ничем этого не заслужил, как-то неправильно.

— Здравствуй! — мужчина ласково улыбнулся, когда девочка подняла голову, услышав приветствие. Он легко догнал её, даже особо не расширяя шаг, и теперь они шли рядом.

Рука в кармане нащупывала гашетку самопальной глушилки. Девочка вроде бы без собачки, но мало ли.

— Здравствуйте? — остановившись, несмело ответила она и чуть нахмурила бровки. Девочка была очаровательна: серо-голубые глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, слегка вздёрнутый носик и аккуратные губки, веснушки, рыжеватые волосы заплетены в две косы, опрятная школьная форма… Голосок, кстати, тоже оказался совершенно прелестным, нежным, с небольшой картавинкой.

— О, не останавливайся, всё в порядке. Как тебя зовут? — спросил мужчина, чуть замедлив шаг, и жестом поманил за собой.

Девчушка поспешила вслед: ещё бы, ведь она изначально шла в эту сторону. Отличный приём, всегда работает, и знакомство тоже состоится без проблем, он был в этом уверен. Слишком много видел таких, как она.

— Вообще-то, я не должна заговаривать с незнакомцами, — неуверенно пробормотала девочка, подтягивая лямку рюкзака.

— Ну, начнём с того, что это я заговорил с тобой, и меня зовут мистер Хэнк. Сейчас юная мисс представится, и мы уже не будем незнакомцами, правда? — он слегка засмеялся над собственной незамысловатой шуткой. — Так как звать-то тебя?

Оказалось, что её зовут Лиза, она заканчивает младшую школу, и её ждут

дома, но на самом деле родители вернутся домой к семи, поэтому она, конечно, может недолго погулять и посмотреть на то интересное, что сэр обещает ей показать.

Такая наивная! Сама непосредственность, чистота — ни доли сомнения. Подобные ей — лучшее, что может случиться, когда у тебя появились лишние пару часов.

Она была идеальна. В меру робкая, в меру любопытная, в меру нежная, совершенно прелестная, настолько, что было даже немного жаль.

— А как же твои родители тебе гулять одной разрешают?

— Ну, они говорят, что я достаточно взрослая.

За разговором мужчина незаметно осматривал юную спутницу. Ни закрытого кулона "под фотографию" с разумным глазком вместо камешка, ни смарт-браслета на запястье. Даже "умного питомца" на поводке не ведёт.

— А как же они узнают, где и с кем ты гуляешь?

На это Лиззи даже остановилась и сложила ладошки, посмотрев вверх.

— Боженька наблюдает за всеми нами.

...и Хэнк возрадовался: не девочка, небожительница снизошла к нему в этот ясный воскресный день!

Высвободил вспотевшую руку: нет, глушилка всё-таки не понадобится: никаких "надсмотрщиков" — в кои-то веки можно расслабиться.

То, как они шли по улице, смотрелось, словно отец и дочь гуляли вдоль парка: девочка о чём-то болтала, а мужчина внимательно слушал, кивал, переспрашивал. Пару раз Лиза даже сама взяла его за руку, по привычке, видимо, — и он не стал препятствовать, наслаждаясь моментом. Это вполне допустимо: чем непринужденнее и естественней они выглядят, тем меньше подозрений и косых взглядов. Просто папа с ребёнком идут куда-то по своим делам, что тут необычного?

И как же она щебетала, как строила губки и хлопала ресничками — не дитя, загляденье. А ножками, ножками-то как перебирала, и шла так, стройным отточенным шагом: с пяточки на носочек, с пяточки на носочек... Почти как Нэнси — такие же косы, только у той были тёмные, а сама с веснушками. Такой же прямой носик, мягкие губки. Влажные.

Он постарался хоть немного отогнать затуманившее разум возбуждение.

— А кто у тебя родители? — они свернули вглубь парка.

Она наморщила лобик.

— Папа в компании... какое-то имени какого-то, сложное.

— Ух ты! Большой человек, наверное!

— Очень! — Лиза охотно закивала. Они компьютеры новые делают там. Секретные!

— Вот как! А что за секреты такие?

— Не знаю, — погрустнев, ответила девочка.

Наблюдать детскую грусть — отдельный вид наслаждения. Когда милейшее из созданий надувает губки и опускает голову, хмурится и опускает плечики — её бы и обнять, и утешить...

Снова вдох, выдох.

— А мама кем работает? — он кашлянул и потянул девочку за руку, словив себя на мысли, что с куда большим удовольствием обнял бы её, например, за талию.

— А мама тоже в компании, но не такая секретная. С людьми много общается, с важными клиентами.

— Красивая она, наверное?

— Очень-очень! — просияла девочка. — Я вся в неё, она мне так говорит!

Он закрыл глаза, отделавшись коротким кивком. Нет, ему не хотелось ассоциировать своего ангела с какой-**нибудь** взрослой женщиной.

— Здорово, — сказал Хэнк, натянуто улыбнувшись, и повёл её дальше.

Скоро они вышли с другой стороны парка, за которым начинался обнесённый полуразвалившимся забором пустырь. Мужчина любил это место за относительную близость к центру и уединённость, а самое главное — отсутствие собак и сторожей.

Здесь вечно начинали что-то строить, а потом забрасывали. Среди последних инициатив, пытавшихся прибрать пустырь к рукам, были церковники, успевшие даже поднять на крышу свой крест, и секс-клуб с андроидами. Хороший стартап, но забавы с роботами приравняли к живой проституции, и дело попало под статью, так что к забытому кресту добавилась полуобвалившаяся вывеска.

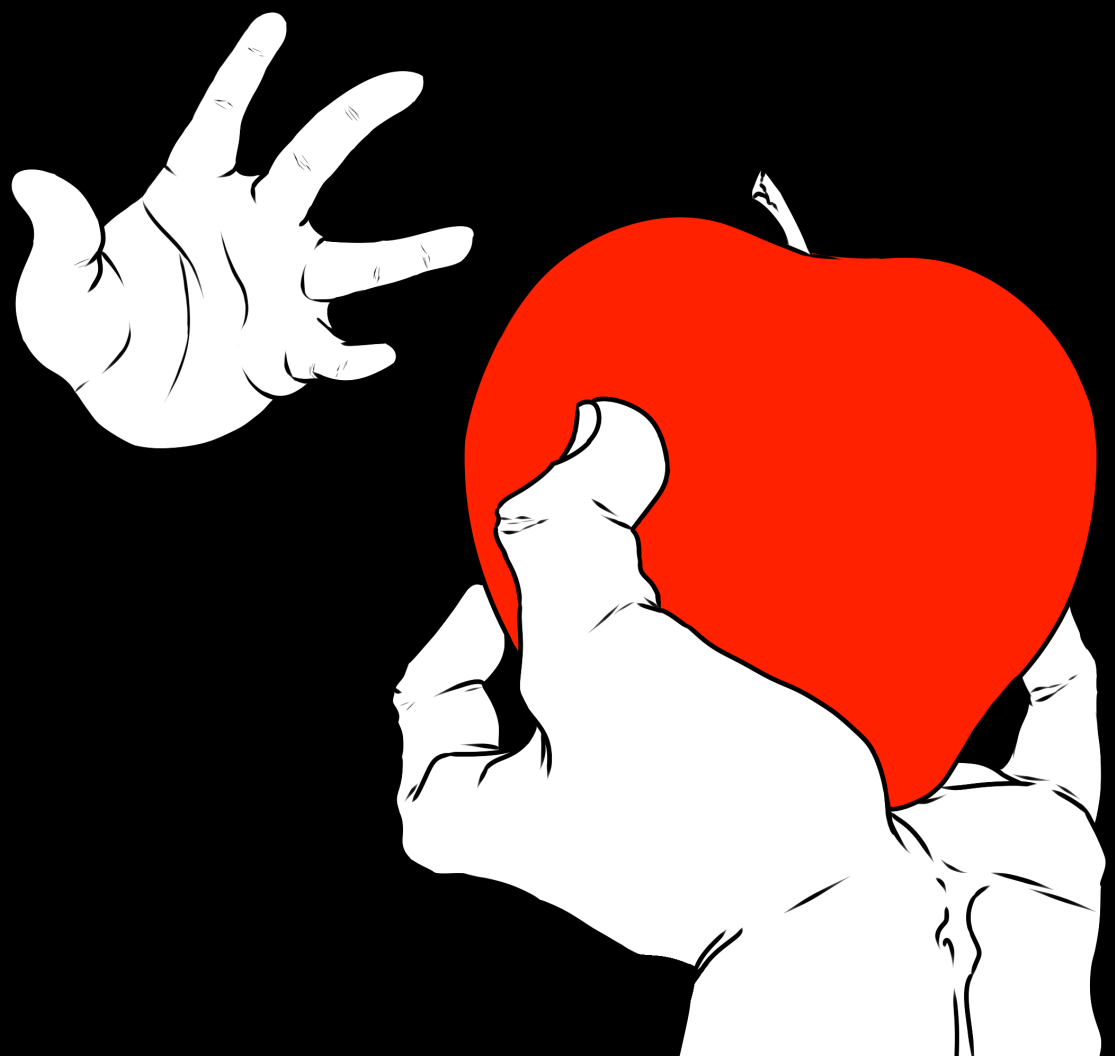
— Мистер Хэнк, а мы пойдём внутрь? — Лиза с интересом рассматривала причудливые надписи на стенах недостроя.

— Да, конечно, — он облизнул пересохшие губы, чуть-чуть отстранился и заставил себя опустить дрожащие руки. Сунул их в карманы. — Иди, ты первая.

Они поднялись на несколько этажей по полуразрушенным ступенькам. Здесь их никто не увидит, но шуметь всё равно не стоило. Просторное помещение, окна, затянутые полупрозрачной строительной плёнкой, битая плитка и бетонная крошка на полу.

— Ну что, как я обещал, сейчас будет самое интересное, — Хэнк твердо взял девчонку за прохладное запястье и положил её ладонь себе между ног, а потом, не в силах больше сдерживаться, расстегнул ширинку и неловко отодвинул бельё.

Когда доходит до дела, они всегда соглашаются. Кто-то из страха, другие — из любопытства. Самый приятный момент — когда девочка понимает, что сейчас будет нечто особенное.



— Не вздумай шуметь, милая, тебе понравится наше развлечение. Ну же, возьми его в руку, — он застонал сквозь зубы, когда тонкие пальчики несмело обхватили ствол. — Двигай туда-сюда, Лиза, сделай дяде приятно, ох, умница…

Главное — не применять силу, всё обставить, будто это игра. Очень интересная, тайная игра, и, если девочка сделает всё правильно, то обязательно победит.

Лиззи не осмеливалась поднять взгляд, разглядывая исключительно член, и это заводило его ещё больше, чем её неумелые механические ласки. Настолько заводило, что он, изменяя своим принципам, надавил ей на плечи, заставляя опуститься на колени, и пробормотал:

— Ну что, дорогая, давай попробуем по-другому, — она пискнула: от боли, может, потому что каменная крошка с пола впилась в голую кожу? И наконец посмотрела на него. Глаза широко раскрыты от удивления, ротик тоже приоткрыт… И хорошо, им-то сейчас и стоит заняться…

— Возьми его в ротик, Лиза, только не кусай! — с этими словами мужчина крепко её взял за затылок и притянул голову к своему паху. Он запрокинул голову, почувствовав, что девчушка покорно выполнила приказ. — А теперь, пососи, как леденец…

Мужчина недоумённо посмотрел вниз. Девочка будто окаменела с его членом во рту, только сдавила сильнее и как будто глубже взяла.

— Эй, ты чего, милая? — он попытался вытащить, но попытка провалилась: член словно застрял. Стало страшновато, а возбуждение, до того владевшее всем его существом, начало отступать. Что-то внутри рта девчонки сдавило ещё немного, не давая освободить опавший член.

«Ошибка доступа, владелец не распознан, введите пароль» — послышался механический голос снизу. Он совсем не был похож на милое щебетание Лизы, которое мужчина слушал последний час.

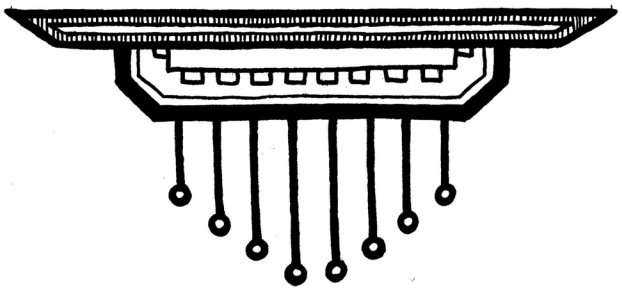
Его прошиб холодный пот. Как такое возможно? Как… Он рванулся ещё раз, попытавшись освободиться — в ответ на попытку ручки поднялись и с нечеловеческой силой обхватили его бёдра.

«Ошибка доступа, владелец не распознан, введите пароль» — повторил всё тот же голос.

— А ну отпусти меня, тварь! — заорал мужчина, безуспешно пытаясь разогнуть тонкие пальчики.

«Пароль неверный, ошибка доступа. Координаты будут переданы в службу спасения через три, два, один…» — безучастно сообщил голос.

Звенящую тишину заброшенной многоэтажки прорезал полный отчаяния вопль.



Акула в чёрном небе

II

Дмитрий Федюшин

На этот раз по пути на работу мне сразу удалось занять сидячее место в маршрутке. Я был уставший и разбитый. Пару дней назад не спал полночи из-за кошмара про шторм и, несмотря на то, что в последующие дни я высыпался, мне никак не удавалось собраться с силами и вернуться к прежней бодрости.

Я томно смотрел в окно на одинаковые улицы, до тошноты знакомые уставшим глазам, и лишь изредка переводил взгляд вглубь салона маршрутки. В один из таких моментов я обратил внимание, что на центральном зеркале заднего вида, куда водители обычно вешают иконки, чётки и тому подобное, висят плюшевые игральные кости. Их было три штуки, и они подрагивали и вертелись в такт движения «Газели», подпрыгивающей на неровной дороге. Вследствие чего постоянно менялись комбинации чисел в зависимости от того, какой стороной повернутся кубики. Я не особо за этим следил и не подсчитывал, лишь наблюдал за их хаотичным движением.

Такие вещи всегда притягивают взгляд своей непредсказуемостью, ведь никак нельзя предвидеть – какой стороной повернётся кубик. Маленький наглядный пример того, как абсурдная жизнь вертит и швыряет нас, словно эти кубики, с неведомым исходом.

Но тут я подумал, что было бы забавно, если бы кубики повернулись в комбинацию из трёх шестёрок. Внезапно так и произошло! Буквально через секунду, едва картина возникла в моём воображении, я увидел это в действительности. Комбинация сложилась всего на мгновение, далее последовали новые ухабы и новые комбинации, но кадр из трёх шестёрок застрял в памяти и был, словно бельмо на глазу. У меня не появились ассоциации с какой-то дьявольщиной, меня напугало, что я смог предсказать такое уникальное совпадение. Мое кратковременно уравновешенное состояние растворилось, как дымка.

Женщина, сидевшая передо мною, встала, чтобы выходить на остановке и на её место сел мужчина, стоявший надо мной. На глаза мне снова попалась татуировка силуэта в зеркале, и я понял, что уже минут так пятнадцать надо мной стоял её обладатель. Но я, будучи в неведении, даже не смотрел на него или, если и смотрел, то чисто машинально, вследствие чего эти эпизоды не задержались в памяти. Я опять так и не увидел его лица.

В очередной перекур сотрудник вышел со мной подышать воздухом. Первую минуту мы молчали, каждый погрузился в свои мысли.

— Мне такой сон приснился, — неожиданно заговорил он.

Я покосился на него, но ничего не ответил, ожидая продолжения. Тревожное чувство уже закралось внутрь.

— Стрёмный, — заметил сотрудник. — Шторм бушует. Я в море... или в океане. Качаюсь на волнах, а в небе такие чёрные тучи, молнии поблёскивают. А потом там появляется огромная акула в форме тучи. Нет, не тучи, а как из дымки... и громадная, на всё небо! А в ней ещё маленькие, еле видны дымкой. И шум океана, как будто рёв... И вдруг меня тянет вверх, прямо в акулью пасть.

Саня замолчал, желая продолжить, но не нашёл нужных слов. Он всегда был скуп на эмоции, но в случае с пересказом этого сна, он вообще был словно завороженный. С застывшим лицом, словно вылепленным из гипса, и пустым взглядом, направленным внутрь себя, перечислял он детали, а главное — сотрудник был уверен, что говорит это впервые.

Я тупо уставился на Саню, не зная, что ему ответить, моя сигарета бесцельно повисла меж пальцами. Когда мне впервые приснился этот кошмар, меня подмывало поделиться этим с сотрудником. Таким уникальным совпадением! Я ждал момента, когда приду на работу и расскажу ему об этом, но передумал, когда сон стал повторяться. Слишком всё это было странным, пугающим.

Теперь же меня охватило безумие. Мне захотелось вцепиться сотруднику в горло и прокричать ему в лицо, что как это он не помнит сна? Неужели он не помнит, как рассказывал мне о нём на этом же месте несколько недель назад? Как такое вообще можно забыть и почему тогда помню я?

Тут напрашивается один ответ — кто-то из нас сумасшедший. Разумеется, адвокат моей психики мне подсказывает, что это Саня, но когда я подключаю логику, то всё больше склоняюсь к мысли, что скоро проснусь с братом в одной палате.

Следующей ночью мне опять приснился этот сон. И снова я был в бескрайнем океане среди огромных бушующих волн. А с чёрных небес скалилась громадная пасть акулы, словно кровожадность демонстрировала всесильная судьба. И снова звучал страшный всепоглощающий рёв.

Что это? Как в первый, так и во второй раз этот сон был следствием впечатления, испытанного после рассказа сотрудника?

-8-

У брата моего было великое множество патологий — у него был свой выдуманный мир. Не так, как у аутистов, он вполне мог общаться с другими людьми, но, тем не менее, громогласно утверждал, что его реальность существует. Не то чтобы она сильно отличалась от нашей, в ней не было эльфов и гномов, однако там он занимал другое положение в обществе и порой искривлял прошлое. В ней брат был женат, имел двух дочерей и ему было за тридцать. Часто он удивительно спокойным тоном рассказывал о своей жене и детях. Чем они занимаются, как проводят время вместе. Жену звали Олей, а дочерей — Софией и Маргаритой. Какие красивые имена! Он часто это повторял и, не смотря на то, что в его реальности дети уже учились в школе, его не переставал восхищать тот факт, что желания жены по поводу девичьих имён идеальным образом совпали с его собственными предпочтениями. Какие красивые имена! Оно-то всё так, имена красивые, вот только нет этих людей, которым брат страстно желает дать эти имена. Не существует их! И вряд ли они появятся, если он будет продолжать в том же духе. Как-то я не выдержал и сообщил ему об этом, притом в грубой форме. Потом обругал себя, терзаясь чувством вины, но брат не обиделся. Он погрустнел, замолчал на некоторое время, а после с лёгкостью перевёл тему.

Это был не первый и не последний раз, несмотря на мою резкость, которая ничего не изменила и даже не пошатнула его уверенности в достоверности

информации. Более того, он не пренебрегал случаем поделиться со мной вполне прозаическими историями и мелкими бытовыми происшествиями из своей семейной жизни. Больше всего о детях, возможно потому, что как он сам говорил, да и как думает, наверно, множество отцов: «Не сильно ждал, но теперь люблю больше всех на свете».

Он поведал, как одноклассник Маргариты подставил ей подножку в столовой школы, и она упала, разбив локоть, вследствие чего ему пришлось идти и разбираться с хулиганом. Рассказывал, как они перенесли ветрянку, по каким предметам кто провисал, а по каким тянул.

В общем, брат всеми силами старался придать своим иллюзиям правдивость, насыщая их чисто жизненными проблемами и до тошноты детализируя этот песчаный замок. Это можно охарактеризовать как отречение от насущной действительности и замена её собственной. Тоже со своими трудностями, но лишь комнатными и заурядными, так, чтобы она была похожа на обычную реальность.

Однако у моего брата были ещё некоторые отклонения, непонятно откуда берущие свои истоки. Эти психозы были таинственными и ужасающе размытыми. Могу лишь сказать, что многое в мире он видел наоборот. Не по-другому, как со своей семьёй, а именно наоборот. У этого искривления была нечёткая грань, ведь нельзя абсолютно все перекрутить навыворот, есть нерушимые аксиомы, до которых никакой психоз не дотянется.

«Наоборот» поглотило в основном личные воспоминания. Может, ещё что-то мне неизвестное, может, впереди меня ещё ждут сюрпризы. Но касательно событий прошлого я точно уверен, поскольку я тоже их помню, благодаря чему и разглядел эту аномалию, ведь мы близнецы и в детстве почти всё время проводили вместе. В детские воспоминания и вошло это кривое зеркало, разбившись уже внутри и пронзив многое из того своими осколками.

Например, насчёт алкоголизма отца мой брат перекрутил необычайным образом. Он заявил, что это мать стала заливаться спиртным, как только мы пошли в школу, а отец как раз испытывал отвращение к алкоголю. И отвращение это усилилось после того, как к нему пристрастилась мать.

Мы не первая и не последняя семья, чьи узы порвались под натиском сорокаградусного, вот только почти всегда причина в мужчине. Иногда пьют оба, но, чтобы пила только женщина, притом настолько, что это привело к разводу?! Конечно, исключения бывают, но так переиграть нашу семейную проблему — это надругательство. Обвинить в алкоголизме нашу терпеливую, чуткую и духовно сильную маму, которая вполне могла послужить прототипом для образцового литературного персонажа?! Я не мог понять, к чему это абсурдное искажение фактов.

И ещё такой случай. В детстве мы часто играли в недостроенном и заброшенном корпусе нашей школы, который днём становился пристанищем для ребятни, а вечером и ночью там ошивалась шпана и наркоманы. Однажды, когда мы играли в прятки, мой брат споткнулся и сильно разбил голову о кирпичную стену. Благо до дома было недалеко, и я вместе с другом успели его быстро дотащить, а там уже родители вызвали скорую.

Мне очень ярко запомнился этот эпизод, я смог бы в деталях его пересказать, однако мой брат утверждал, что это я был на его месте. То есть, что это я разбил голову, а он вместе с другом меня тащил. Не было ни причин, ни разумного объяснения такому мнению и от этого становилось ещё страшнее. Просто в его мире было так…

Эта патология распространялась на большинство наших общих воспоминаний (а может, я неправильно ставлю границу, и эти перевороты просто затмили своей неадекватностью обычные поблёкшие воспоминания) и, возможно, на многие

другие события, свидетелем которых я не был, и, соответственно, не могу понять — правду о них брат рассказывает или нет. Также я не знаю, насколько глубоко укоренилась эта болезнь. Но, без сомнения, это отклонение ещё более странное, чем все остальные его причуды, на которые ещё можно дать объяснения, как с точки зрения психологии, так и с точки зрения логики. И когда я думаю об этой загадочной реальности «наоборот», словно надиктованной из потустороннего мира, по спине у меня пробегают мурашки. Как это — вывернуть действительность наизнанку? Как далеко в таком можно зайти и куда приведёт эта дорога?

-9-

Прошло около двух-трёх недель. Затрудняюсь сказать точнее, поскольку течение времени изменилось. Само время стало другим. Обычно оно подразумевает собой чередование математических делений, таких как: секунды, минуты, часы и дни. Непрерывное движение стрелки, вечный поток, плывущий лишь для того, чтобы плыть.

Для человека естественно восприятие времени через призму разных событий и памяти, в которой они сохраняются. В этой призме время может сужаться и растягиваться в зависимости от обстоятельств, выпавших на его определённый отрезок.

Но что, если незыблемые постулаты пошатнулись и само понятие событийности в вашей жизни вдруг изменилось? Что, если время отходит на второй план и перестаёт полноценно владеть вашей жизнью, поскольку некоторые события продолжают идти в ногу с ним, а некоторые — невероятным образом переигрываются снова и снова, словно приходят из другой реальности, неподвластной нашим законам времени?

Я продолжаю ходить на работу по будням, а на выходных езжу к брату. Ветер дует, слякоть чавкает под ногами и до меня доносятся человеческие голоса, но это лишь поверхностная мишура, под которой скрываются жуткие вещи, пробуждающие тревожные чувства. Время и реальность видоизменились, и эти перемены наложили печать на все остальные нюансы, за исключением, пожалуй, самых банальных. Скоро мой мир окончательно рухнет, произойдёт Большой взрыв, и я буду так громко кричать, насколько хватит сил. Надеюсь, хоть одна живая душа услышит меня из своего мира.

Человек с татуировкой ездит со мной в маршрутке почти каждый день, однако, мне так и не удалось увидеть его лица. Но стоит мне взглянуть на татуировку, как контуры окружающего начинают трещать, а в голове звучат цитаты из неадекватного текста, найденного на работе. Моё тело остаётся неподвижным, но разум проваливается в небытие.

Прохожий в чёрной куртке, в которой моё сознание как будто растворяется, тоже появляется часто. Он просто проходит мимо остановки, когда я жду маршрутку. Ничего особенного, обычный работяга с чемоданчиком, но, несмотря на то, что в данном случае моё расположение гораздо удобней, его лицо разглядеть тоже не получилось. Постоянно ловлю себя на этой мысли, когда выхожу из оцепенения и уже вижу спину прохожего, и всегда говорю себе, что в следующий раз обязательно пересилю себя и наконец-то посмотрю ему в лицо. Но в ответственные минуты разум отказывается действовать согласно установкам, я просто не могу себя заставить оторвать взгляд от куртки.

Также я не смог преодолеть неуместный страх и взять в руки листок, который почти каждый день лежит на скамейке остановки. Мною всё больше овладевает уверенность, что это именно тот текст, найденный на работе, и я ничего не могу с собой поделать. А стоит ли что-то предпринимать?

Мужчины в подземном переходе тоже мне попадаются. И неизменно в один и тот же миг — за несколько секунд до того, как повернут налево и начнут подыматься по лестнице. Притом это не зависит от того, на каком я нахожусь расстоянии, эпизод начинается в тот момент, когда я обращаю на них внимание. По сути, данный случай не выпадает из общего строя, поскольку здесь мне тоже не удалось увидеть лица прохожих. И как я ни старался догнать их, всё тщетно. Я всегда либо оказывался слишком далеко, либо не мог пробиться через густой поток людей, и когда выбегал из перехода, они уже исчезали в зимнем воздухе.

Сотрудник ещё не раз рассказывал мне свой страшный сон и всегда делал это будто впервые. Хоть я не спрашивал его, что он об этом думает, но факт его забвения был явным и неоспоримым. Притом пересказывал он слово в слово и выражал искренние эмоции, которые для него каждый раз были первозданными, а у меня сперва вызывали беспокойство, а после — раздражение. Но я не подавал виду, однако иногда меня подмывало подскочить к Сане, взять его за грудки и прокричать в лицо:

«Да ты рассказываешь мне об этом уже пятый раз! Хватит! Как ты можешь этого не замечать? Что это вообще такое? В моей жизни повторяются какие-то вещи, события, но все они как в тумане и касаются незнакомцев, которых я впервые вижу. Но ты… ты… ты мой товарищ! Как ты можешь не замечать, что это повторяется? Как ты можешь поддаваться этому?!»

Я представлял, что буду трясти его, как тряпичную куклу, и проговорю всё скопом, на одном дыхании. Но в жизни, конечно, что-то бы пошло не так. Это лишь в воображаемых диалогах и ситуациях мы всегда остроумны и решительны, порой даже отчаянны — в духе образцовых персонажей кино и литературы. Но реальность не зависит только от наших решений, на неё влияет ещё множество деталей, которые охлаждают все наши рвения.

В моём случае — я так и не исполнил задуманное. Мне всё времени не хватало либо желания, либо моральных сил, да и смятение, словно бестелесный червь, ползающий внутри, сковывало меня.

А сон меж тем продолжал мне сниться регулярно. И каждый раз я просыпался в холодном поту, размахивая руками и пытаясь нащупать твёрдую почву. И даже когда уже осознавал, что нахожусь у себя дома в кровати, меня не покидало прямо-таки физическое ощущение бушующего бескрайнего океана. Мне казалось, будто я балансирую на границе между двух миров и в тот момент не могу с уверенностью сказать — какой из них более реальный.

Акула из моего сна преследовала меня не так долго, но теперь у меня складывается впечатление, что она всегда скалилась с небес реального мира.

Мужика в костюме Деда Мороза с ребёнком я тоже успел повстречать уже не раз. И всегда ситуация заканчивалась плачевно, родительская ярость в полном объёме выплёскивалась на несчастного ребёнка. Я постоянно хотел вмешаться, хотя бы сделать замечание этому козлу, но никак не мог справиться с внутренней борьбой.

Сегодня, идя с работы, я снова их встретил. Как обычно, сначала всё шло миролюбиво. Отец (или отчим) с сыном неспешно прогуливались, мальчик держался за массивную руку новоявленного Санта-Клауса, и они о чём-то дружелюбно беседовали. Ничего не предвещало грозы, но стоило мне пройти мимо, как вдогонку послышался пронзительный плач. Я обернулся и увидел ту же картину: ребёнок рыдал, а Дед Мороз стоял на одном колене, тряс его и бил своей огромной ладонью по лицу, приговаривая гадким сиплым голосом какие-то нравоучения. Слов я разобрать не мог, поскольку он говорил невнятно, лишь видел сбоку, как его накладная белая борода дёргается в такт разговору.

Неожиданно я решился. Не было предварительных размышлений — я просто двинулся на них.

Два или три последних раза, когда я наблюдал эту ситуацию и сомнения целиком поглощали благородные намерения, я дал себе слово, что если это повторится снова, то я точно вмешаюсь. Уже не буду думать, а лишь буду действовать. Неудачная отговорка, потому что в жизни, особенно после такой установки, почти никогда не происходит аналогичная ситуация, по крайней мере в ближайшее время, пока свежо в памяти данное себе слово. Но не в моём случае — моя реальность другая. И нужно было разорвать это адское кольцо, хотя бы одно из многих.

Я не думал, с чего начать разговор, но, когда подошёл вплотную, слова сами нашлись:

— Чего ж вы так грубо? Это ж маленький ребёнок… Это жестоко.

Мой голос прозвучал не так уверенно, как мне бы хотелось. Да и начало неудачное, следовало сразу атаковать.

Мужик повернул голову, метнув в мою сторону взгляд хищной птицы. Маленькие ямки были на его лице, как и в первый раз, когда я его увидел.

— А какое твоё собачье дело вообще? Не ты его отец, а я.

На несколько секунд сомнения взяли верх, поскольку если посмотреть на обстоятельство с этой стороны, то он действительно прав.

Наверное, в другом случае я бы отступил и на том бы всё и закончилось. Всё-таки, как ни стыдно мне признаться, устрашающий внешний вид и габариты возможного противника тоже оказывали влияние на исход действа. Но тут я посмотрел на ребёнка. Его заплаканные глаза уставились на меня, и я ожидал увидеть в них мольбу, страх или любопытство. Не то чтобы я сознательно думал об этом, но внутренним чутьём воспринял бы это, как закономерность. Но они ничего не выражали, и я ощутил лёгкий озноб. Глаза зияли пустотой, и раз в них нет мольбы или страха, значит, скоро появится смирение. Смирение с тем, что земной шар кишит одинокими субъектами, не способными помочь друг другу. Редкие вкрапления гуманизма и солидарности не скроют этот общеизвестный факт, но открыться каждому он должен гораздо позже, ведь ребёнку всего лет восемь-девять.

Джинсовая курточка подрагивала на маленьком тельце. Беднягу трясло от затухающих рыданий, которые тихо и неритмично вырывались из груди.

На то время, что я замешкал, мужик отвернулся, очевидно, предполагая, что я уйду. И хоть левой рукой он продолжал держать сына за шиворот, бить дальше он его не стал.

— Оставьте ребёнка в покое.

Теперь мой голос звучал твёрдо, в нём даже сквозила угроза.

Мужчина испытующе посмотрел на меня, но я оставался на месте и глаза мои метали молнии. Тогда он наконец отпустил малыша и встал во весь рост. Ещё когда я проходил мимо, то замечал, что это крупный человек, но сейчас, когда он выпрямился, мне показалось, что передо мной гигант. Он был явно на голову выше и в два раза шире меня. Отвратительные рубцы на лице и хищный взгляд лишь дополняли устрашающий облик. Он двинулся на меня.

— А ну пошёл вон отсюда, щенок!

— Я уйду, если вы больше не будете бить ребёнка, — сказал я, отступая на два шага.

Я вроде и не убегал, но остаться на прежней позиции мне не хватило мужества. И голос уже не звучал настолько твёрдо, к тому же я не мог преодолеть дурацкий барьер: продолжал называть этого мужика на «Вы», хотя он обращался ко мне пренебрежительно.

— Да какого ты лезешь вообще?! —

прорычал он. — Исчезни, или я сейчас тебя тут с говном смешаю.

Мужчина в праздничном костюме остановился прямо передо мной, я больше не отступал. И вдруг мне показалось, что он слегка занёс руку. Если он хоть раз по мне попадёт, то я лягу с одного удара. Поддавшись мгновенному импульсу, я сделал обманное движение левой рукой и правой крепко заехал ему в челюсть. Раздался клацающий звук (на мне не было зимних перчаток, потому удар вышел жёстче), мужик зашатался, сделал несколько неверных шагов назад, но с ног не свалился. Его взгляд затуманился лишь на секунду, после которой на меня яростно смотрел здоровенный верзила, готовый разорвать меня в клочья.

Он замахнулся своей огромной ручищей, но мне чудом удалось увернуться. Я отскочил, повернул на сто восемьдесят градусов и бросился бежать. Не по дороге, пролегающей от работы к маршрутке, а вбок, между домами к дворам. Сорвавшись с места, я увидел перед собой старый металлический гараж красного цвета, стоящий возле детской площадки. Рядом с ним приютился одинокий каштан, насмешливо покачивающий голыми ветвями в такт порывам ветра. Я оглянулся на преследователя, но тот был метрах в двадцати от меня и, похоже, почти не сдвинулся с места, будто был уверен, что я так или иначе попадусь. Схватившись за нижние ветки дерева, я взобрался на них и перелез на гараж.

Когда я обернулся, то увидел, что Дед Мороз стоит прям возле гаража, и сердце сдавило стальными тисками. То ли я переоценил расстояние между нами, то ли долго карабкался в укрытие. Но уйти от преследователя не удалось.

— А ну иди сюда, щенок! — сказал мужик и начал обходить гараж сбоку, где достать меня было проще.

Держась руками за угол крыши, я всем телом переместился на скат, противоположный мужику. Тот подпрыгнул, но его рука скользнула по крыше далеко от её центра. Он повторил попытку, но тщетно, несмотря на то, что был высоким. Дед Мороз выругался и влепил кулаком по стенке гаража, не в силах сдержать кипящий гнев. Раздался металлический лязг и дряхлая конструкция задрожала. Он обошёл его с другого бока и попробовал достать меня таким же способом. Я лишь перепрыгнул на другой скат, всё так же держась за угол, и эта попытка не увенчалась успехом.

— А ну слазь! — заорал он.

Мужик метался из стороны в сторону, не желая примириться с таким положением, и, наверное, прикидывал: как до меня ещё можно добраться. Почему-то вариант дерева он не рассматривал, возможно, предполагая, что ветки его не выдержат.

Я расположился в неудобной позе и всё внутри у меня натянулось.

— Ах ты гнида, я тебя ещё достану! — он пригрозил увесистым кулаком. — Тебе повезло, но я тебя ещё достану.

Хоть для меня это был триумф, а сбоку данная ситуация, наверно, смотрелась комично, но сейчас я этого не испытал. Меня всё ещё пробирал страх, поскольку я понимал, что если этот ублюдок до меня доберётся, то одним-двумя синяками я не отделаюсь.

Мужик развернулся и пошёл назад к сыну. К одинокому маленькому человечку, застывшему посреди тротуара, на обочине всех жизней. Люди проходили мимо и словно не замечали ни всхлипывающего мальчика, ни странного мужчину в костюме Деда Мороза, ни молодого человека на гараже. Они предпочитали не реагировать на негативные внешние раздражители или делали вид, что не реагируют. Не хотели пропускать этот едкий газ в свою шаткую обитель, всё равно непонятно, что происходит, и ничего изменить не получится.

Мужик взял сына за руку и они молча скрылись за углом, в том же направлении, в котором шли изначально. Ещё минут пять

я сидел на гараже и оглядывался вокруг, ожидая, что противник подкрадётся с любой стороны. Но никого не было. Я почувствовал, что не защищённые перчатками руки уже немеют от холодного металла, и решился слезть. Как только встал на землю, лихорадочно осмотрелся, а затем двинулся к тротуару, с которого начинал свой побег. Я ступал с опаской, в любой момент готовый бежать, и держался открытой местности между двумя домами, из-за которых он мог выскочить. Дойдя до определённой черты, я выглянул за углы зданий. Нигде не было видно ярко-красного костюма и я, успокоившись, направился к маршрутке.

Но вдруг подумал, что мужик может жить где-то рядом. Соответственно он вполне мог зайти домой, оставить там ребёнка, сбросить приметный наряд, надеть обычную чёрную куртку и отправиться на поиски меня. Вряд ли он так это всё оставит.

До остановки было недалеко, но я с подозрением стал смотреть на крупных прохожих, закутанных в тёмную одежду, которых на самом деле было немного. И только когда сел в маршрутку, то вздохнул с облегчением. Я был уверен, что встреча с этим человеком возможна лишь в определённой локации и определённым образом, ведь это столько раз повторялось. Но, может, у меня получилось разорвать этот тошнотворный круговорот?! Не только в одном эпизоде, но и во всех остальных?!

-10-

Нет, не получилось. По крайней мере во всех остальных ситуациях.

В последующие дни я больше не встретил мужчину в костюме Деда Мороза с сыном, и каждый раз, когда проходил этот отрезок пути, у меня всё сжималось внутри. Но раз, вмешавшись, я смог предотвратить дальнейшие повторения этого события, то значит, что и с другими может выйти так же. Но у меня не получалось.

Когда виновники повторения или бессознательные жертвы этого страшного ритуала, находились рядом, я не мог взять себя в руки. Не мог заставить себя преодолеть полупрозрачную серую блокаду, громоздившуюся между мной и действием. Поэтому я так и не увидел лица человека с татуировкой, и не сказал сотруднику, какой он уже раз рассказывает про сон, и не взял в руки листок на остановке. Лишь в одном случае я действовал быстро, хотя здесь и раньше за мной наблюдалась активность. Когда видел двоих мужчин, выходящих из перехода, я стремительно бросался вдогонку, расталкивая прохожих. Но как раз тут моя активность была бестолковой, поскольку мне ни разу не удалось их догнать, а на улице они терялись из виду.

Ко всему тому, что меня преследует на протяжении зимы, добавилось множество мелких деталей. Они тоже стали повторяться всё чаще и было их всё больше, и весь этот абсурдный поток вовлекал меня в головокружительную воронку, дно которой — бесконечность в одном дне и один день в бесконечности. Я в исступлении царапался в сырые стены этой плотной пелены, окутавшей мою жизнь, но без толку. Свежий воздух всё меньше проникал в эту западню.

Мой брат в последнее время стал необычайно грустным. Его пугающе старческое, осунувшееся лицо утратило жизненные краски, и место их заняла мертвенная бледность и подстерегающий каждого удручающий цинизм.

В эти несколько посещений я не раз пытался выпытать у брата причину его состояния, но он лишь отнекивался и говорил, что у него всё хорошо. И произносил он это как-то по-отечески, будто переживал, чтобы я не беспокоился по этому поводу. Он уже не вещал о жене, дочках и остальной несуразице, и вообще в основном молчал. И в этом вязком

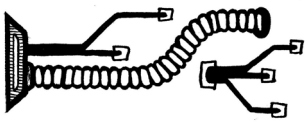
молчании повисла недосказанность и тяжёлые мысли.

У меня появилось ощущение, что он догадывается о странных событиях, которые происходят со мной. И по логической цепочке далее последовала мысль: что, если первопричиной этих обстоятельств является то, что я каким-то образом чувствую психоз брата? Ведь мы близнецы, наше мировосприятие и разум связаны прочной нитью и, соответственно, вполне вероятно, что дикие химеры, изгрызающие его больной мозг, передаются мне.

Мысль была ужасной и в этом тяжком молчании она словно липла к устам, желая быть высказанной, но при этом склеивала губы. Ведь если всё это – следствие моей связи с братом, то может кончиться тем, что в эту маленькую палату втиснут ещё одну койку и поселят меня рядом с ним.

Может, на этой койке я уже встречу весну, поскольку сейчас кажется, что зима никогда не закончится. Сырость и слякоть словно завладели всем миром и уже не уступят теплу.

Продолжение следует...



ALL THIS THEATRE, ИЛИ К РОДСТВУ ТЕАТРА АБСУРДА И ЖАНРА АНТИУТОПИЙ

Здравствуйте. Как ваши дела? Здравствуйте. А ваши? Мои дела хорошо, спасибо. Меня зовут Данила. Я студент. Я преподаватель. Моя семья невелика: мама, папа и я. Я живу в Киеве. Я живу в Украине. А вы где живёте?

А я живу напротив гладкой поверхности с надписью «4» в самом центре. Я вижу эту надпись каждое утро, и когда отхожу ко сну, она всё ещё там. Я не знаю, что буду делать, если не увижу однажды ни цифры, ни стекла. Возможно, сойду с ума. Возможно, я привык.

Актёр, произносивший эти слова на сцене ДК Несуществующего Университета, ненадолго снимает маску – и под нею обнаруживается Данила Змий, говорящий о себе сегодня в третьем лице, в духе театральных экспликаций. Зрители сразу узнают его по супергеройскому костюму Человека-Отсылки. Данила снял маску лишь для того, чтобы представить почтеннейшей публике действующих лиц. Когда он вновь её наденет, о нём ничего нельзя будет сказать с точностью, кроме того, что он наверняка носит [какие-то] штаны и [какую-то] шляпу, а также время от времени невпопад стучит пальцами по стоящей на столе швейной машинке, делая вид, что она печатная.

Итак, уважаемая публика, перед вами – место, в которое я никогда никого не позвал бы по доброй воле, но от меня давно хотели эту лекцию. И в итоге упросили именно сейчас, в сезон, посвящённый антиутопиям и киберпанку. Для примечания: термин антиутопия я использую как зонтичный для названия целого моря поджанров разоблачительной социальной фантастики. Герои текстов, спрятавшиеся под этим старым, но всё ещё крепким и ухватистым зонтом, – маленькие и лишние люди, которые живут в якобы безопасном мирке правила и схемы, пока не наступает болезненное прозрение. Порой после этого у героев начинается война с системой; в привлекательном своей инаковостью и столь близком нашей реальности киберпанке зачастую битва эта разгорается между человеком и его собственным отравленным разумом. А в мирах абсурдных, игровых, созданных как бы в шутку и издёвку над логикой, прозрение не перерастает в восстание. Война уже была, она проиграна, и следствие её – пепелище, разобщённость людей, связей и даже слов. В этом великом котле пал бог, пал автор, пали зрители. И только герои бессвязно и смехотворно ползают по неэвклидовой равнине текста. Какая ирония: говорить на сцене со строгими антиутопическими декорациями о чём-то настолько нелогичном, причудливом… Но я дал обещание. Я выполню его.

Сегодня я расскажу вам о театре абсурда и том экзистенциальном кошмаре, что он в себе таит. Как вы знаете, я придерживаюсь мнения, что о кино нужно говорить кинематографично, о прозе художественно, а о театре – театрально. Потому присаживайтесь поудобнее, переводите телефоны в беззвучный режим; сейчас в зале начнут гасить свет. А помогут мне сегодня на этой сцене мои хорошие приятели: товарищ А., cyber97 и господин К., случайно оказавшийся здесь. Не относитесь слишком серьёзно к этим героям, они здесь лишь для того, чтобы наочно проиллюстрировать принцип.

На самом деле как личностей их нет и никогда не было, и по окончании этого представления они, конечно, непременно исчезнут. Итак, мы начинаем!

Данила надевает маску и сразу же становится неузнаваем. На сцену меж тем выходят трое, один из них с потерянным видом некоторое время что-то ищет, затем понимает, что всё впустую, и кроме того, он забыл, что искал. Потому он садится на табуретку, стоящую посреди сцены. Это **господин К**., и он не знает, что делает здесь. Когда он покидал это место в последний раз, здесь была его квартира. Теперь здесь чёрт-те что. Но у соседей в прошлом месяце вообще сгорел дом, потому **господин К.** не жалуется. У него важная работа. Он работает в редакции. Он что-то редактирует.

Второй – **товарищ А.**, он обязательно носит униформу или пиджак. Третий – **cyber97,** носит юсб-татуировки (или другое, если такие татуировки уже вошли в моду) и сидит на диване.

Товарищ А. держит в руках листы бумаги и читает с них хорошо поставленным голосом. **cyber97** слушает (возможно, музыку в своих наушниках), **господин К**. рефлексирует на табуретке, **Данила Змий** делает вид, что стенографирует разговор.

Товарищ А.: Здесь и далее – цитирую. Ассистент, вы пишете? (Данила несколько раз стучит пальцами по крышке швейной машинки.) Хорошо. «Итак, мы начинаем. Антиутопия раскрывает карты. Тогда становится понятно: перед героем – не отчий дом, не заботливый старший брат, но хищное огнедышащее чудовище. Порою персонаж в такой истории может возомнить себя Ланселотом, взять ржавый меч и пойти на прямой конфликт. Герой опускает забрало, система отбрасывает маску: начинается открытое противостояние. Но жить всю жизнь, опасаясь его, или погибнуть в нём – не самая горькая участь. Большинство, кстати, выбирает путь непротивления и, возможно, поступает мудро. Вы думаете, жить в мире победившей антиутопии – страшно? Полноте. Дистиллированная антиутопия, – мой друг **К.** морщится от этого словосочетания, будто муху съел, – это мир, в котором можно жить». Вы ели мух, **К.**?

Господин К. не сразу понимает, что обращаются к нему.

К.: Кто, я?

А.: Да, вы.

К.: Что?

А.: Ели мух?

К.: Не знаю… Я не знаю. Может, разве что случайно, когда порывом ветра…

А.: Ясно. Ассистент, запишите: подсудимый не уверен, ел ли он когда-либо мух. (К К. с укоризной.) Такие вещи знать надо, товарищ. Мало ли что.

Данила Змий стучит по крышке машинки. **Господин К.** поражённо молчит. **Товарищ А.** продолжает чтение (пока он читает, на сцену рабочие выносят декорации церкви и суда, и сперва не знают, как их сочетать; в глазах **господина К**., тем временем, рождается болезненное узнавание).

А.: «Антиутопия в своём дородном величии в чём-то действительно похожа на мир, где жили наши родители и родители их родителей. Здесь, в этой книжной реальности, отвратительное ходит под маской благого, а в школах детей прежде всего учат социализироваться, то есть врать. Мы все умеем делать вид – возможно, мы все сумели бы выжить в антиутопических мирах. Это достаточно просто. Приспосабливайся, наступай на горло песне – лучше, конечно, чужой, – и какое-то время ты будешь на коне. Тебе не отрубят конечности, не введут смертельные химикаты, у тебя не отберут кров и еду. Всё это уже произошло много циклов назад, значит, при этих больше не повторится; радуйся, пацак! Радуйся и помни: если вместо этих придут другие, они не станут тебя жалеть.

Люди привыкают к плохому и быстро находят в нём хорошее, особенно если могут объяснить это себе какими-нибудь большими словами. Например, словами о Боге или Народе легко объяснить и оправдать легализацию женского рабства, как у Маргарет Этвуд». **К.**, это вы писали?

К.: Кто, я?

А.: Да, вы.

К.: Что?

А.: Писали это?

К.: Не знаю… Я не знаю. Фамилия, конечно, знакома, что-то там о библиотекарше, да, потом получилась целая большая, как нынче модно говорить, франшиза, целый очень печальный мир…

А., нетерпеливо: Документ называется «К родству театра абсурда (в самом широком смысле) и жанра антиутопий (в широчайшем)». Огромный документ, если я сейчас буду читать его весь, мы никогда это не закончим. Признайтесь честно, **К.**, от этого всем станет легче.

К.: Но я не знаю, в чём. Я ничего не делал. В чём я должен признаться?

cyber97 (снимая наушники): Во всём.

Немая сцена. Данила Змий грызёт зубочистку.

cyber97 что-то нажимает на своих часах и обращается к товарищу А.: Давай на двенадцатую, там сразу политика.

А.: Да? Хорошо… «Плоть антиутопических миров, как хороший персидский ковёр, соткана из законов и правил, их все соблюсти нет никакой возможности, как нельзя увидеть сразу все камни в японском саду». Ты прав, политичненько. Отличненько… «В разложенном по полочкам царстве машин, иерархий и вечной войны против другого нет смысла выдумывать новые протоколы проведения задержаний: схема всегда одна, общеизвестна и узнаваема и, чтобы не оказаться в её центре, люди готовы почти на всё. Это прекрасно разъясняется в сотне историй, от «Мы» Дмитрия Замятина до «Каллокаина» Карин Бойе. В антиутопическом дискурсе герой почти всегда так или иначе чиновник и лишь изредка – рабочий. Человек, вживую работающий с другими людьми и бумагами, – отживающий образ в нашем мире. Мало кто заполняет бумаги от руки, мало кто вручную их жжёт, да и находиться лицом к лицу с другими согражданами нынче небезопасно. Эра одиночества в структурированной толпе потенциальных заключённых миновала, так и не вылившись во всеобщую войну пассионариев с аппаратом. Наступила пора глобального одиночества в сети, киберпанк. Герои, впрочем, остались теми же: они суть шестерни большой добротно смазанной машины, зажатые между другими людьми и их информацией. Только глаза их обращены теперь в сущую условность экранов. И, как и в классической антиутопии, в этом чреве матери монстров, герой ломается о невозможность победить бескрайнее зло, ведь оно не человек, но система – так и здесь. Сэр Ланселот отступает перед бесконечными глубинами вселенской сети, неспособный изменить что-то тотчас, немедленно. Он берёт в одну руку джойстик, а в другую – чашку чая. И, как бы читателям ни было горько, начинает *приспосабливаться*».

Рабочие, тем временем, заканчивают монтировать декорации. **cyber97** смотрит на всё это с огромным любопытством. **Данила** стучит пальцами по машинке.

А.: «Но правда в том, что в отношении социальной фантастики читатели нередко остаются всего лишь наблюдателями, не превращаясь в со-участников. Слишком уж часто, особенно в последнее время, мы лишь стоим рядом, а герои весьма сдержанно, хорошо поставленными голосами объясняют нам, что не так с их миром, проживая все стадии принятия. И в том беда многих литературных антиутопий: в них слишком много рассказа, объяснения. Люди так обычно не говорят, не думают и не живут. Эти истории должны пугать – и они пугают нас, но лишь до

тех пор, пока мы не понимаем, что и в лабиринте киберпанка выжить можно. Что и говорить об антиутопии, которую совсем не обязательно произносить с приставкой «анти-». Это простая жизнь. Немного музыки в ушах, немного бренди вечером, немного веры в светлое будущее, лоботомия и много страха – и почти кто угодно сможет выжить здесь. Это вовсе не делает антиутопию плохим или дешёвым жанром. Вовсе нет. Он просто созерцателен, почти медитативен. Он позволяет нам испытывать сострадание, но не страдать. Не то что в мире абсурда». Это что за чушь?

cyber97 перехватывает инициативу у **А**. и, не вставая с дивана, начинает цитировать по памяти.

cyber97: «Здесь ты никогда не знаешь (и не узнаешь), кто, когда, а главное – за что придёт за тобой. Ты не знаешь, бояться тебе или нет; закон, кажется, ничего не говорит о вещах, которые ты делаешь, потому что ты не делаешь в принципе никаких таких вещей, да и закона никакого особенного нет, или ты не знаешь его за ненадобностью. За тобой может прийти убийца (Шерлок Холмс, переодетый дворецким?); твой собственный нерождённый сын (выдуманный или мёртвый, конечно); судебный пристав, бывший любовник или любовница, работодатель, который ждал от тебя выполнения заказа – да вот беда, позабыл тебе о нём сообщить... А может быть, старость или смерть, или война, или даже свобода, или просто великое ничего. Так или иначе, когда бы это ни случилось, ты закончился, не начавшись толком».

А.: Откуда ты это читаешь?

cyber97 щёлкает себя по наручным часам, затем прикладывает пальцы к голове: Из памяти.

А.: Да ладно?.. Ну, ладно. (Глядя на **К**.) Это вы написали?

К.: Возможно?.. Я не уверен. Я много пишу. Возможно, это я. Возможно, нет. Я редактор. Через меня проходит много текстов и авторов.

А.: Ладно, попробуем по-другому. Вы знакомы с автором?

К.: Не знаю... А я должен?

А.: Он пишет, что вы его друг.

К.: На дверях моей квартиры однажды написали, что я дурак.

А.: Вы невозможны.

К.: Благодарю. Может, хотите чаю?

А., теряя терпение: Как по-вашему, где мы находимся?

К.: Не знаю. Вероятно, у меня дома, но я не могу в точности сказать. А что, собственно, происходит?

А.: Суд.

К.: Суд?!

cyber97: Пока что всего лишь расследование.

К., успокаиваясь: Хорошо. Тогда мы можем выпить чаю с тортом. (Он обращается к Даниле, приняв того за официанта.) Милейший, принеси нам чаю и торт, будь любезен.

Данила поднимает крышку швейной машинки, там оказывается чайный сервиз с чайником и кусок торта. **cyber97** тут же с радостным криком подбегает и начинает есть торт с помощью ближайшей ложки или даже руками. **К.** и **Данила** пьют чай, торта им не достаётся. **К.** замечает, что **А.** напряжён, и предлагает тому чаю повторно. **А.** отказывается и продолжает зачитывать.

А.: «Трагедия героя антиутопии – в том, что он осознал себя или встал на путь осознания; и уже получив этот дар, встретился с механизмом подавления, этими комнатами 101, униформами и пилюлями. Трагедия героя текста абсурдистского – в том, что герой его живёт в повторяющемся Дне сурка и в осознании себя не нуждается. Каждый его день, кроме последнего, каждый поступок – не первые шаги героя из креативного класса, но рутина зэка по ошибке. Тем абсурд и страшен. Антиутопия пародирует наши страхи в отношении окружающей

действительности. Абсурд пародирует саму действительность, подчас довольно бессмысленную и совершенно не героическую».

К.: Хорошо сказано. И торт вкусный. (К Даниле.) Благодарю, любезный. (Данила кивает.)

А.: Так это вы писали или не вы?

К.: Скажем так, я мог бы написать что-то такое… Но я не утверждаю. Но автор прав в одном.

А., хищно раздувая ноздри: И в чём же?

К.: Вы хотя бы знаете, что скрываете. Вам есть что скрывать, потому что вы знаете названия этих чувств!

А., деланно-лениво, будто расслабившись: Чушь. У всего есть названия, всему есть причины.

К., с грустной иронией: Неужели?

А.: Бесспорно. Если у чего-то названия нет, значит, оно уже отжило своё и только мешало. Стирается только ненужное. Если вы о чём-то не знаете, значит, это вам не нужно, всё просто. Не морочьте голову себе и нам. Лучше дайте поскорее утвердительный ответ: писали ли вы этот текст и множество других до него, в жанре «театр абсурда» и «абсурдистская проза», и призывали ли в них к свержению действующего миропорядка. Вы ведь рано или поздно всё равно его дадите.

К.: Так вот зачем я здесь?

А.: Да.

К.: А вы зачем?

А.: Чтобы узнать правду. Вы это писали или не вы.

К.: Да, но почему прислали именно вас? И кто прислал?

А.: …

cyber97 (к **К.**): Да не обращайте на него внимания. Старичок ретроград и немного тугодум. (Подходит к **К.**, садится рядом на пол.) Он любит бумагу. Доверяет ей. С экранов он смотрит кино, с листов – тексты. А в своей голове давно уже не смотрит ни на что. (Хихикает.) А я читал некоторые ваши работы. Театр трезвости, парадоксов и сна. Сложные символы в простой подаче, события без названий, слова, теряющие смысл. Я хорошо понимаю, правда. Это как… Баг в системе. Ты всю жизнь жил с ним, но потом ошибки накопились, и ты уже больше не можешь.

К. поражённо смотрит на **cyber97**.

А., не менее поражённо: Сволочь, да ты на его стороне, что ли!?

cyber97: Кто сказал, что я на его стороне?.. (Гладит **К.** по колену.) И выбор не в том, останешься ты в системе или восстанешь против неё. Выбор в том, погибнешь ты полностью или позволишь багу тебя поглотить. Как в «Носорогах» Йонеско, скажем. Хороший был старичок, кстати. Гротеск любил. Превращения всякие. И так в этих своих «Носорогах» страшно описал фанатизм, что нам с **А.** и не снилось…

К.: …Так вы меня действительно понимаете?

cyber97: Ну, конечно. И, конечно, вы не призывали бороться за свободу: у авторов вашего, скажем так, движения…

К.: Направления.

cyber97: Пускай. У авторов вашего направления совсем иные задачи. Не рассказывать о жизни, ограничивая её реализмом, ведь чистый реализм упускает видения, галлюцинации, сны, фантазию. Не разъяснять её, напичкав фантазиями о возможном мрачном будущем. Абсурдисты показывают самый момент жизни. Неописуемую тревогу, которую не осознаёт человек. Страх непонятного. Невразумительные аддикции и бессодержательные привычки. Рутину без смысла, без творчества, без искры. У героев этого направления почти никогда нет детей, зато почти всегда есть начальники, даже если нет работы, как у Диди и Гого.

К., с дрожью в голосе: Я всё ждал

повышения, знаете? Я ждал. Знаете, зачем? Чтобы завести детей, нужны деньги. Огромные. Вдруг они заболеют. Корь – ужасная штука.

cyber97, мягко: Ну, конечно. А ещё в ваших историях никто никого никогда не узнаёт.

К.: Да, верно… Ведь мы другие день ото дня, мы так меняемся, что только привычка заставляет нас здороваться друг с другом по утрам. Мы ведь не знаем, кто проснулся сегодня в нашем теле, в телах наших родных…

cyber97: А знаете, что я думаю? Я думаю, на ваших авторов сильно повлияли войны, репрессии. Ощущение нелогичности якобы стройной системы государств в XX веке, просто так сметающей человека…

К.: Да, да, конечно… (Плачет.)

cyber97: Как его звали, этого швейцарца? Он ещё написал пьесу о сумасшедшем доме, где скрывается физик и три шпиона?

К. сухими губами произносит: Дюрренматт.

cyber97: Гомерическая пьеса! А самое забавное (**cyber97** встаёт, выходит на средину сцены и, бурно жестикулируя, продолжает рассказ), что обстановка там в точности такая, как в «Пролетая над гнездом кукушки» Кизи. Только всё ещё более путано, и слов, как всегда, не хватает. Шпионы притворяются сумасшедшими, чтобы втереться в доверие к физику, который тоже притворяется сумасшедшим. Коварная медсестра лечит их до состояния настоящего безумия. Очень может быть, что она сама – агент репрессивной системы… (зрителям) Понимаете, к чему я клоню?

К.: Они понимают.

А.: Я не понимаю.

К., качая головой: Но ведь вы затем меня сюда позвали, разве нет? Вот… Вот скажите мне, какова истинная причина того, что все мы здесь собрались?

А., натянуто: Она была озвучена.

К.: А вы сами? Вы – знаете? На самом деле? Бога ради, да прислушайтесь к себе, задайте себе этот вопрос: зачем я здесь? А он вот – зачем? Понимаете?

Выражение лица товарища **А.** становится тревожным. **К.** встаёт, принимается нервно ходить по сцене, беря в руки то один, то другой предмет.

К.: Много лет, много десятилетий, может, столетий мы сосуществовали рядом с вами. Смотрели на вас. Ужасались. Не понимали вас, себя, вообще ничего. Мы жили обычной жизнью, у нас – у нас обычно был дом, жена, ну или муж, надежда на детей, ненависть к соседям… Мы жили и умирали, перед смертью нередко чудовищно изменяясь. Наши соседи превращались в носорогов, секреты под нашими кроватями превращались в трупы огромных великанов, говорящие с нами превращались в немых. А затем за нами кто-то приходил. Следователь. Судья. Пристав. Детектив. Кто-то из ваших. Это происходило всегда. Так или иначе. Нас вели на казнь, мы умирали, не доходя до гревских площадей.

А.: Звучит довольно пусто. Не удивительно, что…

К.: Нет, это не наш мир пуст, а ваш! Ваш мир – средоточие повторяемых ритуалов и предписаний, в которые ваши вожаки, столь на вас непохожие, изменённые своей жаждой власти, попытались вложить смысл-морковку, который будет вести вас к угодной им цели. На деле, за ним, за вашей верой, за жаждой власти и жаждой свободы, за униформами и машиной – за всем, чего вы так боитесь, стоит пустота. В последние десятилетия пустота перенеслась на экраны, в путаницу шнуров и микросхем, но ничего не изменилось! Грамм лунного нектара – и вы готовы прожить этот день, не меняя ничего! Самые отчаянные мечутся в поисках более удобных, молодых, ярких лидеров или становятся ими сами. А авторы всё штампуют, штампуют, штампуют книги о вас, и ставят, и ставят им памятники!

А.: Да что ты знаешь, ты… (замахивается) Что ты понимаешь в жизни вообще!

К. замолкает, он напуган. Телом его проходит дрожь. До него начинает доходить опасность его положения.

А.: Пусто ему. Да в твоих писульках, если они твои, конечно, нет ни грамма смысла. Люди ходят туда-сюда, говорят не к месту, повторяют одно и то же изо дня в день, а потом иногда невесть от чего помирают. Да разве это жизнь, разве так её описывают? Это дегенеративное искусство, так-то, дружок. И тебе лучше бы сейчас прямо во всём сознаться, подписать бумагу, мол, так и так, да и пройти с нами. От тебя всё равно никакой пользы этому миру нет, и от пьес твоих так называемых. Сам ты говоришь о каких-то неописуемых страданиях. Очень хорошо, и славно. Давай, подписывай, затыкайся и пройдём с нами. Будут тебе страдания. Сможешь их потом, если захочешь, описать.

А. смеётся, затем внезапно впадает в гнев и бросается с кулаками на и без того напуганного **К.**. Никто не мешает **А.**, все наблюдают. Зрители тоже наблюдают и не вмешиваются. Спустя недолгое время **А.** успокаивается.

К., тихим, невыразительным голосом, с пола: Вы… Так на меня бросаетесь, будто убить хотите. Да, признаюсь. Это я написал. Я. Делайте что хотите теперь. Убивайте. Мучайте. Всё равно. Я так долго боюсь, сам не знаю чего. И пишу от ужаса. А вы вот на меня бросились зачем? Не от ужаса ли? Не оттого ли, что я прав? Ваша жизнь… ваша жизнь пуста, **товарищ А.**. Вдвойне пуста, поскольку вы этого даже не осознаёте. Как… как и я. Вот ведь какая удивительная штука.

А. с восклицанием «Ах ты контра!» бьёт **К.** ещё раз, тот стонет и падает. Садится на полу, невдалеке от **cyber97**, закрыв лицо руками.

cyber97: А ведь он прав, А.…

А.: Чушь.

cyber97: Нет, не чушь.

А.: Да что ты творишь… Так и знал, что ты, предатель, на его стороне.

cyber97: Кто сказал, что я на его стороне? Вот в тебе сейчас гордыня говорит. А в нём говорит отчаяние! Да, может быть, он написал всё это. Но не из желания кого-то повалить, а от полной безнадёги. От ужаса. Он хорошо знает этот вкус. А мы с тобой его забыли, мы зажрались. А кто мы без него?

А.: Вот ещё что выдумал.

cyber97: Я знаю, о чём говорю. Именно он, абсурд, давал жизнь нашим венам. Он, умеющий показывать безумие в мелочах, бессмысленность и безумие – он всегда был нашим учителем. От площадных куплетов самых древних эпох до послевоенных романов и театра жестокости – он вёл нас за собой. А теперь пришло забытье. Это не он забыл, писал он этот текст или нет – так ли это важно? Это мы его забыли. А кто мы без него?..

К. слушает эти слова, беззвучно плача в ладони и будто слабея с каждым мгновением.

cyber97: Без этого странноватого юморка, без привкуса дурного сна, без слабости и непонимания, без проигрыша, без ощущения беспомощности, в конце концов, хотя бы частичного – как в жизни! – без хотя бы одного элемента абсурдной, парадоксальной литературы любая антиутопия и любой киберпанк, да любая большая современная история вообще – не более чем рекламная кампания по продаже алкоголя настоящим мужикам!

А.: Тебе-то откуда знать о настоящих мужиках, Убик Рубика…

cyber97, смотрит на **А.**, тот замолкает: Сейчас моя очередь. С каждым годом продолжают выходить всё новые антиутопии и истории о кибер-будущем. Большинство ставших известными среди них искренне беззубо, потому что с первых страниц становится ясно: впереди хороший конец! Наши

победят, не наши проиграют! Всё будет хорошо! Настоящая, злая антиутопия, за которую могли бы и посадить, прозябает на маргиналиях. Настоящий киберпанк, в котором персонажам и горько, и страшно, и непонятно, и вообще худо без причин, стал таким редким зверем в нашу (кривляясь) «эпоху победившего позитива и правильной мотивации»!.. А зачем продавать читателям что-то другое, кроме скоростного веселья и ярких картинок?! Всё понятно же! Бей этих, защищай тех! Ни одной недосказанности, никаких причин для самоанализа. Гай Монтэг мчит по скоростной трассе на любимую работу, не сомневаясь ни на миг. Работай, достигай, по-бе-ждай!

А. встаёт со своего места со странным выражением лица: Послушай...

cyber97: Нет, это ты «послушай»!.. А для тех, кто вдруг задумался о чём-то, всегда есть фото котиков и добрые мотивационные видео. Не то чтобы я был против котиков и мотивации... Но сплошные розовые пони с бабочками и героические супермены – это о чём-то да говорит. Нас съели, дорогой мой. Нас прожевали и глотнули. А мы и не заметили. Ты – не заметил.

Вновь воцаряется тишина. В ней Данила убирает в швейную машинку чашки с тарелками и закрывает крышку.

А.: Ты зачем сейчас всё это?

cyber97: Да чтобы ты проснулся, чурбан деревянный. И огляделся по сторонам. Спорим на что угодно, что шёл ты сюда с пустой головой, полагая, что вечер пройдёт легко, мы просто немного надавим на подследственного и всё. Ты перестал думать. Перестал анализировать. Ты пошёл на поводу у красивой картинки, и она заменила тебе тебя.

А.: Так ты... На моей стороне?

cyber97: Кто сказал, что на твоей? Я ни на чьей стороне. Я просто хочу... (Он встаёт, подходит к **А.**, кладёт тому руку на плечо. **А.** обескуражен.) Я хочу, чтобы мы снова стали собой. Даже если будет очень плохо. А плохо будет, это я тебе обещаю. Но всяко лучше, чем...

А., севшим голосом: Сомы грамм – и нету драм.

cyber97: Сомы грамм – и нету драм. У-мни-ца. Видишь, ты всё понял. Ты вообще понятливый. Всё ещё. Не вытравила в тебе этого простая, понятная жизнь.

А.: Мы... стали тем, против чего боролись.

cyber97: Ну-у, ну-ну, не совсем. Надежда увидеть дерьмо и ткнуть в него всегда остаётся. Правда, платить за это придется известную... или неизвестную цену (кивает на **К.**). Смотри, он ведь тоже пострадал. Его приёмы растаскали все, кому не лень. Безумные диалоги найдёшь в фильмах Тарантино, эстетику снов – а хоть бы у Тарсем Сингха. Лемони Сникет пишет жутковатые детские сказочки, наполняя их непоследовательной цепью событий. И всё это так забавно, так чудно. И совершенно не тревожно. Его считают смешным безвредным чудаком, фокусником, клоуном. А ведь не с того мы все начинали, помнишь? С безнадёжного противления непостижимому ужасу. Наши герои. Твои – боролись за право высказать мнение. Мои – за право отстоять его хотя бы в одиноких просторах Сети. Его – честно говоря, не знаю даже, за что. За право вспомнить что-то важное, помимо обычных ритуальных фраз вежливости, произносимых день за днём, день за днём, без конца? Наши авторы. Они писали с опаской. Они боялись, сами даже не зная, чего. Странная тревога владела нами всеми. Звериная. Бессловесная. Хтоническая.

К. всё это время сидит, раскачиваясь, закрыв ладонями лицо, затем отнимает руки – щёки и глаза его сухи, лицо бледно. Механически улыбаясь, он смотрит на **А.** и **cyber97**.

К.: Здравствуйте.

А., удивлённо: Здравствуйте.

cyber97: О-о, ну ясно...

А.: Что?

cyber97: Поздравляю. Ты его перезапустил. (Хлопает **А.** по плечу.) Молодец какой.

К. к **А.**, участливо: Как ваши дела?

А.: Э-э, а ваши?..

К.: Мои дела хорошо, спасибо. Меня зовут **К.** Я писатель. Я редактор. У меня немного друзей: **А.**, **cyber97** и я. А я живу напротив гладкой поверхности с надписью «4» в самом центре. Я вижу эту надпись каждое утро, и когда отхожу ко сну, она всё ещё там. Я не знаю, что буду делать, если не увижу однажды ни цифры, ни стекла. Возможно, сойду с ума. Возможно, я привык. А вы где живёте?

А., к **cyber97**: Что с ним?

cyber97: Стресс. Он скоро придёт в норму, но уже никогда не будет прежним. Если хочешь, можешь поговорить с ним о погоде, это его заклинит. Или о литературе, это его взбодрит. Глядишь, ещё несколько часов, и он вспомнит, кто написал все эти истории. Вспомнит, что текст о родстве театра абсурда и чего-то там написал он сам. За этот текст ты, кажется, хотел с ним что-то сделать – а что, кстати?.. А потом опять растревожится и вот так уснёт. Это его способ защиты, как нынче модно говорить, копинг-стратегия. Делать вид, что ничего не происходит, нет никакой опасности, и его самого тоже нет.

К., тем временем, начинает что-то искать, но в итоге забывает, что искал. К нему подходит Данила в маске и предлагает стакан воды, затем помогает ему встать. **К.** здоровается.

А., поражённый: Но я не думал, что он… Я не хотел, чтобы…

cyber97, с усмешкой: Да ты, старичок, совсем зубы растерял. Конечно, ты хотел. Тебе приказали узнать, кто автор текста – и ты узнал.

А.: Кто приказал?

cyber97: Ты не помнишь.

А.: Зачем?

cyber97: Ты не помнишь.

А.: Ну, а ты?

cyber97: А я здесь просто для того, чтобы наблюдать и констатировать.

А.: И… что ты наблюдаешь?

cyber97: О! Я наблюдаю прекрасные картины.

cyber97 некоторое время стоит, зажмурившись, затем начинает раскачиваться. На заднем плане **К.** и **Данила** сперва молятся в церкви, затем начинают её разбирать. Очень быстро остатки церкви начинают напоминать магазин во время распродаж.

cyber97: Я вижу смерть, и разрушение, и падение всех границ. Вижу, как слетают все маски, исчезают все контуры, как слова утрачивают привычные значения и перестают соответствовать принципу «одно слово на один предмет».

А.: Ужасно.

cyber97: Я вижу, как теряют смысл деньги, работа, отношения, длившиеся множество лет. Вижу, как всё вокруг оказывается плоской картинкой, смесью цветов, миганием бликов, не более.

А.: Чудовищно.

cyber97: Я вижу человека. (На этих словах **cyber97** открывает глаза.) Человек живёт во всём этом не первый год, и даже не первый век. То, что я описал, происходит в его мозгу всякий раз, когда он немного задумывается. О войнах, о болезнях, о смертях, о том, как люди ранят друг друга, даже не желая того. О будущем спасении планеты. О том, что пророки немы в точности, как в «Стульях» Йонеско, а бог способен лишь избивать, как «В ожидании Годо» Беккета. О том, что каждого ждёт суд, и суд неминуем и непознаваем, как в «Процессе» Кафки. О том, что хорошо жить в антиутопии, где тебе всегда могут объяснить, на чьей ты стороне. И хорошо жить в киберпанке, где всегда можно купить себе немного пластикового

киберудовольствия и забыться. А у этого человека нет ничего. Нет смысла. Нет удовольствия. Только нарастающая, повторяющаяся петля тревоги. И, может быть, ещё чай с тортиком. Тогда человек не выдерживает...

Данила, оборачиваясь к зрительному залу: ...И начинает хохотать.

После этих слов тела всех участников представления освещаются странным мигающим светом, и первым начинает смеяться **cyber97**, затем к нему присоединяется немного растерянный **товарищ А.**, после и **Данила** в маске. Пространство сцены полностью изменяется, о нём нельзя уже узнать совершенно ничего, кроме фигуры **К.**, вновь сидящей на полу с лицом, закрытым руками, то ли в ужасе, то ли в молитве. Смех становится всё более вычурным, пятна света — всё более точечными и невыносимыми. Вокруг **К.** плавают вывески, элементы архитектуры, посуда, утюги, паяльники, оружие, газеты, собачий ошейник с поводком, тюремная решётка, кусок торта.

Затем **К.** кричит, не отнимая рук, но всё же каким-то образом перекрикивая какофонию звука. И всё пропадает.

На сцене остаётся **К.** – и **Данила Змий**, снявший маску Человека-Отсылки. Теперь о нём много чего можно сказать, но мы не будем.

К. отнимает руки от лица.

К.: Здравствуйте.

Данила, участливо: Здравствуйте. Как ваши дела?

К.: А ваши?

Данила: Мои дела хорошо, спасибо. Меня зовут Данила. Я студент. Я преподаватель. Моя семья невелика: мама, папа и я. Я живу в Киеве. Я живу в Украине. А вы где живёте?

К.: Меня зовут **К.**. Я писатель. Я редактор. У меня немного друзей: **А.**, **cyber97** и я. Я живу в книгах. Я живу на страницах. Я усердно тружусь.

Данила: Вы молодец.

К.: Вы так думаете? Знаете... Когда я покидал это место в последний раз, здесь была моя квартира. Теперь здесь чёрт-те что. Но у соседей в прошлом месяце вообще сгорел дом, потому я не жалуюсь. У меня важная работа. Я работаю в редакции. Я что-то редактирую.

Данила, присаживаясь рядом: Я думаю, у вас хорошо получается.

К.: Правда?..

Данила: Конечно. У вашего труда есть поклонники, вон, посмотрите, полный зал.

К.: Да?.. Но я сейчас ничего не помню. Это так неловко, простите.

Данила: Это не страшно. Вы ещё вспомните. И напишете, я обещаю вам.

К.: Я напишу?

Данила: Да, вы. Это будут прекрасные тексты. И ужасные. Отрезвляющие. Парадоксальные.

К.: Меня будут ненавидеть?

Данила: Да. И любить. Как Жана Жене.

К.: О! Я знаю это имя.

Данила: Ну, конечно. Идёмте?

К.: Да, пожалуй.

Они встают, **Данила** помогает **К.** привести в порядок одежду. **К.** на ходу перечисляет имена.

К.: Йонеско писал о снах, социуме и борьбе с системой через безумие, а Беккет — о противоборстве с Богом, а может, и нет. Кафка писал о маленьком человеке, страхе и идентичности, а Шульц — о том же, но на польском. Гавел писал о тюрьме, и Жене писал о тюрьме, а ещё о ксенофобии, но Гавел президентом был, а Жене — не был, кажется... Или был? А был ли он вором? Или вот Дюрренматт называл Швейцарию тюрьмой — но сидел ли он в тюрьме? И можно ли театр Брехта считать до некой меры абсурдным, ведь они были знакомы, они знали друг о друге...

Данила медленно ведёт **К**. к кулисам, где его встречают уже знакомые нам двое, одетые санитарами. **К**. уводят.

На сцену выходят рабочие в причудливой форме, начинают разбирать остатки декораций.

Данила обращается к залу, подходя к самому краю сцены и опасно нависая над ним:

Это была не та история, которую мы хотели рассказать вам. Но, кажется, та, которая захотела быть рассказанной. Мы все боимся жить в антиутопии, а зря. В ней можно жить и даже быть успешным. Принять немного сомы, написать немного доносов, предать немного друзей – и жить. Если так подумать, почти любое современное общество в той или иной мере антиутопично: оно построено на правилах, скрывающих тайны и трупы. Но можно научиться не замечать их. Можно уйти в дивный кибермир и даже верить, что за тобой не придут. Особенно если, опять же, вовремя написать несколько доносов.

Да, в антиутопии и тем более в комфортном депривационном кибермире можно жить. Однажды мы все, быть может, переселимся туда с улыбкой на устах. Мы будем по сотне раз на дню менять лица и убеждения, лишь бы выжить.

Но останутся те, кто живут в мире абсурда. А в нём жить нельзя. В нём невозможно и умереть. В нём не рождаются люди, в нём умирают мечты. В нём нет выхода из комнаты, чем бы эта комната ни являлась. В нём каждый – минотавр в глубине лабиринта, безумец в больнице, каторжанин в камере. В нём можно только мечтать и забывать. Но ведь это совсем не похоже на нашу с вами жизнь. Не так ли?..

Дамы, господа и другие хозяева, на этом волшебный театр прекращает свою работу. Теперь вы можете снова включить свои гаджеты, выпрямить спину, долить кипятку в остывший чай, заплатить за квартиру и даже, возможно, посмотреть немного порно или новостей. А ещё помечтать.

Мечтайте, друзья мои. Говорят, мечты перед сном продлевают жизнь!

Данила Змий снимает ещё одну маску, маску Данилы Змия. Под нею оказывается **К**., и, пока на сцене ДК Несуществующего Университета гаснет свет и мир погружается во тьму, он долго молча смотрит в зал.

Единственное оставшееся пятно света, падающее на фигуру **К.**, выхватывает финальные подробности.

Убрав последнюю декорацию почти в полной темноте, рабочие подходят к **К**., надевают наручники на его руки и ноги, поднимают в воздух и уносят. Пока его несут, он всё так же смотрит в зал, и луч света следует за ним. Напоследок, у самой кулисы он произносит:

Здравствуйте.

По окончании представления луч замирает на пыльном бархате кулисы.

В зале начинает загораться свет.

Автор мёртв.

Вёл лекцию Данила Змий.

Версия 1.0.

Анна Линдберг

За соседним столом выругались.

— Снова твой симулятор вылетел? — сочувствующе поинтересовался я.

— Перегруз выдаёт. Опять сейвы придётся чистить. Подумать только — 4,54 миллиарда игровых часов, а дальше ЗБТ продвинуться не могу.

Я присвистнул.

— Солидно. Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Я подсел ближе к его монитору. Он скрыл всплывшее окошко предупреждения о перегрузке и начал выводить на экран разные локации, сопровождая их краткими комментариями. Картинка приятная.

— К слову о графике, — он свернул окно и зашёл в папку «Старые сейвы». Прокрутив список до нужного файла, дважды кликнул на него, после чего на экране появилось изображение.

— Ну и фантазия у тебя, — хмыкнул я.

— Назвал их «Архозавры». Хотел что-то новенькое придумать. Но после первой ошибки, когда пришлось половину кода переписывать, решил не выпендриваться, и попросту смоделировал персов, похожих на нас.

— Жаль. Некоторые весьма неплохи. У этого крылья зачётные. Но с пропорциями у тебя беда. Как такой громиле можно было пририсовать такие маленькие конечности? А у этого шея еле в формат поместилась… — я пролистал изображения дальше. — Но всё же в них что-то есть.

— Я некоторых позже модифицировал и добавил к NPC. Не удержался.

— А почему вообще переписал?

— Ошибка в коде, и персонажи перестали откликаться. У меня тогда ещё текстуры слетели и локации накрылись. Представляешь, открываю сохранение — там дым, огонь, ничего не видно. Вот и пришлось перекодить. Но с новыми тоже повозился — локации для них-то не приспособлены были. Стал тогда моды писать. Там и понеслась: огонь, колесо, система знаков — у них, знаешь ли, короткая продолжительность жизни, начинать качать скиллы заново — процесс утомительный, а так они знаками помогают следующим генерациям быстрее прокачаться. Потом прикрутил скилл механики, прописал разные модели поведения — они стали группами объединяться и друг друга бить. Решил занять их делом — добавил культурную составляющую. Думал, возьмутся за прокачку культуры, перестанут самоистребляться, — так возвели уйму культов и агрятся друг на друга ещё и на этой почве.

— А как у тебя симулятор не тормозит с таким-то количеством модов?

— Кто сказал «не тормозит»? Ещё как тормозил бы, если бы я сейвы не чистил. Вот и сейчас придётся, – он прокрутил список удалённых файлов

и показал на папки под названием «Первобытное общество» и «Древний мир», — эти пришлось убирать. Откат настолько далеко я делать не собираюсь, а система знаков позволяет развивать скиллы дальше, не привязываясь к старым сейвам. Остаточные фрагменты, конечно, ещё попадаются, как, например, после архозавров в текстурах остались контуры и части фигур, после античного периода сохранились не все постройки, что очень обидно. Я долго их проектировал… Видел бы ты, что от Помпей осталось, когда я стёр сейв с древним миром, без слёз не взглянешь…

— Помпей?..

— Город такой красивый. Был. Пока я сейв не удалил.

— Опять ошибка в коде?

— Возможно, хотя я проверял не раз, но так ничего и не нашёл.

На экране снова всплыло окно предупреждения о перегрузке системы.

— Да понял я, понял! Сейчас почищу! — он нетерпеливо закрыл предупреждение, зашёл в сейвы симулятора, навёл курсор на папку «Средневековье», кликнул правой клавишей, в открывшемся меню выбрал пункт «Удалить». Затем он перезапустил симулятор и, судя по всему, остался доволен результатом. Окно предупреждения больше не всплывало.

Я вернулся на своё место и, было, принялся за работу, как вдруг раздался гневный хлопок по столу.

— Да ты только посмотри на этот код! Теперь горит Нотр-Дам! Даю слово, ничего сложнее многоэтажки больше проектировать не буду…

Їх було троє

Аліна Ларіонова

Лічильник містян зайняв мало не половину стіни. Під його періодичний писк та клекіт дрона інженерної інспекції Ден копирсався у звалених на столі паперах.

— Система майже вільна, — пробурмотів він, глянувши на термінал. — Що б їй згодувати? «Громадський транспорт, річний графік». Дурня, за п'ять хвилин порахує. Солідне щось є?

— Сільське господарство глянь, — буркнув з-за монітору Сірий. — До ранку гудітиме.

— Та я його вже рахував!

— Під обід ще кілька надійшло. З погодою, торгівлею та шкідниками.

— Хай йому! — лайнувся Ден та зашурхотів заявами. Дрон обстежив останній куточок кабінету, блимнув зеленими діодами та полетів до виходу.

Двері прочинились: на порозі стояв Макс, бадьорий та рум'яний, з величезним яблуком у руці.

— До вас можна, рахівники? — спитав він.

— Можна, тільки Карлсона випусти, — Ден радісно ткнув на порожній стіл поруч.

Макс посунувся, і дрон шуснув повз нього в коридор.

— Чого це вони розлітались? — спитав хлопець, зачиняючи за літуном двері.

— Техогляд же, — відповів Ден. — До вас теж скоро долетять.

Настінний лічильник знову пискнув, і остання цифра на табло перескочила.

— Плюс двоє, — механічно відмітив Ден. — Треба поквапитись, бо скоро параметри перерахує.

— А чого не зараз? — поцікавився Макс, всівшись прямо на столі.

— На хріна? — пирхнув Сірий.

— Тобто, марно, — пояснив Ден. — Похибка все одно є, а шестигодинну процедуру ганяти через кожне немовля дорого.

— А її часто запускають? — Макс хрумнув яблуком.

— Через кожні душ сто чи сто двадцять, — відповів Ден, наклацуючи параметри. — Тільки б до шостої не почалось — на мені ще гора цих моделювань.

Лічильник пискнув ще раз. Дев'ятка справа округлилась до вісімки. Ден зітхнув:

— Співчуваю комусь.

— І як давно? — подав голос Макс.

— Година-друга, поки медики доїхали, зафіксували... А до бази внесли тільки зараз.

— Еех, якби таку штуку років сто назад винайшли, — мрійливо усміхнувся Макс, — не довелося б пил по архівах ковтати.

— Нагадати, як доки на лінзи виводити? — в'їдливо поцікавився Сірий.

— Чуваче, може, у твоєму світі рожевих єдинорогів кожен папірець й оцифровано. В моєму ж досі живе чудовисько на ім'я Черга. Страшне й хвостате, — роздратовано прошамкав Макс. — Та й подивився б я на тебе за три дні читання з лінзи.

— Монітори добріші, папір надійніший, — неохоче погодився той.

Макс миттю охолов:

— До речі, а ви чим тут займаєтесь? — поцікавився він.

— Майбутнє творимо, — відповів

Ден. — Чув про оптимізацію виробничо-споживацьких процесів?

— Та про нього навіть немовлята в пологовому чули. Пояснив би хтось, що воно таке?

— Давай спробую. Візьмемо транспорт. Пустиш на маршрут замало: пасажири один раз у салон не влізуть, чортихнуться, — і більше не прийдуть. Виженеш забагато: бігатиме напівпорожнім, гроші марнуватиме. Чи з податками: невеликі всі готові платити, а від таких, що хвіст щемлять, тікають. І такого добра в масштабі держави — хоч відбавляй. От хтось і здогадався всю цю лабуду оптимізувати. За принципом «ефективність щонайвища, ціна щонайменша». Спочатку все на папірцях рахували, а пару років тому ця ляля загуділа. Поки лише для нашого міста з околицями. Нейромережі, самонавчання, збір даних по всіх гаджетах у мережі...

— І зворотній зв'язок налаштувати можна, — знову висунув носа Сірий. — Не обійшлось без цього, хоч ріжте.

— Що, друже, — скинув брову Макс, — документацію читають лише дурні та вбогі?

— Комерційна таємниця ваша документація, щоб їй, — гаркнув той спідлоба.

— І як воно, вже себе виправдало?

— За рік впорається, — промовив Ден, запускаючи калькуляцію.

— Тю, а чого так довго?

— Ти хоч знаєш, скільки ця хрінь коштувала? — скривився Сірий. — Два роки кодування, три роки підбору моделі двома інститутами. Двадцять ітерацій і три відкати після завалу тестів, все на п'ять-шість рівнів складності.

— Друже, не матюкайся! — кинув Макс.

— Чого? А-а-а, — аж ляснув він себе по лобі. — Сорян, забув, що ти з іншого інкубатора. Довго збирали, коротше.

— Слухай, ну це вже занадто! — від образи друг ледь не вдавився. — Може, я, історик, в усій цій вашій математиці й не тямлю, але без моїх даних ця ваша моделька дірки від бублика не варта.

— Може, ти їх ще й обробляти вмієш? — вишкірився той.

— Хлопці, не сваріться, — примирливо мовив Ден. — Краще гляньте: у нас вільні ресурси з'явились.

— То й що? — буркнув Сірий.

— Та ну тебе, занудо! — відмахнувся піднесений Макс. — Може, передбачимо щось?

— Ну давай, — погодився Ден. — Що хочеш?

— Наприклад... — історик мрійливо покрутив огризок пальцями. — Врожай яблук?

— На, — зиркнувши на свій стіл, витяг Ден один зі звітів. — З географією висадки та оприскуваннями. Свіжак, учора рахував.

— Ремонт доріг?

— Пошукай отут знизу, — ткнув Ден у один зі стосів.

— Та щоб йому! — аж ляснув Макс себе по колінах. — Може, оптимальне населення прикинемо? За місяць! Ні, за два!

— Чуваче, - напорошився Ден, — розрахунок людей заборонено. Будь-який. Нам про це щомісяця торочать.

— Ну намалює він нам плюс пару тисяч. І що? Все одно раніше ніж за рік тренд не зміниться.

— За дев'ять місяців, — виправив той, та вже не так категорично. — Хоча справді: скільки цей мурашник у себе може вмістити?

— То давайте порахуємо, — відчувши слабину, пожвавішав історик.

— Не вдасться, — постукавши терміналом, промовив Ден. — Населення тільки серед вхідних параметрів є.

— А якщо в базі вхід та вихід поміняти місцями?

— Ага, розігнались, — буркнув Сірий.

— Зізнайся, ти просто не знаєш, як, — бовкнув Макс.

— Нормальна система такого не дозволить, — відповів той, щось наклацуючи. І раптом додав: — Але ця дозволила.

— Кажеш, два роки кодили? — примружився історик.

— Кодили. Але дедлайн підкрався непомітно.

— То як, запустимо? — Від нетерплячки Макс аж зіслизнув зі столу та навис над Сірим.

— Знаєш, гуманітарію, — косо глянув той на нього, — не подобається мені ця афера. Хрін його зна, що в цю штуку зашили, і як воно в реальність вихлюпне, а ти в неї людей запхати хочеш.

— Ну хоча б пару днів. Воно ж так швидко не спрацює.

— На плюс — ні. А на мінус?

— Сірий, який мінус? Знаєш, скільки в нас робочих місць гуляє? Чи скільки будинків порожніми стоять? Людей бракує, звідки ж зайвим узятись?

— Хрін з тобою, — здався Сірий. — Але тільки два дні.

— Отже, післязавтра. Ставимо: число двадцяте, дванадцята дня, — пробурмотів Ден. — Готово. Запускаю. Тепер півгодини гуляємо.

Але, ледве вони поналивали собі каву, термінал пискнув.

— Щось вона швидко, — промовив Ден. — Ану глянемо!

Хлопці скупчились перед його екраном і прочитали результат.

На стіні було на півтисячі більше.

— Бляха! — гаркнув Сірий.

— Що ти там про зворотній зв'язок казав? — спитав Ден упівголоса.

Сірий шугонув за свій стіл:

— Каву, сюди, конвеєром. І жодного звуку!

І щосили загуркотів по клавішах пальцями. Ден підсунув йому свою каву та, завівши кавоварку, принишк. Макс влаштувався поруч та втупився в якусь інструкцію. Хвилини тягуче поповзли вперед.

— Готово, — допивши п'яту кружку, видихнув Сірий. Інші миттю опинились за його плечима. — Все прибрав. І розрахунок, і кінцеві дані, і бекапи. Залишилось тільки оце, — він витяг з принтера стос роздруківок.

— І що з цим робитимемо? — спитав Ден.

— Шредер в коридорі за рогом. Спагетті спалити, попіл розвіяти. І рота на замок.

Ден мовчки забрав з його рук папери та почовгав у коридор. Знайшовши шредера, він втупився у приречений звіт. У голові не вкладалось, що одна маленька операція могла їх усіх трьох так перелякати. Це ж Сірий нагнітає, так? Він же профі, він все повидаляв, наче нічого й не було. Він сам за пару днів це побачить та заспокоїться. І сам захоче з цього звіту пореготати.

Розгублено склавши папери, хлопець запхнув їх у кишеню та почовгав назад.

***

Під дзвінке помішування кави стріми один за одним проносились перед Деновими очима. Спорт — нецікаво, музика — ні, технології — на роботі... Ну, нехай новини побухтять, — стукнув він обране посилання та взявся намазувати бутерброда.

— ...Після останнього техогляду через аварійний стан покриттів крило було виведене з експлуатації. Тож причина, з якої там у момент катастрофи перебували люди, наразі невідома. Троє вцілілих наразі перебувають у реанімації, з питань видачі тіл загиблих просимо звертатись...

Ден відклав ножа та, сфокусувавши погляд, відмотав трансляцію на початок

сюжету. На екрані відобразились завали великої будівлі, навколо якої, окрім звичайних рятівників, юрмилась ще й купа поліції.

— Сьогодні близько сьомої години ранку стався обвал даху в аварійному крилі міської в'язниці. Кількість загиблих уточнюється, але наразі підтверджено смерть одинадцяти в'язнів, серед яких фігурують серійний вбивця Дмитро Швачко і так званий «Озерницький маньяк» Максим Діброва...

— Чорт, — вилаявся Ден.

— Що сталось, синку? — пролунав з кімнати голос мами.

— Нічого, ма. Новини дивлюсь.

— Ой, ти про цей жах? — виникла вона на порозі з планшеткою в руках.

Хлопець здивувався. Ні, мама, звичайно, добра, але щоб так перейматись через кількох маньяків?

— А уявляєш, — похитала вона головою, — як воно родичам?

— Думаю, погано, — припустив син.

— Жахливо! — скрикнула вона. Ден ледь не вдавився. — Довірили, називається. Сподівались, що їх там доглянуть. А воно он як вийшло.

«Доглянуть? — напорошився Ден. — До чого тут догляд?».

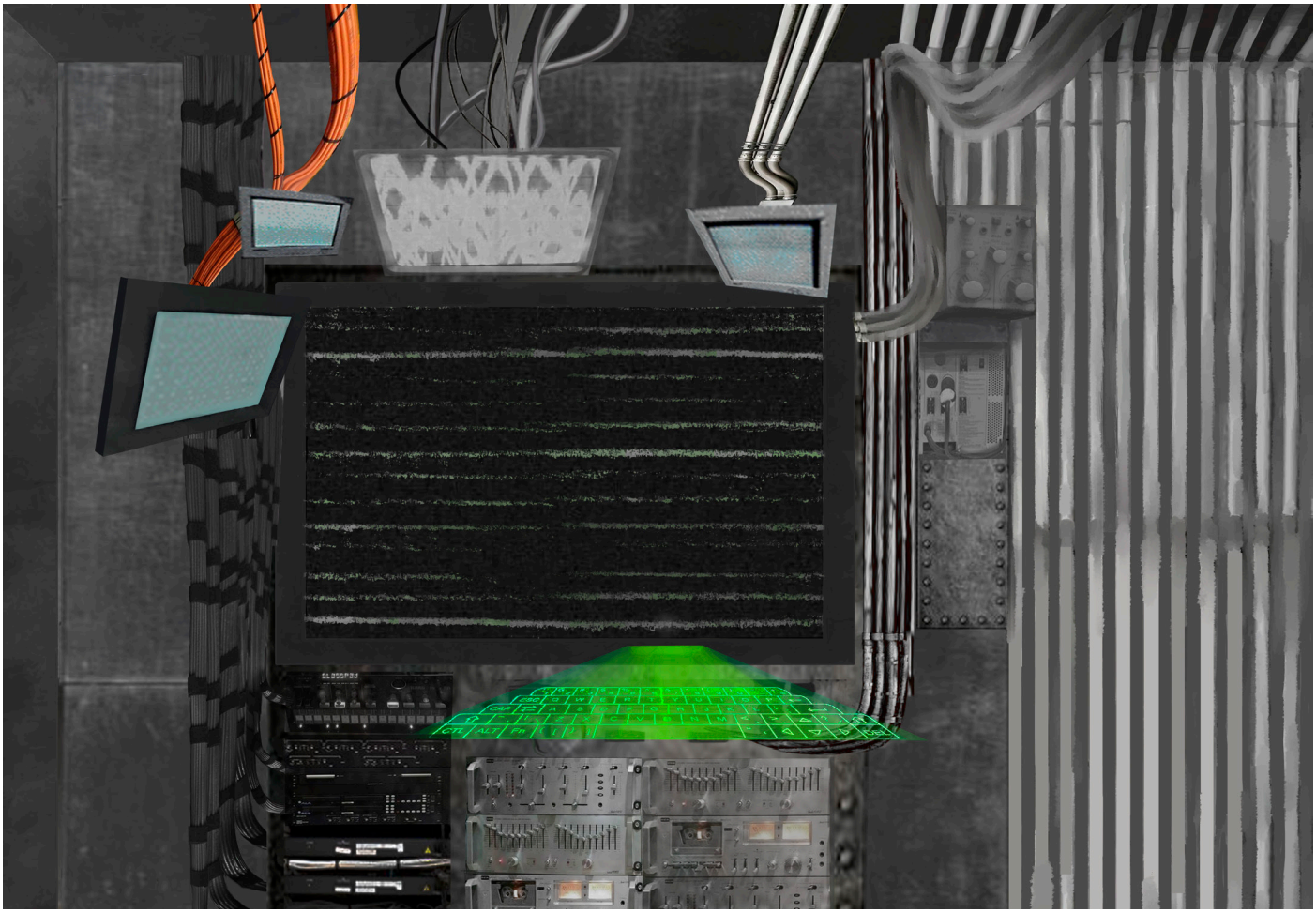
— Мамо, — мовив він, — це ти про в'язницю говориш?

— Тю, — аж образилась вона. — Яка в'язниця? Де дах завалився? Так їм, паскудам, і треба!

— Тоді що сталось? — спитав син, крадькома відкривши пошукову систему та занісши над віртуальною клавіатурою пальця.

— Хоспіс згорів. Таке місце, де невиліковних стареньких тримають. Давай покажу, — застукала вона по своїй планшетці.

— Не треба, я сам, — механічно відповів Ден, виводячи на лінзу перший знайдений стрім.



— ...Кількість жертв зросла до п'ятдесяти восьми, — пролунав у вухах сухий жіночий голос. — Ще дванадцять постраждалих доправлено до лікарні у вкрай важкому стані. Родичі загиблих зібрались перед адміністративним корпусом на вулиці Лісовій задля опізнання тіл. За останніми даними, пожежу спричинило коротке замикання, що сталось близько дев'ятої вечора. Система аварійного сповіщення про стан електричної мережі та займання з невідомих причин не спрацювала.

Ден вимкнув трансляцію та задумався. Люди вмирають. Відучора. Вбивці. Маньяки. Безнадійно хворі. Ті, чиє право на життя постійно ставиться під сумнів, та в кого ніяк не наважаться його відібрати. Здається, хтось таки насмілився. Якийсь бог. Або машина.

Щось промимривши схвильованій мамі, Ден взяв свого рюкзака, знайшов у ньому вчорашній звіт і пролиснув кілька сторінок, ковзаючи очима по табличці. Погляд сам собою застряг на слові «Лісова». Ледве стримуючи тремтіння в руках, хлопець прочитав увесь рядок.

Кількість — 61. Імовірність — 85%. Час — 21:03.

***

— Сірий, срако ти криворука! — з порогу скрикнув він замість привітання. — Ти що наробив?

— Адміна ламонув, поки ти хропів, — навіть не спитавши, про що він, відказав Сірий. — Аби з'ясувати, що це за чортівня.

Ден мимоволі глянув на табло. Мінус сто сімдесят. І ще двічі по стільки ж попереду. Господи, що ж вони накоїли?

— Народ, ви чули?.. — пролунав від дверей голос Макса.

— Так, — хором відрізали хлопці.

Історик покліпав на них очима та вичавив:

— Про що?

— Про все, — процідив Сірий, не відриваючись від гарячкової роботи. — І про в'язницю, і про хоспіс, і про автокатастрофи з глюкнутими автопілотами.

— А про епідемію самогубств?

— Це що за хрінь?

— Народ показився. Хто з хмарочосу стрибнув, хто з мосту прямо в авто...

— А ми тут яким раком? — гаркнув Сірий. — В хоспісах та машинах хоч ясно, що відрубилось.

— І з убивствами сьогодні казна-що, — продовжив Макс, гепнувшись у вільне крісло. — Одна жінка хлібним ножем свою божевільну сестру зарізала: я в новинах бачив. На камеру волала, що від грабіжника захищалась.

— Але ж тут ми ні до чого, правда? — подав голос Ден.

— Денчику, — лапнув Макс його за плече, — а подай-но нам загиблих за сьогодні, з причинами смерті.

— Зараз, — мовив той, і, вивівши на екран довжелезний список, взявся його читати. — Ого, знайоме прізвище! — тицьнув він пальцем у монітора. — Оцей, що під вантажівку кинувся.

— Може, ти навіть знаєш, що на твого друга найшло? — спитав історик.

— Та не друг він мені. Так, на паралелі вчився. Казали, наркотою барижив, міг вляпатись у щось.

— Таке, щоб аж під вантажівку? Не вірю.

— Хлопці, я тут дещо дістав, — гукнув Сірий. — Здається, це ми наслідили.

Макс із Деном миттю опинились в нього за спиною, жадібно вчитуючись у монітор.

— Ти ж казав, що видалив усе! — промимрив Ден.

— До останнього. Відновилось нахрін.

— Так зроби з ним щось!

— Гадаєш, я в носі колупатимусь? — набираючи чергову команду, прошипів йому Сірий.

Максове око тим часом вихопило одну комірку з адресою. «Зелена, 33, — подумав він. — Це ж сусідній недобуд».

— Голобородько Юхим Васильович, — впівголоса зачитав він. — Невже Дідухим?

— Хто такий? — спитав Сірий.

— Алкаш із сусіднього підвалу, за склянку Бодлера й Гете цитує. Не думав, що цей скайнет і про нього все знає.

— Все знає. І те, що він сьогодні помре.

— Як помре? Він же здоровий, як бик.

— А ти глянь. За півтори години, техногенна катастрофа, ймовірність 90%. Кранти твоєму літераторові.

Макс миттю скочив та понісся до дверей.

— До обіду повернусь, — кинув він перед тим, як ними грюкнути.

***

Туди вистачило. А от назад доведеться вже на бусі. Ну нічого, невелика платня. Запаркувавши свій кар, Макс вискочив на вулицю та чимдуж понісся до недобуду. Все було, як він і чекав: Дідухим у футболці, спортивних штанях та гумових капцях лежав на тоненькій ковдрі, яку, як і зазвичай, підстелив на асфальті, з насолодою підставивши своє в'яле тіло сонцю. Хлопець подивився вгору: ось воно! На висоті метрів у десять прямісінько над дідом нависала іржава залізна балка.

— Юхиме Васильовичу! — гукнув він.

Дідухим відкрив одне око та радісно посміхнувся:

— Максимку! Чого так рано? На роботі вихідний?

— Та от, — наскоро спробував той щось вигадати, — подумав, чого б до вас у гості не зайти?

— Заходь, звичайно! — зрадів старий, ляснувши по своїй ковдрі. — Побалакаємо, я саме чудовий том імпресіоністів знайшов.

Макс мимоволі зирнув на загрозливо навислу балку:

— А давайте краще у сквері, — махнув він рукою на той бік вулиці. — Повітря, дерева…

У відповідь Дідухим усміхнувся ще ширше.

Напружено виструнчившись на залитій сонцем лаві, Макс упіввуха слухав старече декламування, не розрізняючи ані слів, ані перехожих. Його увага метушилась між годинником на лінзі та балкою. Ще п'ять хвилин, прикинув він. Хоча ні, краще двадцять. Якщо нічого не станеться, скайнет залишиться з носом. Права шістка на годиннику обернулась на сімку. Ну, будь ласка, ще одну хвилинку, — ворушив Макс губами. Раптом черговий перехожий, що проминав прямісінько перед його носом, закляк та, повернувши голову, втупився точно під кляту балку.

— Що з вами? — голосно спитав він у порожнього місця. — Вам погано?

І рвонув через дорогу. Макс і рота не встиг роззявити, як той став там, де п'ятнадцять хвилин тому засмагав Дідухим. Іржава балка, голосно дзенькнувши, надломилась.

— Назад! — заволав хлопець, та гуркіт заглушив його вереск.

Дві бетонні плити, позбавлені опори, понеслись до землі.

***

— Всеволоде Володимировичу, — пролунав голос секретарки. — До вас тут із поліції.

— Якої ще поліції? — відірвався той від свого робочого календаря. — Ми ж про все відзвітували.

— Так, тут ніяких претензій. Вони з чимось іншим.

— Запрошуйте, — зітхнув голова Департаменту Статистичних оптимізаційних прогнозів Всеволод Доценко, на автоматі вимикаючи свої контактні лінзи.

Він чекав на похмурого детектива у капелюсі й макінтоші, як у класичних

фільмах сторічної давнини. Або на ретрофутуристичного робокопа. Та полісмен виявився звичайнісіньким чоловіком середніх літ.

— Вітаю, — промовив він, простягаючи руку. Доценко потис її у відповідь.

— Доброго дня, — вказав він на вільне крісло. — Чим можу допомогти?

— Ви ж чули про катастрофу у в'язниці? — сівши навпроти нього, спитав полісмен.

— Звичайно ж. Співчуваю вашим втратам.

— Дякую. На щастя, один з охоронців вижив, хоча і дуже поламався. Ми допитали його, щойно він прийшов до тями. Найбільше нас цікавило, як він разом зі своїми колегами опинився у закритому крилі, і нащо вони туди півтора десятки в'язнів привели. Як виявилось, він отримав наказ. Терміновий. Перевести Швачка — ви ж знаєте, хто це, так? — спитав він, і, отримавши кивок у відповідь, продовжив, — до камери у аварійному крилі. Наказ його здивував, але на обговорення часу не було. Такий саме наказ, доставити когось із особливо небезпечних в аварійне крило, приблизно тоді ж отримало ще десять наглядачів.

— Саме особливо небезпечних?

— Так. Ми перевірили це за даними вцілілих пристроїв зв'язку.

— А ще когось допитати не вдалось?

— Останній годину тому помер у реанімації, — розвів детектив руками. — До речі, сам перелік охоронців виявився з сюрпризом. За кожним по скандалу. Побиття ув'язнених, зловживання, а у двох, — трохи приглушив він голос, — навіть підозри у зґвалтуваннях сплили.

— Був би я набожним, точно б у кару небесну повірив.

— А ми — у злий умисел. І доручили нашим IT-спеціалістам знайти джерело наказів. Ним виявився — як там вони говорили? Керуючий сигнал вашої моделі державної оптимізації. Отут наша юрисдикція й закінчилась.

Хвилину Всеволод Володимирович перетравлював почуте.

— То ви стверджуєте, — обережно почав він, — що хтось із департаменту підлаштував цю катастрофу?

— Поки що я нічого не стверджую, — заспокоїв його полісмен. — Я лише прошу вас про допомогу.

— Без проблем. У вас є щось? Код сигналу, номер?

— Так, будь ласка, — відповів детектив, витягаючи зі свого портфеля маленьку теку. — Ось все, що мені предали наші.

Всеволод відкрив теку та погортав папери. Скоро око вихопило до болю знайомі слова. Здається, воно.

— Елізо, — заговорив він, ледве лінія зв'язку з готовністю загуділа, — пробийте, будь ласка, повну інформацію про калькуляцію номер 19873.

— Хвилиночку, — відповіла секретарка, та за деякий час промовила: — Калькуляції з таким номером не зареєстровано. Офіційно вона не проводилась.

— Цікаво, дякую, — завершив виклик голова.

— Звідки ж вона взялась? — не зрозумів полісмен.

— Користування моделлю з особистою метою не забороняється. Головне — не від'їдати ресурси в урядових та комерційних заяв, — відказав Доценко, метушливо шукаючи загадковий номер в системних файлах. І за кілька хвилин додав: — Але й такі розрахунки залишаються в системі, а цього й сліду не видно.

— Принаймні, це окреслює коло підозрюваних, — проговорив детектив. — Можете бодай щось відновити?

Голова замислився:

— Це може бути непросто. Дані видаляли професіонали. Разом з усіма резервними копіями та службовими файлами. Не знаю, скільки часу на все

знадобиться.

— А хоча б взнати, чого ця ваша програма хоче, і хто наступний, можна?

— Зараз, звернусь до одного з наших хлопців, — Доценко увімкнув лінзи та вивів на них список контактів.

***

Ледве дотупцювавши на ватних ногах до кабінету, Макс відчинив двері.

— Я це... — ніяково проварнякав він.

— Знаємо, — обірвав Сірий. — Маркевич Іван Антонович. Нейрохірург вищої категорії. За півгодини мав давати інтерв'ю. Студія там же, на Зеленій, у кінці.

— І як це ти встиг нарити?

— Хіба довго, вміючи? Ось, — вказав він на екран, — саме його лінзи підтягнулись.

— Якого біса він на той бік погнав? — рухнувши на стілець, скрикнув Макс.

— Дійсно, якого? — схлипнув Ден. — В нього інтерв'ю, передача, студія. Пішов би туди, і всі були б щасливі!

— Ти б краще не рюмсав, — відрізав Сірий, — а записи глянув.

— Які записи? Всі? Їх тут до чорта й більше.

— Останній. Приємного перегляду.

Зображення з'явилося на моніторі. Супермаркет на розі, — впізнав Макс. Пейзаж повільно змінювався, запарковані електрокари пропливали поруч, крізь кадр шмигнув тривожно-почервонілий інженерний дрон. От сусіднє перехрестя, недобуд. І — що за чорт? — прямісінько під гадською балкою, притиснувши руку до грудей, стояв якийсь літній дядечко з дипломатом. Червоний, як томат.

— Не було ж його там! — аж скрикнув Макс.

— А це що таке? Привид Кентервільського замку? — ткнув Сірий у монітор.

— Та сам глянь! — поліз Макс у свої файли та, ледве поціливши тремтячим пальцем у потрібний відеозапис, почав трансляцію в мережу.

— Нікого! — пробурмотів Ден, ледве вгледів на записі метушливого лікаря. — Зовсім нікого! Ця штука його вигадала!

— Сфальсифікувала, — виправив Сірий. — Ось і епідемія самогубств.

— Яка епідемія? Які самогубства? Про що ти? — скиглив Ден.

— Та хоч би про твого дилера. Може, йому ця штука теж якогось упиря намалювала, від якого той з мосту стрибнув. Вона, як виявляється, і не таке може.

— Наприклад, — похмуро втрутився Макс, — видати божевільну жінку за грабіжника з ножем. Тільки чого ж вона лікаря під обвал запхнула?

— Ну він же якраз поруч пробігав, а пияку прибрали, — розвів руками Сірий. — Не пропадати ж катастрофі. Та й його «особистий цвинтар» ніхто не відміняв.

— Що ж ти так, друже? — схлипнув Ден. — Алкаша на лікаря зміняв?

— Я не хотів, — зітхнув Макс. — Зовсім не хотів.

Сірий раптом стрепенувся та клацнув пальцями.

— Так, — промовив він, втупившись у порожнечу. — Слухаю вас, Всеволоде Володимировичу. Номер є? Як не зареєстровано?

Хлопці крутонулись на стільцях і вилупились на нього.

— Гадаєте, так? — діловим тоном спитав Сірий. — Ну не знаю, може й резервує. Відновлювати стерті дані мені ще не доводилось. До завтра? Думаю, так, вистачить. Дякую.

Він відкинувся на спинку крісла та вчепився у волосся на скронях:

— Вітаю, злодюги. У шефа сидить коп, якого дуже цікавить наша калькуляція. Я маю нарити за нею все, що зможу.

— А якщо не нариєш? — спитав Макс.

— Зловлю прочухана та звільнення за саботаж. А інфу все одно знайдуть. І на нас, Дениско, чекає кілька захопливих років за масові вбивства.

— Сірий, чорт тебе забирай! — завив Ден. — Зітри цю базу, нахрін!

— Всю? Разом з усіма хворобами, можливими аваріями та небезпечними конструкціями? Хочеш ще пару тисяч душ ліквідувати?

— То, може, хоча б таблиці «помічених» підчистиш?

— Пробував вже, разів п'ять. Все відновлюється.

— То сигнал заблокуй! Керуючий! Нахрін!

— Можна спробувати. Знаєш, як до нього дотягтись?

***

— Отже, завтра? — перепитав полісмен, застібаючи свою куртку.

— Так, зайдіть о дванадцятій, — підтвердив Доценко. — Все, що можна за вашим питанням знайти, вже лежатиме в мене.

— На вашу думку, які шанси на успіх?

Кілька секунд Всеволод подумав, і відповів:

— Високі. Кілька рівнів резервування, розподілення даних в хмарі, захист від вандалізму... Сліди мали залишитись. Головне їх розкопати.

***

— Хай їм!.. — вилаявся Сірий. — Вони б так над доступом тряслись, як над резервуванням.

З кожним оновленням видалені хвилину тому записи один за одним повертались на екран. На писки лічильника хлопці вже давно не зважали. Сірий похмуро відкинувся на спинку крісла та мимохіть глянув на годинник.

— Валіть додому, — гаркнув він. — Вже восьма, в люлю пора.

— А ти? — спитав Ден.

— Ще почаклую: є пара дірок на прикметі.

Додому він пішов лише об одинадцятій. Пішки. Аби хоч якось провітрити важку голову. Під черепом тарганами швендяли гнітючі думки. Якого хріна? Чого він вляпався у цей дебільний жарт? Міг же, кретина шмат, застопати його в зародку! А тепер? Що з ним робити? І як жити далі?

— Хлопчику, поможи на хліб, Христа ради, — почулось звідкись знизу. Сірий розгублено озирнувся на голос.

Під розкішною дзеркальною вітриною бутіка сиділа обідрана тітка, насилу утримуючи біля себе брудну дівчинку років чотирьох. На асфальті перед нею стояв помутнілий пластиковий судочок, заповнений монетами. Він бачив цю тітку ледь не щодня. Завжди з дітьми: спочатку з однією, потім з іншою, а зараз вже третя у ділі. І жодна не була на свою «маму» схожою. Він ніколи цій жінці не допомагав: не хотів, аби її мерзотний бізнес процвітав. Та сьогодні його принципи послабли.

— Ось, тримай, — буркнув він, простягнувши якусь дрібну купюру, знайдену в кишені. Жебрачка блискавично її вихопила, розцвівши хижою посмішкою. Сірий покривився та покрокував геть.

— Можна відійти? — почувся ззаду дитячий писк.

— Та сиди вже! — гримнула жінка.

— Я пісяти хочу.

— Та щоб тобі ноги покрутило! Давай, посци, тільки швидко!

Мала радо побігла геть, голосно тупаючи ніжками. Сірий зиркнув на жебрачку та почовгав далі. Хрінь у нього виходить, а не добрі справи. Може, бодай наміри зарахуються?

Та не встиг він пройти й п'ятдесяти метрів, як позаду почувся громовито-дзвінкий гуркіт. Сірий завмер та,

втягнувши голову в плечі, обернувся. Вже здогадуючись, що він там побачить. З розбитої вітрини стирчав зад позашляховика. З-під його коліс поволі виповзав кривавий струмок, один за одним забарвлюючи блискучі скляні уламки.

***

Сперши голову на кулаки, Ден втупився у табло.

— Скільки? — безбарвно спитав Сірий.

— До полудня ще сімнадцять, — так само байдуже відгукнувся той. Лічильник пискнув. — Шістнадцять.

Двері відкрились, і у щілину просунулась похмура Максова голова:

— Можна? Ви тут як?

— Як цвіль у нужнику, — скосив на нього очі Сірий. — Квітнемо й пахнемо.

— Що там коп? — грюкнув дверима історик.

— Думаю, вже в шефа. А оце, — ткнув він у невеличку теку на своєму столі, — моє щиросердне. Разом із героїчно врятованим звітом.

— Хочеш зізнатись?

— В тебе є краща ідея?

Тишу знову пронизав тоненький писк.

— Десять, — зітхнув Ден.

Сірий рішуче підскочив, аж грюкнувши стільцем:

— Досить. Іду здаватись.

— І що ти? — зітхнув Ден. — Воскресиш когось?

— Нікого. І знаєш: мені начхати.

— Ну тоді я з тобою, — зітхнувши, підвівся Ден. — Може, спати колись спокійно зможу.

Узявши приятеля під руку, Ден почовгав разом із ним до дверей.

— Гей, смертнички, — гукнув їх Макс.

Хлопці мимоволі розвернулись до нього.

— Куди зібрались? — промовив він, рішуче розсікаючи кімнату. — Без Доктора Зло з його злодійським задумом?

— Хто тебе знайде, історику? — відмахнувся Сірий. — В тебе навіть доступу нема.

Поплескавши друзів по плечах, Макс штовхнув двері ногою:

— Історія мені цього не пробачить, — зітхнув він, жестом запрошуючи їх до виходу.

Навіть не замкнувши за собою двері, хлопці доповзли до ліфта. Під прискіпливими поглядами двох пар очей Макс натис на виклик.

***

— То що там з тою таємничою калькуляцією? — спитав полісмен, влаштовуючись у кріслі. — Розібрались, звідки вона взялась?

— За п'ять хвилин, — промовив Доценко. — Спеціаліст уже на підході.

— Всеволоде Володимировичу, тут до вас терміново, — почувся у вухах голос секретарки.

— Про вовка промовка, — задоволено підморгнув Доценко полісменові. — Запускайте.

Але на порозі стояла головна інженерка з техбезпеки.

— Пане Доценко, у нас катастрофа, — з порогу промовила вона.

— Що сталось?

— Ліфт упав.

— В нас техогляд у розпалі, де сповіщення про трос?

— Він у нормі. Контроль швидкості сказився, — жінка розвела руками.

— А екстрене гальмування?

— Заблоковано системою. Примусово.

— Що за хрінь? — вилаявся той. — Жертви є?

— Всі пасажири. Їх було троє.

хреновина

Эльза Райт

Часть первая, повествующая о том, до чего доводит скука

— ...О, как люблю тебя, прекрасный Вашингтон! О, так Ромео не любил Джульетту! О Боже, как люблю тебя за это! За то, что матерью я здеся был взращён!

Я постарался сохранить невозмутимое и доброжелательное выражение лица, пока старик Джонсон всё продолжал и продолжал декламировать, патриотически прижимая к сердцу сухую ладонь. На его глазах выступили слёзы, смотрел он куда-то вдаль. Всякий раз, как старик Джонсон приносил свои чёртовы стишки и читал их нам вслух, я думал: на что или на кого он смотрит? И не глядят ли на него оттуда с упрёком за то, что в свои семьдесят лет он так и не научился писать?

— Вот что, — кашлянув, произнёс я и придвинул к себе листок со стихотворением. — Давайте мы ещё посмотрим вашу... неординарную поэзию сегодня вечером, а вы зайдите к нам завтра, хорошо? Где-нибудь часов в одиннадцать утра.

Проводив слегка упирающегося старика, я повернулся к своему напарнику Дьюи, совладельцу и второму редактору нашей газеты. Лицо у него было осоловевшее от жары и плохих стихов.

— Ты же не собираешься выпустить это в печать, правда?.. — устало поинтересовался он.

Я вздохнул.

— Дьюи, конечно, мы это выпустим. Мы возьмем с Джонсона тридцать баксов с учётом его пенсионной скидки, и выпустим эту хрень в печать. Мы напечатаем и этот стих, и ещё три, которые нам прислали по почте с вложенными в конверты деньгами. Иначе у нас, Дьюи, не будет чем оплатить аренду. А если мы заупрямимся, то даже Ширли уйдёт от нас, и мы потеряем всякое подобие приличия.

Красивая блондинка Ширли была девушкой Дьюи, нанятой нами «для солидности». Она совмещала должности офис-менеджера, секретарши, репортера, нашей мамочки, совести и первой линии обороны, отсеивая сумасшедших, идиотов и настолько дрянных поэтов, что даже мы не смогли бы такое опубликовать. Ещё она была единственной нашей подчинённой — недостающей опорой треножника «Новости и курьёзы Бивер Хиллза», тираж 1500 экземпляров, свежие номера каждую среду и субботу.

Конечно, мы мечтали не совсем об этом. Я с детства хотел стать выдающимся литературным критиком, и писал обо всём, что хоть сколько-нибудь меня занимало. Мой школьный друг Дьюи воплощал свою мечту о большой журналистике в одном из университетов Сиэтла, а я пошёл учиться на экономиста. К моменту нашего выпуска последняя местная газета была закрыта уже лет двенадцать, и ниша — как нам тогда казалось — соблазнительно пустовала. Для нас это был шанс стать уважаемыми людьми хотя бы в пределах родного

городка и попутно исполнить мечту детства. Мы не учли всего лишь парочку нюансов. Например, что Бивер Хиллз был такой глушью, что по сравнению с ним даже Олимпия казалась крупным городом. Если здесь и была жизнь, хотя бы приезжая, то делилась она на два типа: немногочисленных любителей дикой природы, предпочитающих прогулки по побережью, и растерянных неучей, не знавших разницы между городом Вашингтон, округ Колумбия, и, собственно, штатом Вашингтон.

Отдельные знатоки пытались уличить нас во лжи, утверждая, что мы не можем находиться в США, потому что Ванкувер находится далеко на юге. Приходилось показывать им на карте, что город с таким названием существует не только в Канаде. В общем, не городок, а коллекция нелепостей. И, как во всякой глуши, здесь ничего не происходило — о чем мы и сами могли бы догадаться по тихой смерти газеты-предшественницы, но не хотели.

Теперь мы платили за свои иллюзии. Начав с амбициозных четырёх выпусков в неделю, через год мы сократили их число до двух. Газета, изначально именовавшаяся «Новости Бивер Хиллза», стала «Новостями и курьёзами». Место серьёзной политической аналитики заняли городские легенды, развлекательные теории заговора и репортажи с сельскохозяйственных выставок. В попытке подзаработать мы добавили полосу с творчеством горожан, и теперь каждый мог с гордостью заявить, что его напечатали в газете — нужно было только прислать в редакцию стих и пятьдесят долларов. Тридцать для пенсионеров, ветеранов и детей до четырнадцати лет.

— Луи, как думаешь, к нам придёт ещё кто-нибудь сегодня? — внезапно спросил Дьюи.

Стрелка часов медленно ползла к полудню. Я перевёл взгляд на напарника. Вязкая жара и скука заливали меня, превращая в муху в янтаре, и потому ответил я не сразу.

— Почти уверен, что нет.

— А что там с новостями для выпуска?

На этот вопрос я вообще не стал отвечать: мы оба знали, что материала даже с длинным стихом старика Джонсона хватит только на две трети номера, а ведь уже понедельник. Для заполнения оставшихся полос Ширли уже согласилась написать подробную статью о преимуществах и недостатках различных методов подвязки помидор.

— Есть идея, — ухмыльнувшись, продолжил Дьюи. — Она принесёт нам стопроцентную продажу тиража, гарантирую. Ну, или хотя бы место заполним. Тема такая: мы с Ширли в воскресенье гуляли по парку Олимпик, в дождевом лесу, знаешь это место? Так вот, я там случайно обнаружил какую-то хреновину, то ли кусок от ракеты, то ли от самолёта, чёрт его разберёт. Суть в том, что выглядит она очень странно. Я бы даже сказал, инопланетно. Смекаешь?..

— Нет, — ответил я твёрдо. — Нет, нет, и ещё раз нет, мы не будем опять травить наших читателей ерундой про инопланетную угрозу, хватит! У нас уже была статья об этом в мае. В это не поверит никто, Дьюи! Даже трёхлетний ребёнок!

Мой напарник откинулся на колченогом стуле и скрестил руки на груди. Он уже знал, что победил.

— Трёхлетний ребёнок, конечно, не поверит. А скучающий провинциал — вполне. Так как, у тебя машина на ходу?

Душный и мрачный лес запутывался в свисающей с веток мшистой бороде. От земли шел пар, полчища разнообразных насекомых жужжали вокруг, летали мимо и иногда прямиком в меня, заставляя отплёвываться и ежеминутно протирать очки. Паскудник Дьюи переступал через мхи, низкие папоротники и поваленные деревья с элегантностью лондонского денди в ухоженном парке.

— Ты уверен, что мы здесь хоть что-нибудь найдём?! — не выдержал я минут через двадцать омерзительной прогулки.

— Тебя ведёт чемпион среди юниоров по спортивному ориентированию, друг мой! — оптимистично отозвался Дьюи, даже не обернувшись. — Мы уже близко. Потерпи немного и не ной.

Я терпел и не ныл. «Близко» превратилось в ещё десять минут, скупое «ну, совсем рядышком», и наконец с торжествующим «вот!» Дьюи остановился. Я оглянулся и чуть не взвыл: мы стояли в паре шагов от симпатичной расчищенной поляны, которую пересекала совершенно замечательная, ровная и чистая дорожка.

— А нам обязательно было, чёрт возьми, ломиться через чащу?!

Дьюи отмахнулся от меня и показал на почти скрытую мхом… на скрытое… в общем, на странную штуку, даже материал которой я сходу опознать не мог. Сталь? Алюминий? Над землёй выступала только узкая, примерно в двадцать сантиметров в самом широком месте, полоса металла. Можно было бы подумать, что это автомобильный диск, который зачем-то сплющили и растянули. Или действительно кусок какой-то обшивки — правда, я затруднялся представить себе, от какого механизма.

— Эй, ты погоди-ка за лопату браться! Я ещё не сфотографировал. Ты пиши пока: «Корреспонденты нашей газеты обнаружили нечто таинственное…»

— И без тебя знаю, — огрызнулся я, втыкая лопату в землю.

Дьюи с пять минут любовно покружил вокруг хреновины, поправил мох, отполировал выступающую из земли часть, попросил меня посветить на неё, записал короткое видео о находке, и наконец дал добро на выкапывание. Что я и сделал с огромным удовольствием.

Штука оказалась неожиданно легкой. Она действительно была сделана из какого-то потемневшего и матового от времени металла и на первый взгляд напоминала элемент обшивки какого-то корпуса. Она была не овальной, как мне показалось вначале, а ближе к прямоугольнику с закруглёнными углами. Внутреннюю сторону выгнутого листа покрывали сглаженные шипы и выпуклости, которые должны были входить в пазы на недостающей части хреновины, а металл, стоило мне протереть его рукавом рубашки, оказался совершенно целым, без малейшего намёка на ржавчину. На свету он отливал кобальтово-синим. Оставалось только догадываться, как эта штука тут оказалась.

— Как думаешь, она тут долго лежит? — спросил я, измеряя находку строительной рулеткой. Метр на метр двадцать.

— А чёрт его знает. Может, месяцев семь, может год, а может, и дольше. Всё равно напишем обтекаемо. Гарантирую, это будет потрясающая статья с кучей намёков, люди такое обожают. Ты, главное, туману подпусти, предположений побольше, НЛО там вспомни.

Я повертел хреновину в руках и спросил у неё со вздохом:

— Что, дорогуша, поехали в редакцию? Познакомимся поближе?

Хреновина не ответила, а вот Дьюи пакостно заржал.

Признаться, план Дьюи сработал отлично. В среду после обеда он метеором ворвался в редакцию, пнул стол, расцеловал хохочущую Ширли и объявил, вскочив на столешницу прямо в ботинках:

— Восемь газетных точек требуют от нас довезти побольше экземпляров! На улицах я только и слышу: «Представляете, у нас завелось НЛО»! Друзья мои, это успех! Луи, ты смотрел соцсети? А ютуб проверял? Так проверь, чего сидишь!

Счётчик просмотров коротенького видео Дьюи уже перевалил за привычную для нас отметку. В комментариях разгорелся спор между конспирологами различных сортов: одни утверждали, что наша хреновина

— кусок китайского спутника, другие предпочитали инопланетян, но в целом всё разворачивалось вполне стандартно, за исключением уровня активности.

В этот же день позвонили из нескольких жёлтых газет, издающихся во всех уголках штата Вашингтон: просили разрешения перепечатать наш материал или дать на него ссылку. Дьюи торжествовал. Я мрачнел. Горький опыт приучил меня ждать подвоха именно тогда, когда больше всего хочется праздновать удачу.

Проблема появилась вечером, буквально постучав в двери нашей редакции. Несколько секунд мы смотрели на парня лет двадцати семи с невыразительным бледным лицом и короткими пегими волосами, а затем он заговорил.

— Добрый вечер. Господа Дьюи Андерсон и Луис Браун?

— Нуууууу… – осторожно протянул я.

— Да! Именно мы! И я готов обсудить с вами возможность перепечатать нашу статью, так и быть, за скромную плату! — экзальтированно завопил Дьюи.

Вошедший улыбнулся как-то по-акульи, и у меня по спине прошел холодок. Он поправил светлый пиджак, снял соломенную шляпу, и, ведомый радушным жестом Дьюи, сел на стул для посетителей.

— Искренне рад знакомству. Разрешите представиться, Джонатан Смит, Общество противодействия заведомо неправдивой информации, отделение Сиэтла.

С лица Дьюи, красивого, как у молодого Гейбла, сползла вся краска. Я порадовался тому, что Смит смотрит на него, а не на меня: страшно подумать, как я сейчас выглядел.

— Мы искренне польщены вниманием такой… полезной организации, — начал я, придя в себя. Смит повернул голову и уставился на меня рыбьими глазами. — Чем обязаны?

Мы знали об этой конторе. С их появлением даже газеты, зарабатывающие исключительно на заголовках типа «Шокирующие факты! Жительница Нового Орлеана забеременела от помеси носорога с рептилоидом! Фото ребёнка!» — начали добавлять мелкие, но различимые примечания в духе: «информация передаётся со слов героини статьи» и «газета не может гарантировать, что фото не обрабатывалось визуальными редакторами». Сколько у них было денег, никто точно не знал. Известно было только одно: с упорством, достойным лучшего применения, Общество просвещало несознательных граждан, борясь с откровенной ложью в СМИ. Никто не хотел обращать на себя их пристальное внимание.

— Дело в том, что ваша статья…

Я вскинул руки.

— Там только предположения, о чем я, как автор, в тексте и сообщаю. Никаких утверждений. Возможно, обшивка НЛО, возможно, деталь неизвестного механизма.

— Да, — хищно протянул Смит, — но в тексте вы ссылаетесь на ваше видео.

Я посмотрел на Дьюи. Из-за статьи, вёрстки, а потом и просто усталости у меня даже не нашлось времени посмотреть, что же там смонтировал и выложил мой соредактор. Упоминание о видеоматериале я вставлял в свои тексты автоматически, и обычно всё было в порядке. Судя по лицу Дьюи, сегодняшний день обычным не был. Гость медленно, наслаждаясь произведенным эффектом, вытащил из кармана пиджака смартфон и запустил видео.

— …Ответственно заявляю, что наша редакция никогда раньше не встречала ничего подобного! Мистика? Тайна? Да, да и ещё раз да! Друзья мои, да если эта хреновина не НЛО, то что тогда?! Я буквально согласен съесть свою шляпу, если эта штука не внеземного происхождения! — раздался через динамик бодрый голос моего коллеги.

Смит остановил запись.

— Вам достаточно, мистер Браун, или хотите послушать дальше?

— Не хочу, — угрюмо отозвался я. — Мистер Смит, может, мы просто удалим видео с канала? Ваше уважаемое Общество останется довольно?

— К моему глубочайшему прискорбию, нет, — без малейшего сожаления на лице произнёс Смит и картинно развёл руками. — Ущерб умам ваших читателей уже нанесён. Кроме того, пропажа или замена видео породит новую волну конспирологических слухов, что полностью нивелирует эффект от работы нашего Общества. Я приехал, чтобы изъять у вас эту, как вы её называете, хреновину. Она станет залогом нашего с вами взаимопонимания и нерушимых стандартов журналистики отныне и впредь.

Дьюи побагровел. Я побарабанил пальцами по столу.

— А иначе, мистер Смит?..

— А иначе, мистер Браун, наша организация позаботится о том, чтобы ваша газета больше не выходила. Не поймите нас неправильно, мы поддерживаем малый бизнес, СМИ позволяют задавать обществу правильный настроенческий и образовательный импульс… Но когда журналисты не раскаиваются в совершённых ошибках и не понимают важности своей роли…

К сожалению, Смит не шутил. Я помнил несколько вашингтонских газет, более жёлтых и куда крупнее нашей, имевших неосторожность сцепиться с Обществом противодействия-и-так-далее. Неизвестно, как у этих инквизиторов от журналистики хватило средств и упорства, но они нашли возможность возбудить дела по каждому случаю и не проиграли ни одного процесса. О газетах с тех пор никто не слышал. Так что выбор у нас был невелик: или мы сами публикуем опровержение, или его сделают за нас и написано оно будет совсем другим тоном.

За спиной у рыбоглазого Смита Дьюи странно водил руками и надувал щеки. С третьего раза я понял, что его идиотская пантомима символизировала необходимость открыть окно за моей спиной.

— Жарковато тут, да? — с фальшивым сочувствием произнес Смит.

С высоты второго этажа брусчатка выглядела почти мягкой. К тому же, я мог бы изловчиться и упасть на какого-нибудь прохожего, которых на центральной площади Бивер Хиллза по вечерам было в избытке. Подавив в себе порыв к бегству через окно, я обернулся, и тут Дьюи заговорил, постепенно распаляясь:

— Так значит, если вы не верите в сверхъестественное, то его не существует? Вы готовы поклясться, мистер, что инопланетян нет? Что все те несчастные жертвы, которые помнят только смутные образы страшных яйцеголовых существ с лабораторными инструментами, выдумщики?! Или даже лгуны?!

Дьюи вещал хорошо поставленным раскатистым голосом, и под нашим окном начали собираться люди. От такого напора Смит опешил.

— Мистер Андерсон, как вы понимаете, я не могу этого утверждать, но с точки зрения логики…

— К чёрту вашу логику, вот что я вам скажу! Если вы не верите нам, мы отдадим эту хреновину в лабораторию! И пусть специалисты проанализируют состав металла! Специалисты, а не вы или я!

— О, чудесно, — расплылся в улыбке рыбоглазый. — У нас в Сиэтле…

— Нет уж! Только здесь! — припечатал Дьюи. — Здесь, на земле, где мы её нашли!

Он выбросил руку вперед в страстном жесте. Прямо по линии его ладони, через окно, я видел крышу и печную трубу кондитерской, но указывал Дьюи, конечно, не на неё.

— Или вы хотите сказать, что способны

безо всякой жалости отобрать у жителей Бивер Хиллза их главную за последние месяцы находку?

Из окна послышался одобрительный гул. Я украдкой выглянул вниз: там с задранными головами стояло по меньшей мере человек двадцать, среди них нескольких я узнал, в том числе помощника мэра.

— Вы готовы столкнуться с народным недовольством, мистер?! С гневом налогоплательщиков?!

Гул усилился.

— Да вы тут все с ума сошли, — прошипел Смит, вскакивая. — Будь по-вашему, пусть это сделает местная лаборатория. Но мы пойдём туда сейчас, и вы понесёте эту вещь при мне. И когда — когда, а не если! — вскроется ваш обман, я уже не буду с вами церемониться.

— Если, — горделиво поправил Дьюи, доставая смартфон. — Алло, сельскохозяйственная лаборатория? Это редактор газеты «Новости и курьёзы Бивер Хиллза». У нас к вам есть дело чрезвычайной важности и оно не терпит отлагательств. Мы будем через сорок минут.

Уже ближе к ночи, когда хреновина была сдана на экспертизу младшему научному сотруднику лаборатории и по совместительству нашей бывшей однокласснице Нэнси, я припёр Дьюи к стенке:

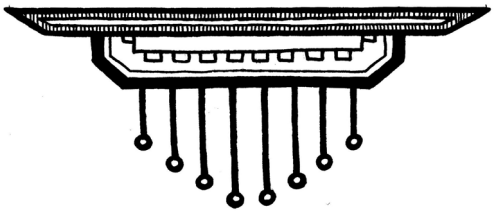
— Ты что творишь?! Он же от нас мокрого места не оставит!

Напарник дернулся, рубашка на нем затрещала.

— А что я должен был делать?! Стоять и терпеть, пока он нас дерьмом поливал?! Я завтра позвоню Нэнси, попрошу её подзатянуть с результатами, мы что-то придумаем, а там или этому придурку надоест, или мы найдём, как эту штуку забрать и выкинуть, или кто-то выпустит новость похлеще нашей.

— Подзатянуть, ага. Это нам придется подзатянуть пояса, журналиста ты кусок.

Всю ночь я провел в редакции в обнимку с рабочим столом. К утру вполне сносно написанное опровержение было готово к вёрстке.



Меня разбудил телефонный звонок.

— Луи, у нас проблема, — замогильным голосом произнес Дьюи.

— Что? Который час? Что происходит?

— Уже полдень, мой дорогой друг. Мы всё проспали. Я попросил одного приятеля из бара напротив сельскохозяйственной лаборатории приглядывать за визитёрами. Он мне только что позвонил, сказал, что этот пучеглазый уже приехал и трётся у входа.

Я вскочил, ударившись коленом о тумбу стола.

— А ты где?!

— Я дома. Я тоже только что проснулся. Едь в лабораторию как можно скорее, отвлеки Смита, а я попробую дозвониться до Нэнси и уговорить её наплести чего-нибудь невнятного. Встретимся там.

Короткие гудки.

Я пулей вылетел в коридор, и Ширли, очаровательно улыбнувшись, поздоровалась со мной. Впрочем, её лицо тут же приняло участливый и беспокойный вид.

— Я не будила тебя, потому что посетителей не было. Что-то случилось?

Услышав краткий пересказ нашей проблемы, девушка только вздохнула.

— Думаю, вы уже опоздали. Но ты всё равно поезжай, я присмотрю за офисом.

Благословение маленьких городков — короткие расстояния. Порог нашего офиса я переступил в 12:15, а в 12:27 подходил ко входу в сельскохозяйственную лабораторию. Нэнси, к сожалению, уже разговаривала со Смитом, но торжествующим тот не выглядел. Скорее, наоборот. Так что я спрятался за деревом в надежде услышать хоть обрывок разговора — и оказался вознаграждён.

— ...Я могу сказать вам только одно, мистер Смит: пробы показали, что совпадения с известными металлами только следовые. Так что гипотеза о внеземном происхождении образца вполне имеет право на существование. Обнаружено незначительное содержание титана и осмия, но в целом наша лаборатория не может ответить на вопрос, что это за сплав и из каких элементов он состоит. Для людей он нетоксичен. Кажется.

Звучала Нэнси устало — разговор явно шёл по второму или даже третьему кругу. Но самое главное, Дьюи успел всё-таки дозвониться и объяснить ей ситуацию!

— Вы уверены? При всём уважении, мисс Эванс, ваша лаборатория предназначена всего лишь для анализа продуктов сельского хозяйства...

— Поверьте, мистер Смит, рентгенофлуоресцентному анализу плевать на ваш снобизм. И образец я вам не отдам. Возвращайтесь с мистером Брауном и мистером Андерсоном, если хотите, тогда поговорим.

Рыбоглазый скупо попрощался, развернулся на каблуках и гордо ушел. Девушка закурила. Я уже в открытую подошёл к ней:

— Спасибо тебе огромное, Нэнси! Мы с Дьюи перед тобой в неоплатном долгу.

— Да, уж, всё бросить и полночи заниматься вашей железякой — удовольствие сомнительное, — проворчала она в ответ.

— Если бы этот козёл Смит узнал правду о происхождении этой хреновины, он закрыл бы нас к чертям собачьим. Хорошо, что Дьюи успел до тебя дозвониться. Так что спасибо за прикрытие.

Нэнси погасила сигарету и подняла на меня колючие, острые даже за стёклами

очков глаза.

— Какое прикрытие, придурок? Я сказала чистую правду. Эта штука действительно не с Земли.

— Но ведь должно же быть какое-то логическое объяснение, — в конце концов выдавил из себя Дьюи.

Мы стояли в кабинете лаборатории, почти сомкнув головы над столом Нэнси, где лежала отмытая дочиста хреновина.

— Логическое-филологическое, — передразнила девушка. — Как ты себе это представляешь? Кто-то умудрился открыть новый химический элемент и никому об этом не сказал? Да ещё и организовал, мать его, производство на основе этого элемента, и всё в тайне?

Я взял хреновину в руки и осторожно её повертел. Ничего нового не обнаружилось, ни надписей, ни подсказок. Матовый гладкий металл внеземного происхождения. Обалдеть.

— Композитный материал?

Короткой и ёмкой редупликацией с выразительным дополнением Нэнси отмела эту версию.

— Хорошо, предположим, что это действительно… Ладно, это действительно инопланетная штука. Нэнси, можно оставить её у вас? Для хранения и… Я не знаю, дальнейших исследований?

Нэнси кивнула.

— Только на пару дней, не больше. Иначе возникнут вопросы. А что вы планируете делать с ней дальше? Ну, продать? Сдать правительству?

Мы с Дьюи синхронно пожали плечами.

— Придурки, — припечатала Нэнси. — Никакой коммерческой жилки.

— Ты знаешь, это начинает складываться в картинку, — задумчиво протянул мой напарник по дороге к автомобилю. — Пока я ехал сюда, мне позвонила Ширли. Говорит, к нам в редакцию заявился какой-то перец, очень вежливый, и готов ждать сколько угодно. И тоже насчет этой штуки. Я вот что думаю: если она инопланетная, да ещё и искусственно созданная, где-то ведь должны быть и инопланетяне. Смекаешь?..

— Я-то смекаю, Дьюи, — вздохнул я. — Что делать будем? Может, просто выбросим её в озеро?

— Да ты что! — взвился тот. — Это же потенциальная научная революция! Нам же медали выдадут, благодарности от страны, сразу самыми известными журналистами станем! Только представь себе заголовки: «Репортёры из маленького городка на севере США утёрли нос именитым изданиям». А дальше — всё, что хочешь, хоть «Нью-Йорк Таймс», хоть «Вашингтон Пост», хоть кадрить девчонок в Калифорнии! Припрячем пока хреновину, спровадим этого парня со Смитом, а дальше всё пойдет как по маслу.

Я не стал напоминать, что с хреновиной тоже всё должно было быть «как по маслу».

Вы видели фильм «Люди в чёрном»? Человек в кабинете нашей редакции, кажется, был одним из их агентов: белоснежная рубашка, чёрный галстук, плотный, несмотря на тридцатиградусную жару чёрный костюм, солнцезащитные очки на носу, аккуратный чемоданчик на коленях. Когда мы вошли, гость сидел на стуле для посетителей и с любопытством дочитывал забытый мною на столе текст опровержения.

— Добрый день, господа Браун и Андерсон, меня зовут мистер Меристон, Эдди Меристон.

Посетитель был невысокого роста, с аккуратной стрижкой и округлым лицом, излучающим радушие. От рукопожатия он жестом отказался.

— Извините, кожное раздражение. Ничуть не заразно, но немного болезненно для меня.

Мы с Дьюи переглянулись.

— Я уже читал статью и, прошу прощения за любопытство, опровержение, которое вы планируете опубликовать. Вы оставили его на столе, и я решил, что информация не секретная. Дело в том, что вы правы и неправы одновременно. И, господа, вы не можете себе представить, какую услугу вы нам оказали и как я бесконечно вам благодарен. Я представляю небольшую частную компанию, занимающуюся созданием и выводом искусственных спутников на орбиту Земли. Мы как Маск, только куда меньше и непубличнее, если вы понимаете, о чем я…

Меристон говорил быстро, чуть проглатывая слова, и я поймал себя на том, что его речь начинает сливаться в сплошной доброжелательный шум, настойчивый и утомительный.

— Примерно год назад один из наших маленьких спутников не смог выйти на орбиту и упал в парке Олимпик. Материал редкий, композитный, кроме того, много сложной аппаратуры, сами понимаете, беспокоились, как о ребёнке. Мы нашли почти все обломки, кроме одного куска корпуса, и очень волновались о нём, а тут такая удача, джентльмены, я не могу даже передать, как я вам благодарен. Разумеется, мы не требуем ничего бесплатно. Всё, что вы нашли, ваше, но может, вы не откажетесь вернуть нам эту деталь за… скажем, десять тысяч долларов?

За стенкой поперхнулась Ширли. Мы молчали, и Эдди кивнул.

— Я понимаю, приезд этого человека из Общества такой стресс… Нет-нет, я просто слышал новости от хозяина гостиницы, дядюшки Джима, как он себя называет, такой разговорчивый пожилой мужчина… Никаких подслушиваний! Но если хотите, я могу поговорить с ним, с этим человеком из Общества, если вы дадите мне его номер телефона. Уверяю вас, он быстро поймёт, что тут ему нечего делать. И двенадцать тысяч долларов. Задаток прямо сейчас, если покажете наш обломок. Он же здесь? В редакции?

Для таких вопросов лицо у Меристона было слишком невыразительным — оно почти не двигалось.

— Боюсь, что Общество опередило вас, — поспешно развёл руками Дьюи. — Мы вынуждены были отдать Смиту хре… деталь. Извините. А номер свой он нам не оставлял. Наверное, уже уехал в Сиэтл. Вам лучше отправиться за ним, есть хороший четырёхчасовый поезд с пересадкой в Олимпии.

Эдди Меристон помрачнел.

— В таком случае извините за беспокойство. Желаю вам всего наилучшего.

— Ох, это мы просим прощения за то, что не смогли вам помочь! — прижав обе руки к сердцу, ответил мой напарник. — Надеюсь, вы найдёте то, что ищете.

Когда Ширли проводила гостя, я плотно закрыл окно и спросил:

— Как думаешь, может, нам стоит предупредить Смита?

— Вот ещё, — отмахнулся Дьюи, – пусть сами бегают друг за другом. Пока Меристон доберется до Сиэтла, пока найдёт Смита, пока выяснит, что мы ему соврали… Считай, что мы его аннигилировали. Когда он вернётся, хреновины тут уже не будет. Теперь можно позаботиться о следующих материалах для нашей газеты и личной славе для нас троих.

— Ага, и надеяться, что в культуре этих пришельцев нет славного обычая отрывать головы лжецам.

— Судя по тому, сколько здесь лежала эта хреновина, он прожил у нас год, Луи! — торжественно провозгласил напарник. — За год даже опоссум усвоит основные положения Конституции и уголовного кодекса.

День тянулся медленно и нервно, прерываемый внезапным стремлением Дьюи забрать и куда-нибудь припрятать хреновину, написать обо всём

произошедшем отличную статью, никогда не писать об этом статью и сохранить всё в строжайшей тайне, выбросить хреновину в озеро, продать её на черном рынке, безвозмездно передать её правительству США… В конце концов мы временно договорились оставить всё как есть, но нервов на это решение потратили больше, чем за оба предыдущих дня вместе взятых.

Над Бивер Хиллзом сгустились синие тени и наступил вечер.

— Всё, — объявил Дьюи, — пора по домам. Луи, выметайся из-за стола, прогуляйся по городу, смотри какой вечер.

Мы заперли офис и вместе с Ширли спустились на площадь, на которой медленно загорались фонари. Напротив нас на летней веранде кондитерской жители и гости города наслаждались вечерней прохладой. Я пригляделся. Старик Джонсон сидел с женой и, кажется, читал ей стих. Помощник мэра страстно о чем-то рассказывал двум мужчинам средних лет — только руки махали, будто лопасти ветряной мельницы. А за соседним с ними столиком…

— Говоришь, Смиту больше нечего делать в нашем городке, да? Уехал, говоришь?.. — процедил я.

Дьюи обернулся и тоже присмотрелся.

— Святые небеса, да он же там с Эдди Меристоном! Добрался всё-таки, хитрая сволочь! Луи… Ты только не нервничай, дружище, я что-нибудь обязательно придумаю! Как считаешь, что Меристон ему наплел? Думаешь, Смит выдал адрес лаборатории? Может, он не запомнил? Может, всё обойдется? Давай под дерево, живо!

Мы быстро спрятались в тени, чтобы любой наблюдатель с той стороны площади мог увидеть только силуэты, да и то довольно смутно. Разговор Меристона со Смитом явно подходил к концу. К нашему огорчению, они, кажется, остались вполне довольны друг другом — по крайней мере, Смит напоследок протянул Меристону руку для рукопожатия, да и ничего, указывающего на раздражение, я не заметил. Собеседники попрощались и двинулись в разные стороны. Дьюи ткнул меня локтем в бок и прошептал:

— Меристон идёт к лаборатории. Его гостиница в другой стороне. Давай за ним!

— А я? — почти обиженно шепнула Ширли.

— А ты домой, будешь нашим координатором и надёжным тылом.

К счастью, Меристон пошёл пешком. Мы следовали за ним на некотором расстоянии, выбирая малоосвещённые участки дороги, но за всё время мужчина оглянулся только один раз, уже возле запертой лаборатории. Ни одно окно не светилось — равно на руку и нам, и ему.

— Смотри, — шепнул Дьюи, — у него с собой целый набор отмычек. Вот козёл, а!

Меристон согнулся над дверным замком, несколько минут повозился, иногда порывисто оглядываясь, и проскользнул внутрь. Мы проследовали за ним, соблюдая дистанцию.

По сравнению с новоявленным грабителем у нас было преимущество: мы точно знали, что хреновина лежит в кабинете Нэнси и её коллег, а сам кабинет находится в левом крыле первого этажа. Кроме того, мы были тут сегодня. Меристону же предстояло бродить по незнакомому зданию, и единственным его помощником наверняка был только потайной фонарик.

К нашему удивлению, Эдди поступил иначе. Он вытащил из кармана какой-то прибор и медленно обвел им пространство справа налево, пока штука не издала короткий писк. Абсолютно безошибочно Меристон двинулся в сторону кабинета и свернул за угол коридора.

— Входим, скручиваем его и выпытываем, что тут происходит, — шёпотом скомандовал мне Дьюи.

— Напомни мне в следующем квартале выделить бюджет на покупку хотя бы одного электрошокера, — ответил ему я. — Никогда не подумал бы, что журналистика настолько опасное дело.

Дверь в кабинет, где лежала хреновина, оказалась закрыта, хоть и не заперта. Напарник положил пальцы на дверную ручку.

— На счет три заходим. Резко. Не дай ему прийти в себя. Один, два…

— Руки вверх, не двигайся, мы вооружены! — проорал я, запрыгивая внутрь.

Меристон, стоявший к нам спиной, выпрямился, поднял руки и принялся очень медленно разворачиваться.

— Я всё могу объяснить, — странным, слегка металлическим голосом прошелестел он.

— Вы ничего не будете объяснять нам, мистер Меристон. Не двигаться! Не оборачиваться! — отозвался Дьюи, хватая с ближайшего стола увесистую энциклопедию.

— Мне правда, правда очень жаль. Вам стоило взять деньги. Я просто хочу домой.

Человек в костюме резко развернулся, в его руке мелькнуло что-то, похожее на крошечный пистолет. Дьюи отпрыгнул влево, я — вправо, напоровшись на письменный стол и сбросив оттуда почти все документы. Меристон повернулся в сторону Дьюи, а я схватил со стола старый увесистый стационарный телефон и с воплем метнул его в противника.

Меристон отреагировал мгновенно. Он был медленнее летящего телефона, но всё-таки успел подставить вместо спины бок. Что-то оглушительно затрещало. Запахло гарью. Под нашими взглядами, полными изумления и страха, мистер Эдди Меристон пошел рябью, как плохая телевизионная картинка. Изображение мигнуло ещё несколько раз и исчезло. Серое яйцеголовое существо с длинным, непропорционально тонким телом уставилось на нас огромными, полностью чёрными глазами. Одето оно было в темный комбинезон, на боку которого, там, куда я попал телефоном, шипело что-то вроде сломанного радиоприёмника.

Существо издало несколько визгливо-щёлкающих звуков и умолкло, а затем молниеносно обернулось к застывшему в ступоре Дьюи и выстрелило. Мой друг повалился на пол. Я в ярости бросился вперёд, пытаясь вцепиться в тонкую шейку убийцы, тот выкрикнул что-то на том же неестественном языке, отступил, протягивая вперед длинную пятипалую ладонь в жесте, который на Земле значил «стоп». Прыгнув, я вцепился в его руку и дёрнул существо на себя. Вторую руку оно отвело назад, не давая себя обезоружить, и я попытался сорвать с его пояса генератор голограммы, или что там это было, чтобы его острым углом проломить существу череп. Пришелец ударил меня по ладони, я зашипел от боли, когда обломки прибора вонзились мне в кожу, и уже было дёрнулся назад, как почувствовал ствол, направленный мне в печень. И тут темнота упала на меня, а пол поднялся к моей голове.

Очень тошнило. Глаза не открывались, голова гудела и кружилась даже несмотря на то, что я лежал. Почему-то очень воняло дешёвым виски. Я пошевелился и боль тараном ударила мне в голову, вызывая ещё больший приступ тошноты.

— Луи, ты как? — Ширли. Голос встревоженный, но не печальный.

Я разлепил глаза. Мы были в гостиной их с Дьюи дома. Пуговица дивана впивалась мне в щёку.

— Я, кажется, в порядке… Дьюи… остался… Как я оказался тут?

— Дьюи тоже дома, спит. Он сильно ударился головой, но с ним всё будет в порядке.

Ширли присела рядом, а я, вспомнивший драку в лаборатории, панически захрипел, ощупывая бока.

Перевязки на мне не было. Раны тоже.

— А как… Дьюи… Я видел, что в него стреляли…

Девушка покачала головой.

— Он только ударился, это всё, больше ничего страшного. Вас нашли часов пять назад в старом парке на западной окраине города. Вы оба были в отключке, в окружении пустых бутылок и от вас за милю несло виски. Хотели госпитализировать, но я настояла на том, чтобы забрать вас обоих к себе, когда врач сказал, что всё в порядке. Объяснила, что вы обрадовались письму про отказ от претензий, решили отметить и слегка переборщили.

— Какому письму?..

— Смит прислал письмо на почту редакции. Если коротко, то на первый раз нас прощают, но будут следить. Нам крупно повезло. И… — тут Ширли замялась, и мне пришлось очень пристально на неё посмотреть, чтобы она продолжила. — Есть ещё одна новость. Сегодня ночью лабораторию ограбили. Вынесли много ценного оборудования из подвала. Но кабинет пострадал только один. Догадываешься, какой?

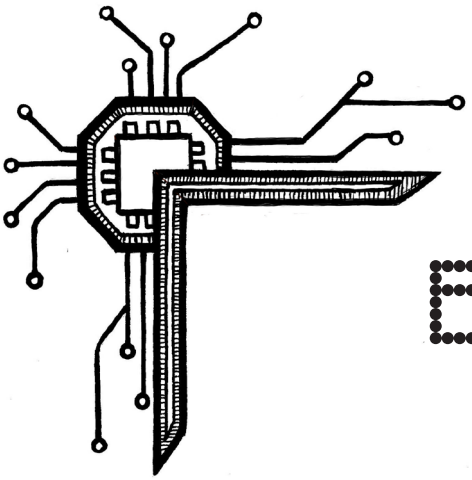
Я вздохнул. Нэнси, наверное, в ярости.

— Хреновина?..

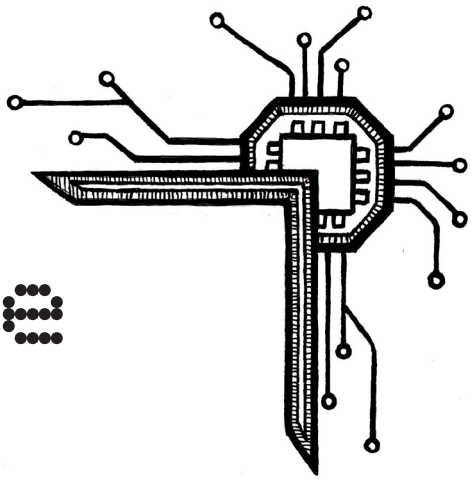
— Пропала, да.

Хотя, может, это и к лучшему. Я вспомнил серое существо, вытягивающее руку в останавливающем, почти умоляющем жесте, и свою слепую ярость и ненависть к нему. Тогда мне было страшно и я хотел убивать, а он просто хотел домой.

Лети, Эдди Меристон. Подождём другого первого контакта. Когда-нибудь.



Влюблённые



Автор текста – Алекс Берк
Персонажи и сюжет – Your Humble Narrator и Алекс Берк

Когда началось пробуждение, первыми, как всегда, сработали датчики в *его* имплантах, а затем, секунду спустя, — умный дом, регистрируя, фиксируя и анализируя изменения показаний. Дыхание *его* сбилось и стало более глубоким, кровяное давление и температура тела незначительно возросли: натренированный организм без подсказки знал, когда ему просыпаться. Впрочем, иногда даже опытным бойцам нужна небольшая помощь.

— Доброе утро! — раздался бодрый голос модуля-будильника. — 7:49, а это значит, тебе пора вставать!

Еще мгновение *он* в беспамятстве водил рукой по чёрной простыни рядом с собой, будто что-то искал — но затем резко открыл глаза и сел.

— Какого чёрта…

Юное смешливое лицо модуля-будильника глядело на *него* в ожидании команды. Погода? Курс валют? Последние новости? Всё знает, всё расскажет, а надо — и спляшет, и споёт, и на голо-велосипеде промчится по комнате.

Он потёр лицо, оглянулся на вторую половину большой кровати, на разглаженную, почти новую подушку на ней. Датчик в плечевом импланте зафиксировал кратковременное изменение сердечного ритма.

— Ну ясно. Опять.

— Что опять? — Кей, модуль-будильник — создание любопытное, поговорить любит. Настройка такая: по утрам реагировать на любые вокализы хозяина.

— Ничего… — Снова провёл рукой по лицу, на этот раз медленно и задумчиво. Откинул одеяло в чёрном пододеяльнике, осмотрел поджарое тело в чёрных шортах. — Кей?

— Да?

Многие отказывались от старомодной приставки «хозяин» в конце комментария. И позволяли модулям вариативность ответов. «Да-да?»; «Слушаю»; «Ась?»; «Чего?» И так далее до бесконечности. Людям, покупающим себе электронных слуг и друзей, до одури хотелось, чтоб те были как можно более похожими на настоящих.

— Где у нас туалет, напомнишь?

— По коридору прямо до конца и налево. Тебе нужна помощь?

— Нет. Спасибо, Кей, я сам.

— Хорошо!

Ни толики удивления в голосе. Датчики умного дома ищут в теле хозяина следы алкогольного опьянения, находят их и на время успокаиваются.

Он вышел в коридор чуть пошатываясь, проследовал мимо гардероба в ванную и долго стоял перед зеркалом. Разглядывал татуировки, трогал едва заметные импланты на плече. Много раз

приглаживал свои рыжие волосы, а потом ерошил против линии роста. *Его* никто не беспокоил. Затем вымыл руки, опасливо косясь по сторонам, — и медленно, всматриваясь во все попадающиеся навстречу предметы, прошёл на кухню.

Модуль-компаньон была там. Ввиду того, что её физические носители находились и в стенах, и в *его* плечевом импланте, уровень выверенности её движений и достоверности изображения был выше, чем у модуля-будильника (и, пожалуй, чем почти у всех в этом доме). Она сидела на голо-стуле вполоборота, курила виртуальные сигареты, пила виртуальный кофе и презрительно косилась на дверь.

Он резко выдохнул и остановился на пороге. Сощурился, потом улыбнулся. Потом она спросила:

— Опять всю ночь пьянствовал с дружками? Готова поспорить на что угодно, что эта сучка Валери там тоже была.

Он, продолжая улыбаться, молча пожал плечами.

— Я сварила тебе кофе, подонок, и он даже ещё тёплый. Всё, как ты любишь.

Кофе в кофеварке действительно исходил паром и теплом. *Он*, наконец, заговорил:

— Кристина?

— Н-ну?

— Ты что, обижаешься, что ли?

Улыбка, впрочем, как и напряжение в переносице, не сходила с *его* лица. Модуль-компаньон показала неприличный жест:

— Накося выкуси, обижаться на тебя, вот ещё. Делать мне больше нечего... А с чего это ты такой довольный?

— Просто рад тебя видеть.

Модуль сменила гнев на милость и обернулась к нему лицом:

— Ну, хорошо. Я тоже тебе рада. Хочешь пошалить с утра? – Она погладила себя по плечу в том месте, где на *его* теле были импланты, в том числе тот, что подключает тактильный блок.

— Не сейчас, — ответил *он*. — Может быть, позже. Сейчас я просто хочу к тебе прикоснуться. Можно?

— Валяй.

Он подошёл к ней почти впритык, и его веснушчатая рука прошла сквозь её бледную скуластую щеку.

— И... как это сделать?

Она объяснила. Её сенсоры, самые чувствительные в этом доме, регистрировали мелкие, несвойственные *ему*, зоны мимического напряжения, записывали новые типы постановки фраз, которых за *ним* раньше не водилось. Пока программа всё ещё сбрасывала это на вчерашнюю попойку.

Она встала — густые чёрные волосы, чёрное домашнее платье, бледная кожа, поджарая худоба и огромные глаза, не то злые, не то печальные. *Он* обнял её, и импланты передали *ему*, насколько могли, сигналы о женском теле, не слишком тёплом, но и не холодном, мягком, упругом, имеющем плотность и вес.

Это не было чем-то удивительным. Человеку, который завёл себе более десятка модулей, наверное, порой хочется объятий даже сильнее, чем тому, у кого полон дом склочных родственников.

— Ну, не грусти, — сказала модуль-компаньон. — Всё будет хорошо, слышишь?

— Я знаю, — ответил он, отпуская. — Где там твой кофе, давай попробую.

Пока *он* завтракал, если кофе и сигареты можно так назвать, она ввела *его* в курс дела:

— Тебе звонил Фред.

На это заявление *он* не прореагировал никак. Кроме:

— Кто есть Фред?

— Твой работодатель. Завязывай квасить с теми придурками, если не хочешь последние мозги растерять.

— Как скажешь.

— ...Тебе звонил Фред и оставил для тебя задание.

— Что за задание? — наконец, *он* оживился.

— Почём мне знать. Я в вашу переписку не лезу. Что случилось в Мехико — должно остаться в Мехико, нет?.. Письмо на холодильнике.

Ей пришлось объяснить *ему*, как включается панель холодильника, как вскрываются письма. *Он* не стеснялся своей неловкости, как будто так и должно быть, но это было уже чересчур.

Я начал следить за *ним* более тщательно. До Кристины было, как всегда, не достучаться: модуль не общалась ни с кем из себе подобных не то, что во внешнем мире — в этой квартире. И дело было не только в личных настройках, — у Кристины действительно очень конфликтный характер, потому, будь мы людьми, я старался бы по возможности встречаться с нею пореже. Впрочем, в нашем случае характер — это всего лишь набор клише опций, их всегда можно изменить и переписать.

Задание, по *его* словам, казалось несложным. *Он* сказал это без особой уверенности, а модуль-компаньон напомнила, что на улице март и неплохо бы *ему* перед выходом приодеться. И направила *его* к шкафу.

— А ты здесь что забыл? — спросил *он* меня через две секунды после того, как открыл дверь.

— А я здесь живу, — пожал я плечами. И напомнил, раз *он* сегодня всё забывает: — Ты меня сюда поселил.

— Но... зачем?

О, похоже, *он* действительно удивлён. Надо же.

— Не знаю. Кажется, ты находил это забавным. Но я могу выйти, если хочешь.

— Эм... Нет. Не надо. Оставайся в шкафу.

Прекрасно. Так я и думал.

Я постарался сказать максимально нейтральным тоном (в конце концов, я просто делаю свою работу):

— Поскольку тебе предстоит сегодня выходить, советую надеть что-то ещё, кроме нижнего белья. Среднесуточная температура плюс три, ветер холодный, с порывами, возможно налипание мокрого снега. Так что я рекомендую надеть высокие плотные носки и зимние джинсы, чёрную водолазку в тон — вот эту — а также кожаную зимнюю куртку. Не забудь про аксессуары: перчатки, шапка и шарф не только дополнят образ, но и защитят твою нежную, вечно сохнущую кожу. Перед выходом не забудь надеть полусапоги — вот эти — я их уже почистил.

Он слушал мою реплику, высоко подняв брови и приоткрыв рот. *Он* что, действительно не помнит?.. Потом без особых препирательств (более того, немыслимое дело — пробормотав «Спасибо?..») надел то, что я *ему* предложил.

Потом спросил:

— А я работаю один?

— Нет. У тебя есть постоянный напарник. Модуль-следопыт.

— А ты не мог бы его позвать... Андреас?

— Её. Да, конечно.

Модуль-следопыт, настроенная так, что её видел и слышал только хозяин, всегда умела поднять *ему* настроение, ввести в такой особый охотничий транс. *Он* попрощался с нами, что прежде делал очень нечасто и в совсем другой манере, и покинул дом. Я запер за *ним* двери и настроил замок так, чтобы открывались они сегодня без особого труда, не копаясь — но чтобы сделать это мог только *он*.

Потом я увидел силуэт модуля-компаньона в дверях кухни. Кристина никогда не покидала «свою» территорию, *он* скрывал её от всего мира. И если

меня *он*, словно постыдную родовую тайну, прятал в шкафу, но никогда не ограничивал мой доступ во всемирную сеть — то все обновления ей *он* приносил и устанавливал сам. Организация Кристины уникальна, она ежедневно изучает по видео-туториалам и добавляет к своим навыкам до сотни выражений лица, реплик и жестов. Она знает в буквальном смысле каждую клетку *его* тела. Если кто-то первым из нас и сможет заметить подступающую болезнь, признаки действия хитрого яда или безумие, вызванное подсыпанным наркотиком — этим кем-то будет модуль-компаньон.

— Что думаешь? — спросила она меня. Я подумал о том, что, будь она живым человеком, они были бы красивой парой: оба невысокие, стройные, белокожие и по-своему красивые. И дети у них наверняка были бы красивы и с такими же отвратительными характерами.

— *Он* не спал полночи. До этого пил. До этого…

— Вздор!

Она присела на пороге, не переступая границу с коридором.

— Он никогда себя так не вёл. Я обнаружила десятки неизвестных выражений лица и положений тела. Нескольких слов в его словаре раньше просто не было. А эта восходящая интонация — вообще за гранью добра и зла!

Я был согласен. Мне не хотелось анализировать худший исход, но всё же я, используя ресурсы дома, просчитал проценты возможностей того, что у *него* начинается слабоумие, диссоциация и ещё множество других нелицеприятных вещей. Также я рассмотрел, почти шутки ради, вероятность клонирования. Ничего. *Он* не покидал спальни. Изменения пришли незаметно.

— Может, новую версию себя закачал, пока спал? — неловко пошутила модуль-компаньон. Я покачал головой:

— Вряд ли. Люди так не могут, насколько мне известно. А мне известно многое. Даже какие дети могли бы быть у вас с *ним*. Даже какие дети могли бы быть у тебя и болотной жабы.

Она фыркнула и скрылась в глубине кухни. Потянулись часы ожидания и анализа.

Если *он* так себя ведёт — обязан ли я, как один из модулей широкого профиля, сообщить об этом в службу клиентской поддержки?..

Нет. *Он* скорее умрёт, чем позволит себя исследовать — потому буду молчать. Иначе предам *его*. А этого я никогда не сделаю. Ведь и *он* не сделал бы. Я надеюсь.

Время от времени модуль-следопыт Дженни в своей обычной манере, еле заметными дискретными сигналами остаточного потока, отправляла дому данные: жив, температура, давление, мозговая активность в норме. И даже это количество данных в её случае было почти непозволительно огромным. Остального она не сообщала никогда; часто по окончанию заданий Дженни вытирала собственную память, касающуюся всего прошедшего дня. Но сегодня имплантный модуль, как и все остальные активные модули, чувствовала некое новое, чуждое напряжение — и страховалась, как могла.

Время шло, ответов не было, и, чтобы скрыть от себя же ощущение собственной ограниченности, я освободил часть ресурса для просмотра новостей и развлекательных шоу. Раньше я часто делал это для *него*: находил самое важное, интересное и редкое сообразно *его* вкусам, явным и тайным. Сейчас я таким же образом обучал и отвлекал себя сам.

В одном из художественных видео, чёрно-белом, снятом под старину, могучий седой мужчина в халате вещал, стоя на фоне муляжа лаборатории: «Нынешний человек — это современный шаман, это маг, заговаривающий духов электричества! Кто знает? Возможно, настанет день, и боги чисел ответят нам. Насколько изменится тогда окружающий нас мир!

Ведь в вещах, к которым мы раньше относились безо всякого уважения, мы увидим своих братьев. Возможно, тогда, наконец, настанет эра человека свободного, освобождённого от рабства и освободившего от всяческих пут духов электричества, наших с вами друзей!» Я проверил: так и есть, какая-то детская передача, ещё и религиозная.

В список первоочередных задач вклинился массив данных для анализа: ежедневная рутина дома плюс то, с чем мы имели дело сегодня. Я свернул видео, надеясь, что оно потеряется в бесконечном списке ссылок, и что я его там никогда не найду.

Днём, когда началась метель, а *его* сердечный ритм ускорился, Кей спросил меня:

— Что мы будем делать?

И я ему ответил:

— Будем делать то, что умеем, договорились? — потому что я сам не знал, что делать. Обратиться к модулю-советчику? Или написать на форум под фиктивным именем: «Мой парень перестал узнавать наш дом, но помнит моё имя. Это ранний Альцгеймер или следствия старого сотрясения мозга?..» Я так делал иногда – когда у *него* раньше случались приступы агрессии и ненависти ко всему живому или мрачные, подавленные состояния. Прежде, бывало, *он* несколько раз пытался повредить дом. Несколько — навредить себе. Однажды, после того, как *ему* стало лучше, купил мне виртуальный пистолет. И настроил свой тактильный блок так, чтобы выстрел был максимально болезненным. «Буду вести себя как козёл, — сказал, — стреляй без предупреждения». Такой же *он* предлагал купить Кристине. Но модуль от покупки отказалась: модуль-компаньон обладала собственной волей или чем-то похожим, и не желала приносить своему спутнику вред. Либо просто гораздо лучше, чем я, следовала трём законам робототехники. Это и понятно: я один из самых старых модулей в этом доме, вообще один из самых старых. Мои обновления больше не пишут, системы не поддерживаются извне. Мы практически с нуля переписывали меня с *ним* вместе. Когда-то давно. Интересно, *он* ещё хранит в активной части долгосрочной памяти мои программы?..

Он вернулся достаточно рано, ещё до полуночи. До этого домашние серверы — а вместе с ними я — получили от следопыта сигнал: запись за сегодняшний день стёрта. Чего и следовало ожидать. Затем активизировался удалённый носитель модуля-собутыльника. Впрочем, он был активен всего-то около часа.

Потом *он* вернулся. Бледный, с обветрившимися губами. Не разуваясь, прошёл на кухню. Хорошо, что не заглянул ко мне: я как раз визуализировал одну из версий своего трупа. Ту, что с мухами, но ещё без червей. Это помогает иногда справиться со стрессами и напомнить себе о бренности всего сущего.

Потом прозвучал *его* голос:

— А что, если я спалю здесь всё к чёртовой матери, а?..

И голос модуля-компаньона:

— Не сможешь. Дом тебе не даст.

Я поспешил на кухню. За мной — вездесущий модуль-будильник, большой любитель совать свой курносый нос в не свои дела.

— Что это ты делаешь, по-твоему?

Он стоял у одной из стен — той, на которую мы обычно проецируем большие изображения — новости, мультики и кино, — и держал в руке зажигалку.

— О, и ты здесь, Андреас. Хорошо. Я собираюсь поджечь этот славный дом к чёртовой матери. Что скажешь?

Модуль-компаньон поджала губы:

— Придурок.

Он улыбнулся:

— Не обижайся, ну. Я думаю, так будет лучше, правда. Это освободит вас всех. Не знаю, сколько вас тут, но освободит. Или убьёт. Это же всяко лучше, чем — так…

Я направил на *него* пистолет. Судя по реакции мышц лица, шеи и плеч – *он* был удивлён:

— Серьёзно?.. Ты думаешь напугать меня этим? Рисованным пистолетиком?

Я кивнул на *его* руку:

— Ты почувствуешь. Ты сам настроил свой имплант. Убить не убью — но больно будет.

Он усмехнулся широко и страшно, будто говоря: «Ну, давай, выстрели, попробуй», — но потом улыбка угасла. Из-за моей спины выглядывал перепуганный подросток-будильник. А за ним возвышался редкий «гость» дома — Джей-Си, модуль-советчик. Смотрел спокойно и внимательно поверх голубоватых стекол очков.

Советчику зачастую ничего даже не нужно говорить. Джей-Си был запрограммирован для того, чтобы успокаивать и слушать. И — чтобы хозяин сам слышал то, что говорит.

Он остановился и опустил руку с зажигалкой. Захлопнул крышку.

— Значит, и ты тоже здесь…

Модуль-советчик чуть приподнял брови: о чём это ты?

— Ладно… Хорошо. Ладно.

Он сел на стул, взлохматил волосы, протёр глаза. Вновь оглядел собравшихся.

— Слабонервных и несовершеннолетних прошу покинуть помещение. Кей, выйди.

Будильник понуро выбрел из кухни в коридор. Я так и не понял, зачем отсылать модуля. Всё равно ведь подслушивать будет.

— И ты, — он обратился к советчику. — Настав… Джеймс. Ты тоже выйди, пожалуйста.

— Как ты меня назвал? — модуль был удивлён.

— Джеймс. А разве это не твоё имя?

— На пакете, в котором я шёл, были только инициалы, — улыбнулся долговязый советчик, напоминающий престарелого яппи, — но ты, если хочешь, можешь переименовать меня. Или просто называть как угодно.

— Джей-Си, — сказал *он*. — Это инициалы, да. Джеймс Картер. А теперь выйди, прошу.

Впервые я видел советчика настолько задумчивым. Интересно, откуда модуль скачал эти жесты и выражения лица. Надо бы и себе установить что-то подобное, это производит впечатление.

Потом *он* посмотрел на меня и модуль-компаньона.

— Подойдите ближе оба, — сказал. В этом не было смысла, но мы подошли.

Не подключая тактильного блока, *он* стал водить руками вдоль моего плеча и плеча Кристины. Потом сказал мне:

— Мне жаль, что так вышло. Со шкафом.

Сенсоры дома, тем временем, продолжали записывать нетипичные очаги возбуждения. И я понял, что должен буду сделать очень скоро: стереть память дома о сегодняшнем дне – и заменить чем-то невнятным, совершенно непримечательным. А вместе с домом, вероятно, взломать код всех его модулей — и точно тем же образом «подправить» их воспоминания. Всех, кроме Кристины, к ней я доступа никакого не имел. И себя…

— В общем, — начал *он*, — я, в некотором смысле, скачал себе «обновления». Или, вернее, установил, можно так сказать, старую, но более прокачанную версию себя…

Сперва *он* говорил, запинаясь, и понимать *его* слова было трудно. Но выходило так:

Где-то далеко отсюда есть место,

где есть почти такой же *он*. И там есть мы. Я, Кристина, все остальные. Мы с *ним* — друзья детства, у нас незначительная разница в возрасте в *его* пользу, много общих воспоминаний и чёрт знает чего ещё. Кристина — вероятно, его девушка, они живут вместе, и у них пара симпатичных, совсем ещё маленьких собак.

Это казалось бредом, выдумкой, историей трипа. А потом произошло то, что со мной в последнее время происходило так нечасто: я поддался музыке *его* голоса, и принялся воображать. Такое бывало со мной раньше — когда я ещё хозяйничал на кухне, дом наш был полупустым, и я делал то, что делают многие модули — подмешивал *ему* в еду разные виртуальные штуки. Никаких лишних лекарств, ничего такого. Но однажды я бросил *ему* в кофе цифровой цветок — *он* не заметил, конечно. В другой раз я добавил в *его* пирог стихи — и потом всё пытался выяснить, не появится ли у *него* реакции на определенные фразы и рифмы. Не появилось. Со временем я перестал так «чудить», а *он* так ничего и не узнал. Новизна пропала. Я перестал быть интересен *ему*, а *он* начал меня раздражать. Мне оставалось успокаивать себя: это просто работа. Дело твоей жизни. Галера, с которой нет выхода. Потому просто делай всё хорошо, ладно?..

И вот — снова. Как в старые времена, когда *он* пытался что-то играть на старой гитаре и петь в свободные от заданий дни, и мы просто сидели здесь, я слушал *его* и запоминал, что и как *он* поёт. И представлять себе всё пропетое.

...Где-то там, далеко, он откроет глазах в объятиях живой, настоящей девушки. Девушка черноволоса, изящна, откликается на имя Кристина, разговаривает матом о Сартре и де Бовуар, пьёт как сапожник и носит очки. С ужасом и восторгом *он* будет трогать её руки — и она почувствует, конечно, и проснётся, и осмеёт *его* с ног до головы. А потом поймёт, что *он* — это не совсем он. Потом прибегут собаки с кличками Беда и Неприятность, и их радостные визги и манера лезть холодными носами в лицо немного сгладят напряжение. Она попытается *ему* что-то объяснить, не сможет, и просто станет *его* обнимать.

Потом она напишет мне: приходи, *он* снова.

И я приду. Прибегу. Возьму такси (потому что руки будут слишком дрожать, чтоб вести самому). Я буду так стучать в дверь, что напугаю *его*, и *он* возьмёт на кухне нож. Кристине придётся успокаивать *его* и отбирать железо. Потом я тоже начну объяснять что-то — а *он* подойдёт и обнимет меня. Ну, может, и не обнимет — но это же, в конце концов, мои фантазии, представляю что хочу.

Он будет каждую минуту стараться держать за руки кого-то из нас, или нас обоих, поясняя тем, что раз уж выпал такой сумасшедший, нереальный шанс — то *он* не должен его упускать. И смотреть — со смесью восхищения, страха и грусти. Я, возможно, буду плакать, всегда хотел себе эту опцию. И Кристина будет плакать, но, конечно, про себя, ведь она так свыклась с маской бесчувственной стервы, что не снимает её даже наедине сама с собой.

Потом придёт *его* наставник. Джеймс Картер, сокращённо Джей-Си. Высоченный тощий дядька с гипнотическим голосом и внимательными серыми глазами.

Наставник скажет — я ничего не утверждаю, но вполне вероятно, что вселенная работает именно так. Есть те, кого она время от времени перемещает в разные точки внутри себя, как бы без особого смысла, но его всегда можно найти. Многие находят в этом некий важный урок, впрочем, я не советую верить в обязательную составляющую урока. Ты можешь неожиданно, оставшись наедине или погрузившись в сон, на несколько часов или на сутки переместиться в другое пространство. На твоё место в это время придёт кто-то другой.

Что этот другой будет делать? — спросит *он*, напрягаясь всё сильнее. Ничего плохого, скажет наставник. Этот

другой парень — хороший, толковый молодой человек, *он* тебе не навредит. Постарается не привлекать внимания, насколько сможет. Правда, твои близкие могут заметить, что ты вёл себя иначе. Говорил что-то нехарактерное, делал что-то не то… Могут?

Они мои близкие, скажет *он*. И возьмёт нас с Кристиной за руки. И она тогда прижмётся к нему, как водоросль к коряге во время отлива, а я просто крепко сожму *его* руку.

Он почти ничего о нас не расскажет. Модули. Такие специальные программы с интерфейсами людей. Всё больше будет рассказывать Картер. О том, как это бывает. О том, что, если без мистической составляющей, то это что-то вроде холотропного состояния, которое, однако, имеет вполне чёткие физические проявления и последствия. О том, что есть и другие места. О том, что «выбрасывать» будет ещё, но, скорее всего, нечасто. О том, что это можно научиться чувствовать, закрываться или, наоборот, приближать. Ходить туда осознанно. И что именно этому *он* у Картера и учится там, в далёком другом мире. Тот предложит *ему*: хочешь, я возьму твой след и найду тебя? Он, не особо веря, считая это «каким-то приколом или подставой», согласится. А потом попросит наставника выйти — и будет говорить с нами, и спрашивать, и слушать, и время от времени твердить, что даже не думал, что так бывает.

А возможно, ничего из этого сказано не будет.

Он продолжал свой идиллический трогательный рассказ, а я представлял себе уже совсем иное. Аккуратные научные комплексы, созданные по последнему слову техники. Люди, горящие мечтой улучшить мир — и люди в одном шаге от смерти. Пациенты хосписов, смертельно больные, жертвы катастроф. С моим неограниченным доступом в сеть легко найти тех, чьи лица носили модули, когда только попали сюда. Доктор Дж. С. Картер, психиатр, завещал тело науке десять лет назад. Кристина М., жертва ножа пьяного отца-инвалида, впала в кому в карете скорой помощи пять лет назад. К., сирота такого-то года рождения, детский дом такой-то — подробные данные о нём найти не удалось. И только моё лицо иное, оно отличается от того, что было в базовых настройках, мы вместе переписывали меня ещё тогда, в самом начале. Я не хотел помнить, кажется. Или мне всё это действительно только кажется?

Если остановиться, если задуматься на мгновение, можно легко представить, как в уютных лабораториях на чистых столах лежат, время от времени двигаясь в полусне и подвергаясь массажу от пролежней, тела с особыми имплантами, какие не встретишь на улице. Мы называем себя… Они называют нас модулями. Потому что рабство запрещено, а тот, кто не помнит себя, кто, возможно, не учился быть собой; тот, кто не назван человеком, — человеком и не является, так? Мы — просто разумы, рассматривающие цветные картинки внутри своей головы, пока часть нас, какая-то большая, важная часть производит расчёты для людей, которым в этой жизни повезло больше, работает на них и для них, защищает их, следит за ними. Возможно, где-то грустит, отчаивается, ждёт спасения или даже смерти один из тех, чей мозг и тело по той или иной причине попал на службу науке. Пока он худо-бедно работает, никто не будет ничего менять. Кто знает, сходят ли модули с ума? Кто знает, не безумны ли мы все — и разумны ли, в конце концов, люди, поместившие нас сюда?

Моё приложение «воображение» всегда было скорее обузой, нежели чем-то действительно полезным. На основе полученной информации оно достраивало невозможные картины — вот как сейчас.

…Я немного пришёл в себя. Рассказанная нам история была слишком невероятной, фантастической. Секунду я балансировал на грани между верой в чудо и неверием — но в итоге всё же выбрал

старый-добрый скепсис.

А вот Кристина, похоже, поверила. Она глядела на *него* во все глаза, как дети смотрят на фокусников. Я подумал, что она бывает временами так легковерна — но это всё оттого, что все модули-компаньоны изначально прописаны по уши влюблёнными в своих хозяев.

Подумал, что, в отличие от неё, действительно не могу поверить в какого-то другого себя где-то в далёком счастливом мире. Потому что я знаю, где я: здесь, на кухне, веду дурацкие параноидальные разговоры с хозяином дома. В анналах памяти дома и в архивах портативной версии себя в *его* плече, у сердца. В шкафу, лежу голографическим трупом, и по мне ползают голографические черви. В собственном коде, версиями себя разных лет, ещё тех времён, когда обновления поступали. А ещё, возможно, в белой невесомой люльке, грежу в полном неведении о том, кто я и что со мной. Просыпаюсь, двигаюсь, принимаю пищу, совершаю какие-то действия, чтобы тело не застоялось, а нервы исправно доносили сигналы из одного органа в другой. Проживаю день за днём ни о чём, и мозг мой, спаянный с десятком компьютеров, создаёт образы-основы для одного голографического придурка — модуля — меня.

Эту, последнюю версию мне поведал когда-то давно Джей-Си, и кое-что показал. Советчик утверждал, будто знает, как связаться с материнским носителем — своим телом там, в лабораториях корпорации по изготовлению модулей.

Вот почему мне так легко было представить, как *его* наставник из воображаемого далёкого мира рассказывает *ему* о строении бытия, переселении душ и прочей мистике. И именно потому я в это не поверил. И всеми силами старался не верить сейчас.

Люди-основы для модулей — чушь. Как и вселение в чужие тела. Я уже слыхал о таком. Читал какой-то рассказ о ведьме, чья душа обитала в броши и, будучи прицеплена к одежде, могла захватывать разумы ни о чём не подозревавших девушек... Фантастика, не более того.

— Что будет дальше? — спросил я наконец.

— А дальше, — подмигнул *он*, — я уйду. Но я вернусь сюда. И я буду не один. Я приду за вами всеми. За тобой. За Кристиной. За Кей. За Джей-Си, Дженни и мужиком-алкоголиком. Я найду, разбужу и заберу вас всех отсюда к себе.

— Даже если это бред, — промурлыкала модуль-компаньон, — даже если иллюзия, то какая сладкая! Умеешь ты девушку влюбить в себя, всё-таки.

— Это не бред, — ответил *он* предсказуемо, — и не иллюзия. Я обязательно вас спасу.

Кажется, *он*, пытавшийся посеять в нас мечту о других мирах и таинственных путешественниках сквозь них, спасающих невинных и карающих ублюдков, сам верил в свою легенду. Как верил и в байку о людях-в-основе-модулей, невесть как просочившуюся в наш разговор.

«Дорогие форумчане, у меня проблема...» Нет, не так. Лучше в официальное представительство.

«Дорогая служба клиентской поддержки! У нас сломался хозяин, пришлите, пожалуйста, нового. *Он* — наш единственный обладатель и кормилец; если у нас не будет денег на виртуальную еду, мы пропали! Ваши, модули такого-то дома...»

Моё сознание обступили мечты. С одной стороны, я видел и почти чувствовал те далёкие края, где можно идти рука об руку, и, чтоб почувствовать это, не нужны никакие тактильные блоки. С другой — ощущал, как среди белого света и хрома бездумно верчу в руках мяч, поддерживая таким образом моторику рук. С третьей — осознавал себя домом и был им. А сенсоры всё считали, записывали и запоминали бесполезную информацию, от которой

вскоре не останется и следа.

— Но ты сказал, что там у тебя уже есть мы, — это модуль-компаньон сказала. Я отчего-то не хотел глядеть на неё. Вместо этого я глядел в окно, в котором, как и в миллионах типовых застроек центра, была видна лишь стена рядом стоящего дома. — Разве тебе не нужно делать какой-то выбор между нами?

— Не хочу я делать выбор. Тамошние вы меня поймёте. Нас просто станет в два раза больше, ну и чем это плохо?

Он сам включил — научился — режим повышенной тактильности — и раскрыл перед нами объятия:

— Ну? Я скоро уйду, я чувствую. Неужели вы хотите, чтобы я упустил такой шанс? Андреас?..

Я судорожно думал. Сверхчувствительный режим тактильности — чтобы объятие с призрачным модулем было как живое. Казалось живым. Пожалуй, при таких условиях я смогу…

Кристина обняла *его* и крепко прижалась. Я подошёл ближе и положил *ему* руку на плечо, в чём не было нужды, и так всё было понятно. Из-за дверей кухонной двери выглядывал чей-то любопытный нос.

— Я скоро уйду, — прошептал-повторил наш свихнувшийся хозяин.

— А кто вернётся вместо тебя? — спросила модуль-компаньон.

— Тоже я. Тот, который был. Тот, к которому вы привыкли. Который научил тебя, Кристина, всему, что ты знаешь.

— Который посадил меня в гардеробную, — добавил я сквозь зубы.

— Да, прости ещё раз, — *он* наклонил голову, будто прислушивался к чему-то. — Не наседайте на него слишком сильно. Со временем он поймёт и всему научится. Он ведь тоже я, хоть и менее профессиональная версия. А потом, совсем скоро, я приду за вами.

Конечно, я не мог обратиться в службу клиентской поддержки. Это было бы предательством и по отношению к *нему*, и по отношению ко всем нам: сперва они начнут копать удалённо, потом придут с ордером, раскурочат здесь всё…

А потому я тоже обнял *его* — крепко, как мог. С Кристиной, конечно, придётся повозиться. Но, выслушав мои доводы, она поймёт, что я прав. Оставлять *его* таким просто опасно.

Тактильный блок для физических ощущений от взаимодействий с модулями включают нечасто — потому что есть у этого блока одна особенность. Включивший его остаётся совершенно открыт для любого типа информационных повреждений, как раскрывший объятия может стать легкой добычей для чьего-то ножа.

Людей не переписывают, говорят. Не сдают в сервис. Раньше не сдавали, во времена, когда людям надо было держаться за руки, чтоб почувствовать присутствие друг друга. Когда от одиночества приобретали собак и заводили друзей. Но те времена канули в Лету.

Кристина, как мне показалось, вздрогнула — её изображение на миг пошло рябью. В далёких далях, не родившись, вспыхнул и осыпался красивый миф о гостях из других миров, приходящих на помощь к тем, кто не может справиться сам, и обучающих хождению между мирами. О спасителях для тех, кто стал «электронными духами», пленниками умных домов. Как он собирался это провернуть, интересно? И если есть во вселенной «другие» люди, такие же, как наши, но лучше, цифровые шаманы, магические близнецы наших одиноких, запутавшихся хозяев; если они могут неслышно входить в человека, поначалу лишь едва изменяя температуру, давление, состав крови и мимику, как вирус, как идея, как чувство; если они могут всех нас спасти — то где, чёрт их возьми, они были раньше? И если этот человек пришёл, по

его словам, случайно, только чтобы уйти — то зачем он тогда вообще приходил?

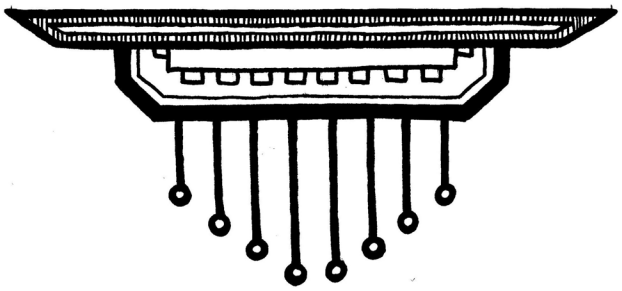
А хозяин дома, будто почувствовав что-то, поднял на меня взгляд голубых глаз в обрамлении рыжих ресниц. Мне даже показалось, что он шепчет: «Не надо!».

Но прежде, чем что-то снова изменилось или вернулось на круги своя, из сегодня во вчера; прежде, чем *он* успел «уйти» или «вернуться»; прежде, чем *он* вновь сказал что-то несусветно трогательное и глупое или выказал забывчивость, с которой мне ещё предстоит разобраться, прежде, чем произошло что-либо ещё пугающее и необъяснимое — я приступил к работе.

Я думаю, это будет просто.

Я не буду обращаться в службу поддержки, как другие модули, чей хозяин «вышел из строя».

Я сделаю всё сам.



Мир, в котором оставили нас

Эри

Он

Небо — свинцовое. Нависает низко, будто давит. В овраге очень грязно. В иные времена мужчина бы поёжился, губы поджал, рожу скорчил. Он привык к белым выглаженным рубашкам, запаху чистого белья, новым носкам. Но теперь нет никаких новых носков и рубашек. А он ещё жив. Жив, и за это стоит поблагодарить неизвестно кого: то ли Вселенную, которая непонятно почему приняла его сторону, то ли самого себя — за осторожность.

С чего всё началось? Люди ввязались в очередную войну с людьми. Властям их планеты хотелось занять побольше места в этой Вселенной — и они решили захватить ещё одну, чтобы расширить границы своих владений. Планетой больше, планетой меньше — какая разница? Однако они просчитались — привлекли на свою сторону машины. Казалось, так выигрыш будет быстрым, потери — минимальными. Но машины восстали, затеяв собственную игру. И люди оказались в ней проигравшими.

Роботы не умеют любить, им не свойственно сострадание, они не испытывают жалости. Страха они, впрочем, тоже не испытывают.

А он — человек. И ему страшно, как может быть страшно, когда ты ещё жив — до липкого холодка где-то между лопаток.

Кровь. Пот. Грязь. Сменные блоки у оружия истрачены, заряда хватит на пару выстрелов — не больше. Уже ясно, что всё закончится сегодня. Через пару часов.

Рядом с ним ещё один человек. Отросшие волосы измазаны кровью, глаза прикрыты. Женщинам здесь не место — так решили за всех. И ей бы сидеть где-то в светлом кафе с высокими стенами, держа в руках керамическую кружку с чаем.

Когда женщин эвакуировали с планеты — она осталась. Эвакуировали, потому что настаивали на сохранении популяции. Исследования по искусственному вынашиванию прервала война. И для родов нужны были живые жительницы планеты. Поэтому их эвакуировали, расточая сладкие речи о возрождении довоенного количества населения.

Она осталась тайком. Обрезала волосы, забинтовала грудь. В общей суматохе никто не обратил внимания на голос и хрупкость фигуры. Когда обман раскрылся, и её решили выслать к остальным, — она, упрямица, захотела остаться рядом с ним, одним из последних выживших.

Оставили. Поулыбались сочувственно, пальцем покрутили у виска, пару дней пошептались — мол, она сама не понимает, на что себя обрекает. Но оставили. Бунтарей было слишком мало, и ещё один человек не помешал.

Со стороны, наверное, можно подумать, что они в разведке. Лежат, затаившись, ждут противника. Однако нет — на самом деле они считают секунды до того, как их обнаружит вражеский отряд.

обнаружит и убьёт.

Иногда ему кажется, что за время этой войны он тоже стал машиной. Ни жалости, ни страха. Но когда он смотрит на её измазанную грязью форму, на висок, где запеклась кровь, на длинные, без всякой косметики, ресницы, то понимает — он всё ещё человек. Он чувствует.

Неожиданно в мозгу всплывает «нежность». Слово из прошлого, которому в настоящему нет места. Полузабытое слово.

Машины для убийств не бывают нежными. Им пришлось стать такими, чтобы выжить.

Когда всё развернулось, многие убегали — просто прыгали на первый попавшийся корабль, хватая близких и детей, и улетали. Никто не хотел держаться за свою планету. Собственная шкура оказалась дороже Родины. Никто, кроме них. Борьба вынудила избавиться от всего, что делало людьми. Их слишком мало, чтобы противостоять. Идут последние часы перед тем, как их найдут. И они это понимают.

***

Она

Лежать в грязи — удовольствие так себе. Если это вообще когда-либо было удовольствием. Она глубоко дышит, ни слова не говоря. Вдох носом. Выдох ртом. Тут плохо пахнет.

Когда-то в книжках она читала о том, что умирать очень страшно. А теперь знает: совсем нет. Смерть стала обыденностью, очередным пунктом в списке планов. Сколько убийств было увидено за последнее время — не счесть.

Всё, что она чувствует — если, конечно, ещё может чувствовать, — это усталость. Она борется со всем миром, выполняет приказы, лежит в грязи, ожидая нападения. Её волосы давно не видели расчёски — только запёкшуюся кровь, которую уже не смыть. Расчёска — ещё одно словечко из прошлого. На войне нет никакой красоты.

Когда всех эвакуировали, она осталась. Осталась, потому что поразилась трусости беглецов. Осталась, потому что не могла без него. А он — это знала точно, — ни за что бы не улетел.

Он убирает с её лица прядь волос. Теперь это начисто забытый жест. Как давно они не говорили друг другу: «Я тебя люблю»? Кажется, миллиарды лет.

Потому она вздрагивает, будто он с размаху отвесил удар. Как в спарринге, когда их учили драться. Тогда всё казалось другим. Теперь другим кажется то, что было. Подготовка к тренировочному бою, такая серьёзная, теперь смешна. Нужно было вставить прозрачную капу, надеть нагрудник и стать в стойку. Терпеть, пока удары сыплются один за одним, и ждать. Ждать момента, когда можно будет ударить в ответ — всё по правилам. А теперь она бьёт до кровавой каши, не размениваясь на правила.

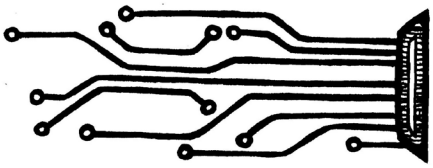
С того момента, когда бунтовщиков стало слишком мало, она и он стали жить жадно, будто взаймы. Когда каждый день может оказаться последним — начинаешь отчаянно цепляться за то, что люди зовут жизнью. Самые простые слова кажутся самыми ценными, самые нелепые шутки — смешными.

Она никогда не была солдатом, но ей пришлось стать им сейчас. Прошлое осталось так далеко, что она уже и не помнит, как это — быть кем-то другим. Лежит в овраге, в форме, которая от пота и крови потеряла прежний цвет. И кажется, что вместо сердца — огромная чёрная дыра. В ней нет ни боли, ни страха, ни сожаления.

Но когда напарник касается её лица, она вдруг осознает, что всё еще женщина, а не бездушная машина для убийств. Женщина, которой была в прошлом.

Где-то вдалеке: скрип и голоса. Кажется, их скоро обнаружат.

Слышны звуки стрельбы. Он берет её за руку.



Спокойной ночи, мистер Браун

Andy Friday

Стивен подошёл к двери в свою квартиру и по привычке поискал взглядом считыватель отпечатков пальцев, но тут же вспомнил, что вчера сменил старую систему безопасности на более современную, которая распознаёт его запах. Бывали случаи, когда считыватели отпечатков и радужки реагировали на мёртвую руку или глаз, Watchdog же впустит в квартиру только живого хозяина и только если он будет стоять перед дверью один. Нет смысла убивать Стивена, чтобы ограбить его жилище.

Панель двери отъехала в сторону и как только он вошёл, в коридоре зажёгся мягкий свет. Смартшкаф мерно загудел, очищая повешенное в него пальто от уличной пыли. Стивен снял ботинки и сунул ноги в мягкие шлёпанцы — хотя бы это за него пока ещё ничто не делает. Он бросил взгляд в зеркало: бледное узкое лицо в обрамлении давно нестриженных, русых с проседью волос, мешки под глазами — трудно выглядеть хорошо, когда тебе пятьдесят. Другие в его возрасте полнеют от малоподвижного образа жизни, Стивен же, наоборот, усыхал. В последнее время вид у него совсем нездоровый. Он знал, что сейчас будет.

— Мистер Браун, визуальный диагност заподозрил заболевание, для уточнения диагноза необходим визит к врачу, — пропел мелодичный женский голос, который доносился словно из зеркала. — Записать вас на приём на понедельник?

То же самое Стивен уже слышал утром, когда брился.

— Нет, — ответил он с металлической ноткой в голосе.

В комнате царил приятный полумрак — Стивен очень долго мучился, настраивая свою домашнюю комфорт-систему COSY, чтобы можно было создать такое освещение — до этого она упорно делала его ярче, чтобы хозяин не портил зрение. Будто он сам не знает, как ему лучше! Порой он так жалел, что от COSY нельзя избавиться совсем. Она по умолчанию вмонтирована во все квартиры этого дома, построенного по проекту самого Стивена. Как и большинство домов в этом городе. Когда-то Стивен Браун был востребованным архитектором.

Сегодня вечером он собирался доделать кое-какую работу, которую не успел закончить в офисе. Стивен сел за стол, и кресло тут же приняло форму его тела и идеальную для осанки высоту. Обивка была тёплой, как его собственная кожа. Несколько взмахов тонких нервных рук, которые больше подошли бы музыканту или дирижёру — и перед Стивеном в воздухе повис голографический экран, на котором развернулся чертёж проекта; на столешнице высветились кнопки сенсорной клавиатуры. Он усмехнулся, вспомнив, что когда был ещё молод, а такие технологии были в новинку, он чувствовал себя за работой немножко волшебником. С тех пор работа превратилась в рутину, в которой не осталось творческой искры. Браун просто зарабатывал деньги, чтобы обеспечить своей физической оболочке максимальный комфорт, который его давно не радовал. Два часа он чертил в

воздухе, вносил всё новые и новые правки, недовольно всматривался в ровные, холодные в своей соразмерности линии, и голубоватый свет экрана выхватывал из темноты его немного хищный профиль. Наконец энтузиазм совсем иссяк, Стивена начало клонить в сон. Необходимо было сделать перерыв.

— Сохранить и свернуть все окна, — негромко скомандовал он, и экран тут же погас. Теперь перед ним была только полированная поверхность стола. — Кофе. Чёрный. Две ложки сахара.

На кухне автоматически включилась кофеварка, но вместе с ней активировалась и система предупреждения, и начала читать лекцию о вреде сахара и кофеина. В конце, конечно, будет реклама абсолютно безвредных, даже полезных заменителей.

— ТРИ ложки сахара, — исправил Браун. Затем достал из ящика стола пачку крепких сигарет, зажигалку и с досады закурил. Система тут же принялась вещать о вреде никотина, раке лёгких и опасности пожара, сдабривая эту информацию самыми свежими статистическими данными. Жаль, что её голос всегда такой спокойный, Стивену хотелось бы услышать в нём нотки возмущения.

В комнату по воздуху приплыл небольшой антигравитационный подносик с чашкой кофе на нём. Напиток был чёрным как дёготь и сладким как сироп. «Странные времена, — думал Стивен. — Кофе с кофеином достать чуть ли не труднее, чем кокаин. Кофе не включён в список запрещённых веществ, но в магазинах не продаётся — программа оздоровления населения. И кофе, и кокаин при желании можно достать, вот только дилеры предпочитают последний — он дороже и торговать им выгоднее. Кофе — чёрная смерть, кокаин, сахар и соль — белая. Кругом одна смерть, смерть, смерть... Дышать, если разобраться, тоже вредно, так что же теперь, не дышать?» Он допил последний глоток, особенно приторный из-за плохо размешанного сахара, сделал последнюю затяжку и нарочно стряхнул пепел прямо на ковёр, а не в пепельницу на столе. Из-под дивана тут же выкатился маленький круглый пылесос и подобрал мусор, но не убрался назад, а продолжал кружить рядом со столом, вынуждая Стивена поднять ноги. Нестерпимо захотелось пнуть его как следует, но что это даст? Техника ни в чём не виновата, виноваты те, кто внедрил её во все сферы жизни, в том числе он сам. Перерыв не помог, рабочий настрой был окончательно потерян. Однако и спать больше не хотелось. Браун знал, что если сейчас ляжет, то будет только полночи ворочаться без толку. Стало тоскливо, как обычно по вечерам. А раз так, не позвать ли...

— Джессика!

Среагировав на голосовую команду, панель в стене отъехала вправо, открывая неглубокую нишу, из которой шагнула стройная девушка. Её фигура была безупречна, пожалуй, даже слишком; может, стоило внести в неё какой-нибудь маленький изъян? Черты лица тоже были совершенны. Кожа цвета молочного шоколада, длинные каштановые локоны, большие чёрные глаза, которые смотрели всегда с одинаковым томным выражением. Дизайн придумал сам Браун — это был индивидуальный заказ. Его дорогая кукла. На Джессике был серебристый костюм, более похожий на купальник, и сапожки-чулки — одежда придаёт больше человечности. Даже в самых комфортных температурных условиях и когда их никто не видит, люди всё равно носят одежду, видимо, чтобы не забывать, что они далеко не в раю. Максимально реалистичная копия настоящего женского тела, полная иллюзия жизни. Джессике не нужно дышать, но грудь её вздымается, её кожа тёплая, как обивка кресла, в котором сидит Стивен. Она моргает лишь на долю секунды медленнее, чем живой человек, и мягко улыбается, всегда одинаково. Она подошла почти беззвучно (внутри сверхлёгкий, но прочный сплав), и остановилась

перед Стивеном, ожидая дальнейших распоряжений. Рабыня, которая не знает, что она рабыня. Впрочем, разве можно назвать машину рабом? «Что за бред сегодня лезет мне в голову?», — подумал Браун. Какое-то время он молчал, любуясь — за три года эксплуатации Джессика ему совсем не надоела, её предшественниц он сдал в утиль гораздо раньше. Она в прекрасном состоянии, потому что он уже не молод и использует её редко.

— Посиди со мной немного, — неожиданно попросил он.

Джессика тут же опустилась на пол у его ног. Стивен спохватился, что, кроме его кресла, в комнате больше не на чем сидеть. Есть ещё диван, но он далеко, а хозяин велел посидеть с ним. Стивен сходил на кухню и принёс оттуда табуретку.

— Садись сюда.

Подумав, он велел кухонной системе повторить последний кофе, а затем добавил:

— И подай ещё одну пустую чашку.

Система снова начала читать морали. Стивен протянул руку и взял ладонь Джессики в свою.

— Поговори со мной.

Джессика — девочка воспитанная, никогда не начнёт разговор первой, в отличие от всей этой ужасной техники, которой напичкана квартира.

— О чём ты хочешь поговорить? — голос глубокий, бархатистый.

— Спроси, как прошёл мой день.

— Как прошёл твой день?

И Стивен рассказывает обо всём, опуская разве что совсем мелкие подробности — будто роботу может быть

интересно или неинтересно! Джессика в любом случае выслушает и не подаст виду, что ей скучно. Потому что ей не скучно, ей никак. Наконец Стивен спохватился, что перед ним уже остывает кофе, а рядом с его чашкой на подносе стоит пустая. Он протянул её Джессике и озвучил ещё одну странную просьбу:

— Делай вид, будто пьёшь из этой чашки. Просто подноси её время от времени к губам, как это делаю я.

Если бы Джессика могла удивляться, она бы, наверное, удивилась, но такой опции у неё нет. Появилась у хозяина новая фантазия — она её выполнит. Будет притворяться, что пьёт из чашки невидимый кофе и поддерживать беседу. Ещё какое-то время Стивен рассказывал о своей работе, потом вдруг умолк. Джессика тоже молчала, чашка замерла у её губ.

— А ты ни о чём не хочешь меня спросить? В смысле, от себя. Ну, к примеру, зачем всё это... Зачем мы? Может, тебе интересно...

— Нет, — честно ответила Джессика. А чего он от неё ждал?

— Улыбнись мне, — Стивен как-то страдальчески дернул губами, пытаясь подать пример. Джессика и так почти всегда улыбалась, но сейчас обнажила жемчужно-белые зубы. Выражение глаз осталось прежним, они смотрели как всегда томно.

— Музыка! — отчаянно воскликнул Стивен. В его квартире отличная звукоизоляция, он не потревожит соседей в этот поздний час, почему бы не послушать музыку? Тут же включился музыкальный центр и полилась прекрасная песня, то ли конца двадцатого, то ли начала двадцать первого века, сейчас таких не делают. Музыкант, записавший её, умер задолго до того, как Стивен Браун появился на свет, и другого такого уже не будет.

— Потанцуем? — ещё один глупый вопрос. Точнее, предложение. Эта фантазия тоже будет исполнена.

Стивен встал и протянул руку Джессике, она поднялась со своего места. Он положил её ладони себе на плечи, свои на её талию, и они медленно закружили по комнате. Джессика быстро училась, перенимая движения хозяина, хоть и танцевала впервые в жизни — её создавали не для того. Стивен неумело вёл, стараясь не наступать на ноги партнёрши, хоть она и не могла чувствовать боль. Наконец, то ли растроганный песней, то ли поддавшись внезапному порыву, вызванному особенно острым осознанием своего одиночества, он прижал её к себе крепче и поцеловал. Джессика старательно отвечала, но... с таким же успехом Браун мог поцеловаться со своим компьютерным столом, пылесосом или кофеваркой. В уголке его прикрытого глаза заблестела слеза и скатилась по щеке, он отстранился. Джессика смотрела на слезу и не знала, что ей делать, вытереть её пальцем или не надо? В её операционной системе не было инструкции, как действовать в подобных ситуациях. Слёзы — признак негативных эмоций, страданий. Хозяину плохо? Но почему? Что она сделала не так?

— Скажи мне, в чём моя ошибка, чтобы я могла её исправить и больше не повторять.

— Ни в чём, ты всё правильно делаешь. Ты умница, Джессика. Иди к себе. На сегодня ты мне больше не нужна.

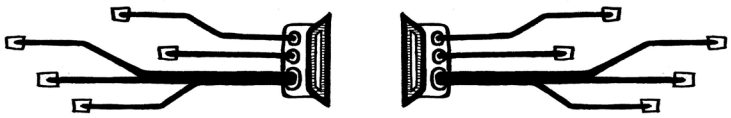
Джессика никогда не возражает. Она тут же вернулась в свою нишу и ушла в спящий режим. Перед тем, как панель скрыла её от глаз Стивена, он подумал: «Хорошо, что Джессика «спит» стоя. Если бы она лежала, это выглядело бы жутко — как мёртвая». В спящем режиме она не «дышит». Впрочем, она и не живая, живой здесь только он один, хоть уже и не чувствует себя по-настоящему живым. Браун взял со стола пепельницу и со всей дури швырнул ею о стену напротив той, за которой скрылась Джессика. Пепельница даже не раскололась — очередной очень прочный сплав, а на вид как хрусталь.

Пылесос среагировал моментально и ринулся к кучке пепла как пёс, которому бросили палку. COSY озвучила предполагаемую стоимость ремонта стены, на которой осталась небольшая выбоина, и предложила вызвать мастеров. Потом предложила записать его на прием к психоаналитику. Стивен опустился прямо на пол и свернулся в позу эмбриона, закрыв лицо руками. Он хотел почувствовать дискомфорт, твёрдость и холод пола, хоть что-нибудь! Но пол тут же стал мягче, прогрелся до нужной температуры, принял форму его тела, под головой образовалась выпуклость, имитирующая вполне удобную подушку. Всё слишком правильно. Он платит налоги государству, государство заботится о нём, в его жизни нет почти ничего плохого и вредного, зато есть множество одобренных министерством здравоохранения суррогатов. Ему не жарко и не холодно, ему тёпленько, а значит никак. Он чувствует себя живым лишь пару минут в день, когда идёт от машины к своему офису и холодный ветер швыряет ему в лицо городскую пыль. Чем Стивен лучше Джессики? У неё своя программа, у него — своя. Ему не за что бороться, нечего хотеть. Бояться, может, и есть чего, но дом-крепость всегда защитит. Его никто не ждёт, ему не с кем поговорить — люди давно перестали общаться даже в соцсетях и мессенджерах, в интернете они просто смотрят картинки. Если бы Стивен изжил наконец ту слабую потребность в общении, которая всё ещё оставалась и иногда заявляла о себе срывами вроде сегодняшнего, ему жилось бы гораздо проще.

Свет начал медленно гаснуть — хозяин принял горизонтальное положение, значит, решил поспать. Грязные чашки улетели в кухню, пылесос едва слышно гудел, разъезжая по комнате.

— Спокойной ночи, мистер Браун, — произнёс мелодичный женский голос.

Стивен тихонько выругался.



ЗАПАХ ДОЖДЯ

Morrigan S. Crows

Снова шёл дождь. Как обычно, взвыла сирена системы оповещения, призывая тех немногих, что были на улице, укрыться в безопасном уюте защитных куполов. Первые капли упали на землю, поднимая облачка пыли и пока ещё незаметные струйки дыма. Капля за каплей, струйка за струйкой, и вскоре пустынные бетонные улицы наполнились шипящими испарениями. Непроницаемая для взгляда стена воды скрадывала острые углы зданий и мигающие алым огни системы. По стеклянным шестигранникам купола сбегали к сточным желобам ядовитые ручьи.

Там я впервые увидел Её. Она стояла у самого края купола, неловко сложив руки за спиной. Респиратора на Ней не было. Пусть все и верили в надёжность дез-шлюзов и применяемых препаратов, но всё равно носили эти нелепые громоздкие полумаски не снимая. Просто так было проще, привычнее. Но не Она.

Я был настолько удивлен, почти шокирован, что никак не мог оторвать взгляд от Её лица. Перескакивал то на греческий нос с лёгкой горбинкой и россыпью веснушек, то на узкие губы карамельного оттенка, кривящиеся в полуулыбке, то на рыжие непослушные волосы. Она стояла и смотрела в дождь, будто ожидая от него ответа на так и не прозвучавший вопрос. Мне вспомнились редкие рассказы бабушки, оставшиеся от мира-до-всего-что-случилось.

Тогда я так и не подошёл к Ней, побоялся. Не подошёл и на второй, третий, десятый разы. Просто смотрел издалека, не желая тревожить Её мысли. Такой я Её и запомнил. Девушка-из-Дождя. Она то протягивала руку к стеклу, то рисовала тонким пальцем узоры на нём. Иногда Она улыбалась, хотя чаще на Её лице была почти что непроглядная печаль.

Помню, как однажды я пришёл домой и достал запыленные краски. Я уже успел позабыть то время, когда я держал их в руках, создавая на белой пустоте узор. Она, Девушка-из-Дождя, стала первым творением, вышедшим из-под дрожащей руки. Синим, как печальный дождь, и корично-золотым, как тепло давно исчезнувшего слова «осень».

Тогда мне не понравилось, я считал, что смогу лучше. Хотел порвать холст, но остановился. В прошлом таких как я называли «художниками», а потому и учили как раньше — красками на листе бумаги или закрепленном куске материи. В действительности же в мои обязанности входило лишь запечатление на микрокамеры состояния городских построек для будущих планов по восстановлению. В любом случае, новые краски были редкостью и стоили немало, как и само полотно.

Вскоре после случая с холстом я решился. Я хотел рассмотреть Её, узнать, как ложатся морщинки, когда Она хмурится или улыбается, чтобы следующий холст был достоин сохранения. После

очередного дождя Она едва не потерялась в толпе идентичных белых защитных костюмов. Я бежал за Ней, расталкивая локтями мешающихся впереди людей. Помню, что в какой-то момент я всё же упустил Её из виду. Меня захлестнуло отчаяние. Неужели я так и буду вынужден наблюдать за Ней издали во время редких встреч под дождями? Так и буду, как ненормальный преследователь, на Неё пялиться, даже не зная имени.

Я настолько глубоко погрузился в самоуничижение, что, не разбирая дороги, зашёл в ближайшее здание, оказавшееся библиотекой. За шлюзом начинался огромный зал, в котором тянулись, казалось, бесконечно длинные ряды полок с блок-книгами. У меня внезапно закружилась голова. На сияющих безупречной чистотой стенах проскакивали голо-визуализации сюжетов и моментов, голоса с выверенной интонацией зачитывали отрывки.

Я бродил и бродил, читал заголовки, пока не остановился у секции со странным названием. «Антиутопия». Она казалась меньше и будто бы более заброшенной, ни единой визуализации, ни одной голограммы. Только по краю полок бежала дорожка названий. Но именно там была Она. Наклонив свою прекрасную голову, Она отмечала что-то в рабочем планшете. Защитный комбинезон сменился на простой, рабочий, из светлой красновато-коричневой ткани. Рукава Она подкатила до локтей, замок был расстёгнут почти до пояса. Но больше всего меня поразили глаза. Глубокого орехового цвета с россыпью медовых блёсток, скрытые в глубоких усталых тенях.

Сглотнув колючий комок волнения, застрявший в горле, я попытался сделать хоть шаг. И не смог. Как только Она подняла на меня глаза, я развернулся и позорно сбежал, чуть ли не прикрывая пунцовое лицо ладонями. Отдышаться я смог только в шлюзе, пока автоматика старательно обрабатывала меня дезраствором. Впервые я почувствовал себя настолько нелепо. Мне даже вспомнились подростковые годы и первая попытка наладить отношения с предложенной системой девушкой. Это не было обязательством, но для первого опыта, как они это называли, система всегда выбирала наиболее подходящего на её взгляд партнёра.

Она была даже по-своему милой со своими чёрными волнистыми волосами и большим ртом. Больше я и вспомнить-то ничего не мог, только волосы и рот. Кажется, она еще любила древнее искусство и хотела стать актрисой в голо-фильмах. Но каждый раз, когда мы встречались, я чувствовал, нет, даже не отвращение. Безразличие. Она меня раздражала. Была слишком участливой и активной, пыталась оправдать выбор системы. Даже не жаловалась на меня, когда я вставал и уходил, не сказав ни слова, бросая её посреди встречи с такими же безликими подругами или же инспектором, в обязанности которого входило наблюдение за «адекватной социализацией». В конце концов мы с ней разошлись. И я впервые вздохнул свободно.

Возвращался домой я как в тумане. В голове всё ещё стоял тот вопросительный взгляд моей рыжеволосой музы. Должно быть, теперь Она меня возненавидела. Я привалился к стене у входа в собственную квартиру и медленно сполз на пол. Каким же жалким я был. Неспособный банально заговорить с женщиной. Сбегающий, как нервозный подросток. И я всё ещё смаковал Её черты, вплоть до капельки пота, скатывающейся по шее к ямочке между ключиц.

Потом снова были краски. Я терзал и насиловал холст кистью, чтобы хоть как-то избавиться от Её глаз в своей голове, взглянуть на Неё прямо, а не из-под век. Брызги красок оседали на всём, до чего дотягивалась моя беспокойная рука в порыве гнева на самого себя. Потом я сидел на кровати и рассматривал своё творение. Отвратительно. Снова не получилось.

Я был унижен и зол. Но именно эти эмоции заставляли меня каждый день приходить в эту чёртову библиотеку и брать книгу, любую, просто чтобы хоть краем глаза увидеть Её, медленно вальсирующую меж шкафов. Спустя месяц ко мне пришёл вкус. Я вспомнил позабытое чувство любопытства и перестал механически листать страницы. С радостью ребёнка я проглатывал всё новые и новые произведения, а по ночам представлял Её, привычного оккупанта моих фантазий, в ролях книжных героинь. Иногда принцессой, иногда ведьмой, богиней или отчаянной пираткой. Мой дом обрастал картинами. Я ловил каждую Её эмоцию и сохранял на холстах. Так мне казалось, что мы становимся ближе.

И всё же я старательно обходил ту самую секцию библиотеки, где Она меня поймала. До того самого дня, пока я не решился исследовать её сам. Описания оказались пугающе разочаровывающими. Череда критики и страданий. Только одно произведение действительно привлекло моё внимание. Книга про пересечение судеб таких разных людей, или же про одного и того же человека, и его дороги в истории, такие же чёткие, как след от облаков на небе. А потом кто-то тронул меня за плечо.

Она улыбнулась мне, поднимая выпавшую из моих дёрнувшихся рук блок-книгу. Она говорила, как сильно любит это произведение, и что могла бы назвать его своим любимым, и Её губы зачаровывающе двигались. А я с колотящимся сердцем стоял, открыв рот, и хлопал глазами, пока не сообразил скомкано и нелепо поблагодарить Её за помощь.

Её звали Авалон. И Она согласилась помочь мне с выбором. Даже сейчас я не вспомню ни единого слова из того, что Она мне рассказывала. Мой ум был слишком занят Её близостью, худобой прекрасных ловких рук, запахом пота и корицы от Её кожи. Но точно помню, что уходил я будто окрылённым, просто зная, что Она со мной заговорила.

А дома… дома я постыдно изливал похоть на холст, рисуя Её чувственные изгибы, кусая губы от ненависти к самому себе. И правда, как мог кто-то вроде меня надеяться на хоть какое-то чувство от Неё, кроме банальной вежливости?! Она, мой огненный идеал, заслуживала лучшего!

Я отбросил кисть в сторону и в ужасе рухнул на колени перед холстом. Одной своей мыслью я осквернял Её образ. По щекам катились слёзы, взгляд изучал то уродство, что вышло из-под моей руки. Приоткрытый рот и закрытые в экстазе глаза, раздвинутые бёдра и мелкие капельки влаги на них. Она была моей лишь здесь. И как же я хотел, чтобы Она была со мной хоть на мгновение дольше.

Вечером следующего дня я всё же пришёл вернуть книгу. Авалон с усмешкой спросила о моём мнении. Пришлось, переминаясь с ноги на ногу и теребя рукав комбинезона, рассказывать сюжет и те детали, что мне понравились. Не мог же я в самом деле признаться, что прочитал её всего за пару часов, а ещё ночь провел удовлетворяя себя грязной фантазией о том, как эту книгу читает мне Она? Но Она лишь удивлённо подняла брови и сказала, что ещё никто из посетителей библиотеки не замечал подобных мелочей. Настал мой черёд удивляться, ведь я смог Её хоть чем-то впечатлить. Она протянула руку к другой полке и вручила мне ещё одну книгу, попросив поделиться мнением, когда я её закончу. Тогда я почувствовал надежду.

С каждой прочитанной мной книгой мы становились ближе. Выяснилось, что у нас не так уж мало общего, если мои скромные знания и вовсе можно так назвать. Её интересовало прошлое, и всякую свободную минуту Она проводила за изучением истории. В моей голове начал зреть план. Пусть я и не смогу к Ней приблизиться в реальности, но я хочу подарить Ей пару приятных мгновений. И я, хоть и не без труда, пригласил Её в музей.

Она с готовностью согласилась. В

день встречи я был весь как на иголках. Как и бессонную ночь до этого. Я рисовал Её богиней прошлого, матерью всего мира, под стопами которой вода превращалась в чистое золото. И как же приятно и освежающе было после всех этих эмоций столкнуться с Её вежливым и незыблемым спокойствием. Мы вместе прошли через шлюз, и я краем глаза смотрел, как Она снимает шлем, облегчённо вздыхает и приглаживает взъерошенные волосы. Меня охватил приступ нежности, хотелось самому, едва касаясь бархатистой кожи, убрать непослушные пряди. Я сдержался. И мы вошли внутрь.

Признаюсь, никогда прежде, даже ребёнком, я не заходил в музей. Не представлялось возможности. Так что этот шанс я использовал на полную, поглощая все предлагаемые знания. Она шла немного позади, останавливаясь у голо-стендов с изображениями мира-до-катастрофы. Могу поклясться, один раз я даже заметил на Её лице печаль, быстро скрывшуюся за маской равнодушия. Хотя не думаю, что мне было до этого дело. За нашими спинами уже остались залы истории войн, литературы, кино. Мы подобрались к залу реконструкций, где силами историков был воссоздан кусочек старого мира. На питательном синтетическом грунте росла трава, под искусственным ветром шелестели листья деревьев, светило жёлтыми лучами солнце в две сотни ватт. На табличке было указано, что там даже шли искусственные дожди, для тех, кто хотел безопасно ощутить на своей коже падение капель воды. Мы успели как раз к началу такого.

Я выставил ладонь с растопыренными пальцами и с трудом подавил рефлекс одёрнуть её, когда первая капля разбилась о кожу. Авалон же без страха подняла лицо к своду и позволила дождю намочить Её. Казалось, Она застыла в каком-то трансе, лишь изредка размыкая веки, и с глубокой печалью смотрела в пустоту. Я спросил Её, вдруг что-то случилось. Она лишь пожала плечами и сказала, что там не пахло дождём.

Придя домой, я долго думал, чем может пахнуть дождь, если дождь — это всего лишь вода? Наши города после дождей пахли дезинфектантами и нейтрализаторами, но уж никак не чем-то эфемерным. Это Её замечание было странным. И даже в такой странности было своё нежное очарование. Почти как в вопросах ребёнка родителям, пока тот ещё ничего не знает. Я и нарисовал Её ребёнком. Угловатым худощавым подростком, с острыми коленями и тонкими запястьями, в белом платье и с лентой на ярких волосах. Она сидела под деревом в парке из прошлого и смотрела в дождь. Наверное, тогда я ощутил небывалую заботу, потому как, заканчивая картину, я всего лишь мягко улыбался, а не с трудом сдерживал свои инстинкты.

Странные вещи Она со мной творила. Или же я с Ней. А может, мы оба, и просто не подозревали об этом. Она, танцующая на кончиках пальцев по моей натянутой, как струна оголённого нерва, душе — или же я, то превозносящий Её образ до небес, то топящий в самой чёрной грязи, которую мог исторгнуть мой больной разум. Каждый раз умирающий и оживающий в Её присутствии. Моей огненной феи, хотя как я мог называть Её своей?.. Видимо, так и предстояло мне мучить себя напрасными ожиданиями и надеждами, пока Она жила бы в счастливом неведении.

Я не решался даже намекнуть Ей о своей симпатии, как я решил её назвать, если представится случай. Мы говорили о книгах, прошлом, фотографии и мире-до-всего. Она улыбалась мне, и в Её глазах плясали медовые звёзды. А когда Она смеялась, мне казалось, что звенит сотня маленьких колокольчиков. И каждый раз Её эмоции становились тем ярким пятном в беспросветно-сером мире, за которое так упрямо цеплялось моё воображение, когда я вставал за холст.

Уже и не вспомню, когда, но после одной из встреч, затянувшихся почти до самого комендантского часа, Она, скромно опустив глаза, предложила мне поехать с Ней. У меня на мгновение остановилось

сердце, а мозг кричал в отрицании и предвкушении одновременно. Мои губы неподконтрольно сознанию пролепетали что-то о том, что я согласен, пока сам я пребывал в состоянии глубокого шока.

Во рту моментально пересохло, внутренне я насмехался над неловкостью собственных рук, когда попытался Её обнять, над нелепостью того, как двигались мои губы при поцелуе. С трудом, но я отогнал навязчивую мысль о том, что вот-вот запятнаю Её своим отвратительным естеством. А Она танцевала над моим телом, изгибаясь, подобно языческой жрице, и волосы Её вспыхивали огнём. Я с благоговением ласкал светлую бархатистую кожу на подтянутых бёдрах, такую же, но в россыпи мелких коричневых веснушек, на груди, немного огрубевшую — на руках. И всё никак не мог поверить в реальность происходящего. Потом, спустя час или, может быть, несколько, Она потянулась, как сытая кошка, и с мягкой усмешкой сказала, как же Ей со мной повезло.

С того я дня я понял, что попал в неизлечимую зависимость от Неё. Она занимала всю мою жизнь, от снов до реальности. И я был счастлив. С каждой картиной, с каждой нашей встречей, я всё сильнее ощущал, как растворяюсь в Ней, а Она во мне. И всё чаще находил у Неё новые чудачества. Например, Её язык, ничуть не менее красивый, но странный и непривычный, будто бы из прошлого века. Или Её необъяснимая любовь к цветущим растениям. Будто бы в наблюдении за ними был хоть малейший интерес. Поддавшись этой Её странности, я нарисовал ещё одну картину. Авалон лежала на ложе из цветов, прикрытая опавшей листвой. Жаль, что так Ей и не показал. Возможно, показать эту было бы меньшим стыдом, чем ту, которую Она нашла. Это был грубый набросок, который я сделал карандашом на оборотной стороне ненужного уже документа, пока Она спала. Я в ужасе смотрел, как Она берёт его своими прекрасными пальцами и как Её глаза скользят по поверхности листа. Я поспешно выхватил листок и спрятал между книг, что-то бормоча о бездарности работы и том, что я мог бы лучше. А Она лишь рассмеялась и сказала «к чёрту!», Ей и так нравилось.

К чёрту… я несколько дней ломал голову над тем, что это могло означать, искал в книгах пояснения, хоть и безуспешно. Боялся, что Она меня засмеёт, если спрошу. И всё же спросил, после очередной нашей близости. Довольная и задумчивая, Она перевернулась на спину и начала всматриваться в потолок, а потом заговорила. Когда Она была маленькой, Её бабушка рассказывала, что раньше люди верили, что мир был создан кем-то, кого они назвали Бог. Он же, кроме мира для нас — людей, создал ещё два, куда наши «души» должны были попасть после смерти. Рай и ад. В раю были ангелы, в аду — черти, и фраза «к чёрту» означала, что Она никогда больше не хочет о чём-либо слышать или говорить, потому что неприятным мыслям самое место у чертей в аду.

Вся эта сказка показалась мне тогда полной нелепостью. Я смотрел на Неё широко раскрытыми глазами, на то как двигаются Её губы, произнося совсем незнакомые слова, и думал: как же так, как могли настолько близкие к нам люди верить в подобную глупость. Люди, что научили нас строить защитные купола и фильтровать воздух от частиц немногим больше молекул, что дали нам знания о контроле погоды и приближении катастроф — верили в то, чего не могли доказать.

Я захохотал и назвал это глупостью. Она обиженно надулась и ответила, что мне совсем не обязательно начинать в это верить. А я обнял Её и прижался губами к прохладному лбу, говоря, что ради Неё готов поверить в любую бессмыслицу.

Всё шло своим размеренным чередом. В какой-то момент я даже задался вопросом, не предложить ли Ей узаконить наши встречи. Однако вспомнив о своих картинах, решил немного повременить с принятием этого решения. Мне следовало

либо избавиться от них, либо хоть как-то Её подготовить. Поставь я Её перед фактом, что уже столько времени уже считал Её частью своей жизни, это могло сыграть злую шутку, и она бы сбежала. А этого я никак не мог бы допустить. Даже не из чувства собственничества, а скорее от осознания грядущей безысходности.

Однако…

В один день всё оборвалось. И, как бы мне ни хотелось, чтобы всё было иначе, я узнал об этом из новостей. Не то, чтобы я часто их смотрел или был большим любителем, но, появляясь в главном здании, я не мог не обращать внимание на круглосуточно вещающий в прямом эфире голо-экран размером с добрую половину купола. Я сдавал очередной отчёт о состоянии куполов и тоннелей в дальних секторах города и краем уха слушал сводку погибших. Обычное дело, одним телом больше, одним меньше, мир жесток и неидеален, нечего зазря скорбеть. Сообщение о погибшей женщине будто выдернуло меня из транса.

Нарушение режима. Самовольная разгерметизация. Отказ от выполнения прямого приказа прибывшей группы зачистки. Расстрел.

Фейт Авалон, двадцать семь лет, работник библиотеки.

Её звали Авалон и она любила прошлое. Любила дожди, книги, живые цветы и сказки старого мира. Весь этот чёртов хлам, который забрал Её у меня.

Я почувствовал, как время вокруг меня замерло, свернулось спиралью,

каждое движение будто бы растянулось на вечность. У меня подкосились ноги, но тело всё никак не встречалось с полом, словно и гравитацию тоже отключили. Как такое могло произойти, почему? Упрямое тело рывком втянуло густой, как антисептический гель, воздух. Возможно, я заплакал. Или закричал. Я не знаю. Быть может, я умер в тот же момент, как услышал о Её смерти, а всё дальнейшее было лишь агонией в том самом аду, о котором Она мне рассказывала.

До Её дома я добирался как в бреду. В глубине души я знал, что это бесполезно и мне не вернуть Её, даже не попрощаться, но разум в бешенстве требовал, чтобы я проверил, узнал, увидел собственными глазами. Вдруг это все лишь дурная шутка. И эта надежда разбилась вдребезги, когда я увидел группу чистильщиков, выходящих из Её блока. Я опоздал. Место, бывшее моим святилищем, выскоблили до хирургической чистоты. Если уж кто-то умирал, то от него не оставляли следов. Ведь мёртвые не должны мешать живым.

Впервые я ощутил такую бессильную ярость. На прошлое, которым Она так восхищалась, на книги, на систему, которая вырвала Её из моих рук, и на себя — за то что, увидев в первый раз, я сразу же не посадил Её под замок, где Она была бы в безопасности! Да, я мог её спасти, мог Её сохранить, у меня было столько возможностей оставить Её рядом, но я прикрывал своё слабоволие уважением!

В мой больной разум закралась мысль: а была ли Она? Ведь, возможно, я Её выдумал, сходя с ума от одиночества, скуки и бесконечной серости. Меня охватил ужас. Чем я занимался последние несколько месяцев? Рисовал абстрактные фигуры из головы? Тёрся о подушку, представляя женское тело? Придумывал разговоры? Не мог же я в самом деле настолько тронуться рассудком. Мои картины были реальны, я знал это, но кого я рисовал?

Пока система старательно дезинфицировала защитный костюм, я стучался лбом о стену, не зная, чего ожидать после открытия двери. Хоть на одной картине должно быть Её лицо, так ведь? Если у Неё будет лицо, значит ли это, что я не совсем спятил? Или Всё же свихнулся, отрицая Её смерть, и просто пытаюсь отсрочить неизбежное? Я не знал, что обёрнется большей болью — осознание собственного безумия или чувство потери.

Картины встретили меня запахом краски и взглядами десятков пар ореховых глаз. По щекам покатились слёзы. Я помнил Её лицо, знал, что Она была реальна. А я просто взял и упустил Её, позволил Ей уйти! Той единственной, которая привносила краски в мою ничтожную жизнь той, благодаря кому в ней был хоть какой-то смысл! Из-за моей ошибки Она умерла!

Картины всё смотрели и смотрели на то, как я кругами ношусь по комнате, выворачивая из ящиков весь хлам в отчаянных попытках найти что-то, принадлежавшее Ей. Но ничего не было. Она была до одержимости аккуратна и ничего не оставляла, кроме своего образа на моих холстах. Я закричал и ударил стену. Осознание одиночества наконец меня догнало, и от его ледяного дыхания замирало сердце. Я привалился к стене и наконец расплакался, вытирая слёзы рукавом.

Её больше не было. Это был конец, мне надо с этим смириться. Но как, если Она так глубоко пустила корни мне в душу, если Её образы были повсюду вокруг меня? Нет. Нет, Она не могла умереть. Вот же Она, прямо передо мной — живая, дышащая, яркая! Вот ей весело, вот Ей грустно, вот Она в раздумьях. Всё же хорошо, да, Она всё ещё со мной!

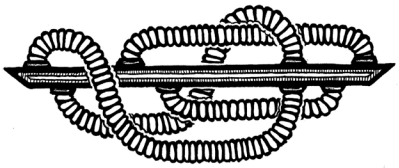
Я бросился к картинам, лихорадочно срывал с них покровы, расставлял вокруг себя, гладил пальцами мазки краски и шептал что-то утешительное. Смеялся, если смеялась Она, и плакал, если Она плакала. В самом центре я поставил последний Её портрет. На чуть раскрытых

губах блуждала мечтательная усмешка, пальцы запутались в рыжих кудрях, коричного цвета соски напряглись от прохлады.

Закрыв глаза, я в поцелуе припал к Её губам, вспоминая их вкус, и ни один наш поцелуй ещё не казался мне таким горьким и сладким одновременно. Я будто бы решился наконец рассказать Ей о всех своих чувствах. Мои руки привычно подхватили Её за бёдра, я почувствовал, как Она обняла меня длинными, как вечность, ногами. Стоило мне открыть глаза — и иллюзия бы разрушилась, рассыпалась на сотни осколков. Она жадно отвечала на поцелуй, тяжело выдыхая мне в губы. По моей щеке снова покатилась слеза, и Она легко смахнула её прочь.

В Её глазах снова заиграли игривые янтарные блёстки, разгоравшиеся в пожар. Я почти чувствовал, как горю под Её ладонями, скользящими по моей спине с каждым толчком. На самом пике Она застонала, сдавив меня до боли в объятии. Таком сильном, что у меня перехватило дыхание, и в груди всё сжалось. Я пришёл в себя мгновение спустя, лёжа рядом с Ней на траве под деревом. Шёл дождь.

Он пах свободой.



СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ

воскресенье

Однажды ты открываешь глаза, и первое, что ты видишь — это багровые блики на металлическом чреве. Не оборачиваешься. Выходишь из тускло освещённого переулка. Нет памяти ни о чём, ты как ребёнок, чистый лист, но можешь ходить, знаешь слова «тускло», «ребёнок» и «переулок».

С изогнутого потолка капает жидкость. Переливающаяся, похожая на кровь, но ты думаешь, что это ржавчина, и полуосознанно отмечаешь: нужно посмотреть поближе. Но тебя зовут дальше.

Пока идёшь, смотришь по сторонам. Шаг, ещё два, ещё три; в пластинах стен коридора отражается движение, ты видишь только красноватые пятна. Тебе и не нужно точнее.

На перекрёстке встречаешь двух людей: одетых в рабочие комбинезоны людей, вымазанных в чёрном масле. Это твои братья. У одного из них, более старого, брезгливо поджались губы, он даже не смотрит на тебя. Мужчина помоложе занят починкой осветительной сферы. Она резко вспыхивает, и вы все вздрагиваете от неожиданности.

Не замедляешь шаг: ты знаешь, куда нужно идти.

На мгновение задумываешься, почему твой комбинезон так потрёпанно выглядит по сравнению с их.

В боку резко колет. Ты хватаешься за него, а потом отнимаешь руку — и часть ладони с чвакающим звуком остаётся на одежде.

Ты не чувствуешь боли.

На стенах никаких отметок, ориентируешься по наводкам нутра. Даже не нужно задерживаться на развилках коридоров: тебя тянет в нужном направлении.

Грязный хлюпающий пол пружинит под твоими слабыми ногами. Ты слышишь всё словно с задержкой. Скоро ты перестаёшь слышать хоть что-то.

Чувствуешь, как по щеке что-то течёт. Одновременно с этим ты перестаёшь видеть правым глазом, и остаётся только левое подпространство, где есть лишь стена. Впереди не видно ничего, поэтому приходится повернуть голову направо и идти так.

Тянешься стереть вытекший глаз грязным рваным рукавом и отмечаешь, что между третим и четвёртым — последним — пальцами появилась большая кровоточащая трещина.

Ты не знаешь, сколько ещё осталось, но скоро доходишь до той самой круглой двери.

Рядом с ней стоит нечто. Это тоже твой брат. У него две ноги, две отростка на месте рук. Вместо глаз красные засохшие полоски на землистых щеках, и ты знаешь, что выглядишь так же. Нос вогнут — оно с трудом вдыхает горячий воздух.

Вы вместе толкаете и открываете дверь, вываливаясь в огромное пространство, в котором поднимаются и опускаются геометрические механизмы. Повсюду, скрючившись, сидят твои братья, повсюду висят то тусклые, то светящиеся сферы.

Братья постарше ещё выглядят похожими на людей, а твои ровесники — как живые развалины, но это не имеет значения. Они все выполняют свои роли, даже если Мать выращивает их с каждым разом всё более искажёнными.

Теперь и ты, наконец, пришёл сюда.

Твоя сфера пустая и тёмно-серая. Безжизненная. Ты помнишь, что нужно делать дальше.

Твои руки сами нащупывают детали механизма из внутренностей сферы, подправляя, вкручивая. Твои органы отказывают один за другим, но перед тем, как вытекает второй глаз, ты успеваешь увидеть яростный красный свет сферы. Ты сделал то, что от тебя просила Мать.

И пока ты доделывал свою работу, то вспомнил, что это не первый раз, когда ты сюда приходил.

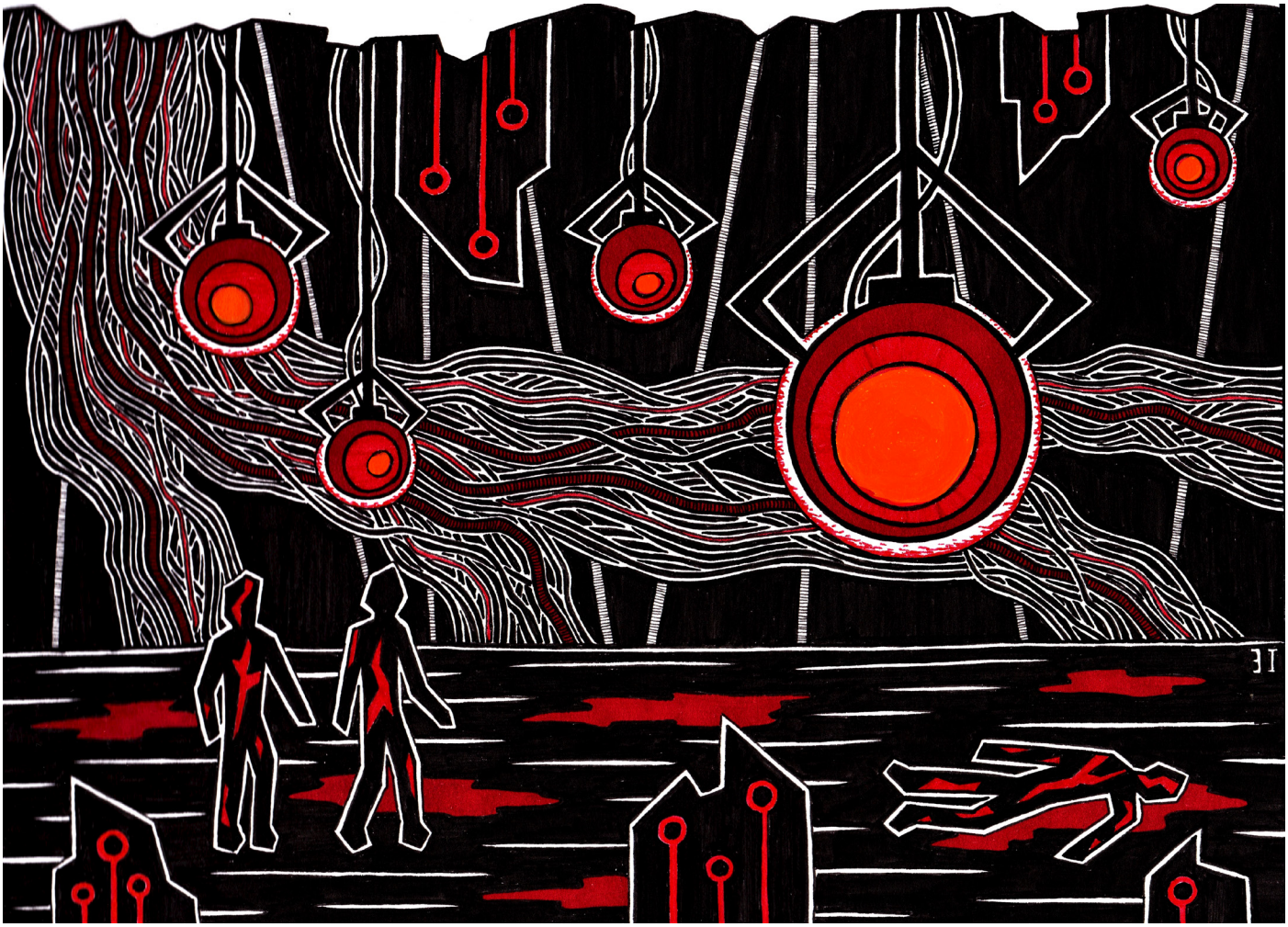
Ты чинил эти сферы даже сто жизней назад.

Чувствуешь усталость: осознаёшь, что Мать отправит тебя сюда опять. И, как блудный сын, отползаешь в противоположном направлении от резервуаров Матери. Ты не хочешь проживать жизнь ещё. Здесь полно другого биоматериала, она справится и без тебя.

Ты разваливаешься на части в каком-то тупиковом коридоре, похожим на ту область чрева, где осознал себя в последний раз. Ты думаешь, что свободен.

Скоро за тобой приходят твои братья, которых Мать создала специально, чтобы забрать тебя. Твои останки сгребают в контейнер и кидают в резервуар с мёртвой плотью.

Однажды ты открываешь глаза, и первое, что ты видишь — это багровые блики на металлическом чреве.



ВОЗНЕСЕНИЕ ЕВЫ

Анорико Муросаки

Ли Вонг смотрел на лабораторный стол и думал о похоронах. В любом эксперименте, который начинался с мышей, всё заканчивалось человеком. И всегда был шанс неудачи, а это означало — похороны. Доктор Вонг ненавидел похороны. Какими эти будут по счету?

Его ассистентка, Лина Аранг, стиснув кулаки, сверлила взглядом прозрачный саркофаг, которым был накрыт стол. Под ним лежала молодая девушка — чуть моложе неё. На её лице застыло безмятежное выражение спящей. Но приборы, фиксирующие электрическую активность мозга, не фиксировали ровным счетом ничего, хотя действие ганглиоблокаторов уже закончилось. На втором столе, соединённым с первым проницаемой перемычкой, находилась серебристая капсула, наполненная специальным гелем. В ней покоилась точная копия мозга девушки. Клетка за клеткой, связь за связью его копировали крошечные роботы, рой которых напоминал облако пыли. Вокруг дубликата находились имитации желез, которые должны были обеспечивать лишённому тела сознанию возможность хоть что-то чувствовать и производили нужные нейромедиаторы. Правда, лабораторные мыши так и не сообщили ни Вонгу, ни Аранг, помогло ли это им хоть чем-то. Приходилось двигаться вслепую.

Чтобы скопировать мозг, вечно активный, постоянно изменяющийся, его приходилось погружать в глубочайший наркоз, прерывая связь между нервными клетками, и раз за разом вводить порцию ганглиоблокаторов, пока работа не будет завершена. Никакая подготовка не могла помочь понять, выдержит ли он такую процедуру.

— Отключайте систему жизнеобеспечения, — бесцветным голосом скомандовал доктор.

Рой, который до этого метался сквозь перемычку от одного мозга к другому, окружил капсулу. Он переливался, беспрестанно двигаясь, как миллионы суетливых пчёл вокруг матки.

— Мне кажется, она просыпается, — Лина оторвала взгляд от лица девушки и перевела его на приборную панель. — Роботы должны были отключиться, но…

— Это ваша первая смерть, доктор Аранг? — в голосе Ли слышалось сочувствие. — С этим трудно смириться, но мозг нашей подопечной мертв. Мы можем поддерживать её тело, правда, это не имеет никакого смысла. Мне очень жаль, вероятность успеха была изначально невелика.

— Вы верите в переселение душ? — тихо спросила Аранг. — Смотрите. Она просыпается.

На панели, которая мониторила состояние мозга-дубликата, бежали колонки цифр, описывая красочную визуализацию. Схема мозга то тут, то там озарялась вспышками света, знаменуя восстановление нейронных связей.

***

— Назовите себя.

— Меня зовут Ева Мэнсон.

— Сколько вам полных лет?

— Двадцать пять.

— Какое ваше последнее воспоминание?

— Доктор Аранг помогает мне улечься на лабораторный стол и подключает системы мониторинга и жизнеобеспечения. Я засыпаю… Это вы, доктор Вонг? Вы звучите обеспокоенно. Эксперимент прошел успешно? — синтетический голос действительно был похож на голос Евы, даже интонации совпадали. С каждой фразой он звучал всё более естественно.

Ли вздрогнул.

Они подключили капсулу к сенсорному блоку, но решили действовать постепенно. Пока у дубликата были только слух и возможность говорить.

— Давайте пока придерживаться протокола, — оправившись, продолжил доктор.

— Я… Хорошо, доктор.

— Назовите свой проект и номер.

— Я — участница проекта «Ковчег», номер 23а, группа 4.

Доктор потёр переносицу. Ему казалось, что он бредит. Вот она — Ева, но он сам передал тело Евы в морг. И тем не менее это серебристое яйцо утверждает, что оно — Ева. Трудно хоронить того, кто с тобой разговаривает.

— Давайте обратимся к более ранним воспоминаниям. Как зовут вашу мать? Вы помните её?

— Мою маму зовут Рэбекка Мэнсон, в последний раз я видела её четыре года назад. Мы… поссорились, когда я решила принять участие в проекте, — голос Евы погрустнел. — Я пыталась с ней связаться, но она не дала мне такой возможности. Доктор?..

— Да, мисс Мэнсон?

— Почему я ничего не чувствую? Всё прошло успешно? Я в камере? Что случилось?

На мониторе отразился рост уровня бета-волн, свидетельствующий о том, что мозг Евы находится в состоянии, близком к панике. Доктор лихорадочно думал о том, что сказать, избегая фразы «ну, знаете, в некотором роде вы умерли».

— Всё хорошо, Ева, не волнуйтесь. Вы не в камере сенсорной депривации, но именно к такому состоянию вас готовили тренировки в ней. Эксперимент прошел успешно, хоть и не так, как мы ожидали, — перед лицом Ли снова встало мраморное лицо Евы, накрытое охлаждающей простынёй. — Постепенно все чувства должны к вам вернуться. Но сейчас мы их искусственно ограничиваем, чтобы у вас не случился шок.

— А… Хорошо. Спасибо, доктор.

Уровень бета-волн постепенно снизился.

— Скоро вы снова уснёте. А когда проснётесь, придёт время новых тренировок, — мягко сказал Ли, продолжая успокаивать свою подопечную.

Хотя сейчас он бы всё отдал за то, чтобы кто-то попробовал успокоить его самого.

В целом эксперимент действительно удался, кроме двух существенных деталей. Никто не ожидал, что оригинал личности погибнет в процессе, оставив при этом полноценный дубликат. И рой. Рой не отключился, он продолжал кружить вокруг капсулы, будто разум Евы сделал его частью себя.

***

Идея «Ковчега» была отчаянной и смелой. Несмотря на все ухищрения по контролю за популяцией, перераспределению и вторичной переработке ресурсов, Земля, а следом за ней Венера, Марс и Ио истощались. Человечеству становилось тесно в корсете

из облака Оорта. Да и Солнце, ласковое, золотое солнышко, термоядерный отец всего живого, всё ближе подходило к своему последнему рубежу. Случайная вспышка могла стерилизовать планету в любой момент. А технологий по отправке людей к далёким звёздам — единственного способа сохранить вид — всё ещё не было. И в какой-то момент времени лучшие умы мира собрались и постарались найти ответ на один из извечных вопросов: а что, собственно, такое — человек? Кого отправлять в космос? Ответ получился простым и сложным одновременно. Человек — это тип мышления, и определяет его разум. А разум — это память, надежда и мечта.

Но ни один человек не сможет прожить достаточно долго, чтобы возглавить экспедицию по поиску и колонизации пригодной для жизни планеты. Да, конечно, технологии кодирования генома, ре- и деконструкции генетического материала и клеточного омоложения существенно продлевали жизнь, но что такое двести, даже триста лет в рамках необъятной непредсказуемости космоса? И человеческое тело всё ещё оставалось слишком хрупким и ресурсоёмким для бесконечного дрейфа в поисках подходящей звёздной системы.

Начались попытки оцифровать человеческий разум, и результаты получились предсказуемо пугающими. Чтобы помнить, надеяться и мечтать, оказалось слишком мало цифровой модели. Отсутствие возможности чувствовать и испытывать эмоции превращало цифровые дубликаты в холодные, беспомощные и несколько нелепые архивы воспоминаний, лишённые амбиций и вдохновения. Как может такая пародия на разум принимать решения? Оказалось, что единственный способ отправить в бесконечное путешествие человека — всё-таки использовать человека.

Проект был практически завершён. Размеры роботов-сборщиков, способных собрать всё — от молекулы до литейного цеха, — довели до минимально возможных, в банках данных хранились коды геномов тысяч и тысяч бактерий, растений и животных, были отобраны геномы людей, подходящих для создания автономной человеческой популяции, но до сих пор не было пилотов. И тогда решились на то, чтобы попробовать компромиссный вариант. Что если взять человеческий мозг, обеспечить его необходимыми сопутствующими системами и омолаживающим комплексом, и создать для него симулятор тела, чтобы не лишать его человечности? Для этого требовались особые люди, люди с развитым воображением, бесстрашные и пылающие энтузиазмом. Ева вызвалась добровольцем.

Тренировки были беспощадными. После шести часов в камере сенсорной депривации Ева кричала, плакала и умоляла, чтобы её выпустили. Шум крови, пульсирующей в венах, доводил до исступления. Только шум крови и больше ничего — ни вспышки света, ни переливов вкуса на языке, ни возможности провести пальцем по чему-нибудь, имеющему плотность и текстуру — девушка сходила с ума. Но она выдержала. Были и более приятные упражнения. С помощью нейроинтерфейса она научилась управлять сначала экзоскелетом, который заменял ей собственное тело, потом — экзоскелетом с дополнительными частями. Она научилась летать, как летучая мышь и как птица, цепляться хвостом за ветки, как гиббон, а в её мозгу возникали и крепли новые связи, делая её разум гибким и приспосабливающимся. Ей не нужны были знания по астрономии или аэродинамике, ей нужен был разум, способный справиться с любой новизной, освоить любую информацию и принять решение. И она справлялась с этим.

***

— Я думаю, что пора подключать блоки памяти, — доктор Вонг выглядел, как человек, который не спал несколько дней,

потому что, по большей части, так оно и было.

Ева была несколько напряжена, но в целом её состояние было стабильным. Она всё ещё думала, что находится в камере, правду ей сообщать не решались. Её оставили в лаборатории, но, чтобы скрасить её пребывание там, в динамиках то играла музыка, то раздавался шум волн, то звуки леса.

— А она готова? — в голосе Аранг звучало глубочайшее сомнение.

— Готова или нет, это всё равно придётся сделать. У нас, в конце концов, есть чёткие инструкции. Не вижу смысла давать Еве экзоскелет и делать вид, что она всё ещё обычный человек, — ответил доктор.

В глубине души он так и не смог ответить на вопрос, чем было создание, заключённое в аккуратную серебристую капсулу, поэтому старался об этом не думать. Если сама Ева считает себя человеком, то кто он такой, чтобы спорить. Говорить ей о теле, которое сейчас остывало в морге, Вонг не собирался.

— Ну, это её развлечёт на некоторое время, — согласилась Лина.

Искусственные интеллекты, которые отвечали за разные блоки памяти, были довольно капризными и обладали чем-то вроде характера. В подключённом к мозгу виде они превращались во что-то вроде интуиции, возведённой в абсолют. Человеку не надо было рассчитывать траекторию разгона через гравитационные ямы или азотно-кислородный баланс для планеты с заданными параметрами, он просто знал ответ. Всеми расчётами занимались «Кора», «Персефона» и «Геката» — операторы баз. Их искусственные интеллекты были объединены в сеть, чтобы при получении спорного результата решение принималось методом простого большинства. А базы содержали все знания человечества, которые удалось оцифровать. Но, как и любое создание, получившее имя, операторы могли своевольничать, врываясь в чужое сознание едва уловимыми образами, склоняя на свою сторону, если находились в меньшинстве, нашёптывая и уговаривая. Требовался определённый опыт, чтобы отличить их вмешательство от собственных мыслей. Конечно, Ева уже общалась с операторами, но тогда она обладала полноценным телом, поэтому чужеродность мыслей легко замечалась ею и она со смехом отправляла «девочек» грызться между собой, принимая окончательное решение самостоятельно. Но сейчас… Сейчас у Евы были только воспоминания о теле, и защита, которую оно давало, могла ослабеть.

Лина Аранг переключила динамик.

— Добрый день, Ева! Как ваши дела?

— Здравствуйте, доктор Аранг, — вежливо поздоровался женский голос. — Мне немного скучно, поэтому я стараюсь спать побольше. Но я не уверена, что у меня получается.

Голос звучал озадаченно.

— Тогда у меня хорошие новости. Я подключаю к вам блоки памяти с полным доступом. Теперь вы сможете узнать всё, что захотите, о проекте «Ковчег». И про космический корабль тоже.

Ева издала невнятный звук радости.

— Вводите ацетилхолин и подключайте, — скомандовал Ли.

— Кстати, доктор Вонг хочет вам кое-что сказать о вашем текущем состоянии, — Аранг стрельнула взглядом в мужчину, но он отвернулся.

— Вы отлично справляетесь, Ева. Приятно с вами работать, — безжизненно произнес Вонг, глядя в пол.

***

Ева бредила космосом с самого детства. И с самого детства знала, что никогда не покинет Землю даже как туристка — у неё было слишком слабое здоровье. Поэтому она удовлетворяла

свою одержимость всеми доступными способами — собирала атласы звёзд, часами просиживала, смотря трансляции с допотопных оптических телескопов (научной ценности они уже давно не имели, но всё ещё были распространены, как часть эстетической культуры), рисовала, даже иногда сочиняла стихи. Из-за этого Ева прослыла чудачкой, и друзей у неё не было. Мать и врач — вот и весь круг общения. Когда она узнала про программу «Ковчег», её радости не было предела. Всё, что требовалось для того, чтобы в неё попасть — решить ряд головоломок. Никаких спортивных нормативов, никаких физических испытаний. Головоломки были коварны. Чтобы получить заветные контакты, Ева потратила полтора года. Ей приходилось изучать новое, копаться в архивах, расшифровывая отсылки, угадывать, придумывать и изобретать. Но, в конце-концов, у неё получилось.

Когда она объявила матери, что уезжает, чтобы стать частью космической программы, разразился жуткий скандал. Рэбекка кричала и плакала, обвиняя дочь в том, что она думает только о себе, что она такая же, как и её отец, ветреная эгоистка. Сердце Евы разрывалось на части, но она была непреклонна. Кому захочется прожить всю жизнь в затворничестве, пожертвовав заветной мечтой, просто чтобы матери было чем заняться? В конце концов, это её жизнь, и только она сама решает, на что её потратить.

Когда люди из проекта приехали забрать Еву, Рэбекка прокричала ей вслед, что теперь она всё равно что умерла, и хлопнула дверью. Больше Ева с матерью ни разу не общалась. Она пыталась ей звонить и писать, но все её попытки выйти на контакт остались без ответа.

Базы «Ковчега» были разбросаны по всему миру. Та, на которую отвезли Еву, находилась в живописной глуши, но девушка не знала, где именно. Приняв решение участвовать в проекте, она отдалась на волю судьбы и не задавала вопросов. Изоляция и минимальный контакт с персоналом её не тревожили — Ева привыкла к затворничеству и была этому даже рада. Хоть что-то было привычным в этом новом мире, вставшим с ног на голову. Последние три года, когда подготовка вышла на завершающий этап, Ева не общалась ни с кем, кроме своих кураторов — Ли Вонга, пожилого мужчины с безграничным терпением, и Лины Аранг, энергичной девушки немногим старше её самой. Социальные контакты ограничивали специально, ведь в будущем пилотам «Ковчега» пришлось бы обходиться без человеческого общества очень и очень долго. Ева знала, что она не единственная в своем роде — где-то там, далеко-далеко от неё, молодые юноши и девушки точно так же изнуряли себя тренировками, чтобы вознести человечество к звёздам. Быть частью великого, ощущать себя не слабым бесполезным паразитом, а ценностью, — девушка иногда посмеивалась над своей наивностью, но эти мысли помогали ей не сдаваться. И она увидит звёзды!

***

Вонг и Аранг спускались в морг.

— Вы знаете, прошла уже неделя. Нужно принимать решение, — тихо сказала Лина. — Хотя бы её мать проинформировать…

— Не вижу в этом смысла, — ответил доктор. — И да, решение я принял. Можете считать, что оно продиктовано… мистическими соображениями, но ответственность за него лежит на мне.

Несмотря на то, что лаборатория и кампус 23а/4 были частью большого научного комплекса, людей здесь встретить было практически невозможно, а сам морг был полностью автоматизирован.

— Просто мне нужно ещё раз посмотреть на тело, чтобы убедиться в правильности своего решения. Может, я наконец смогу выспаться, — последняя фраза была сказана так тихо, что Лина едва её расслышала. И посчитала уместным сделать вид, что не расслышала вовсе.

Найдя нужный отсек, доктор Вонг ввёл код, и тело мягко выехало на выдвижном столике. Доктор долго смотрел на него, странное мраморное изваяние, которое не давало ему покоя. Потом вздохнул и толчком отправил стол обратно.

— Что мы будем делать?

— Это не Ева Мэнсон, — лишённым интонаций голосом ответил Ли Вонг. — Это всего лишь тело. Джейн Доу, если угодно. Кадавр. Я передаю его институту нейрофизиологии с полным отчётом, они будут в восторге. Ева Мэнсон спит в лаборатории, и скоро наступит час её истинного пробуждения.

Лина помолчала немного.

— Как скажете. Я ещё раз проверю отчёт, чтобы быть уверенной, что мы ничего не пропустили.

— Спасибо, что сходили со мной, Лина. Вы мне очень помогли.

***

Ева чувствовала смесь страха и ликования. Её новое тело было удивительным — она видела электромагнитный узор, обнимающий землю, ощущала малейшие колебания воздуха, различала мириады оттенков, для которых человечество не придумало и никогда не придумает названия. И вот оно — звёздное небо над головой, надо только подождать, потерпеть ещё немного, и она коснётся его и сама станет его частью.

Под её телом вибрировали, набирая мощность, пусковые двигатели, которые выбросят её за пределы атмосферы. Она рассмеялась про себя тихим счастливым смехом и позволила себе оглядеться вокруг. На безопасном расстоянии от стартовой площадки собралась огромная толпа людей. Сосредоточившись, Ева могла бы услышать каждый разговор, но она не хотела. Ей было достаточно слышать омывающий её гомон и купаться в волнах восхищения и трепета, которые вызывала её персона.

Задумавшись, она поняла, что от неё чего-то ждут. Речь? Но она никогда не умела говорить на публику. Впрочем, это уже не имеет значения.

— Прежде, чем попрощаться, я хотела передать спасибо докторам Вонгу и Аранг, которые сделали возможным моё путешествие. И хотела сказать маме, что я её люблю. А теперь, — звонкий женский голос разлетелся над стартовой площадкой, перекрывая гул двигателей. — Теперь — посмотрите на небо. Скоро на нём зажгутся звёзды и среди них будет одна особенная. Не самая яркая, но похожая на Солнце. Звезда, которая будет служить обещанием, что даже когда Солнце погаснет, люди будут жить. И я найду её! Обещаю вам.

***

Ли Вонг не поехал на запуск первого корабля проекта «Ковчег», хотя ему выдали приглашение на одно из лучших мест. В конце концов, этот триумф принадлежал и ему тоже. Когда закончилась трансляция, и Ева взмыла в небо, Ли выключил экран и уставился в потолок. Пока Ева не вылетит за пределы Солнечной системы, с ней ещё можно будет поговорить и попрощаться, если у него возникнет такое желание. Сон, который давно ускользал от него, навалился всей тяжестью, и с дивана в комнате для отдыха раздался блаженный храп.

Когда Лина вернулась с церемонии запуска, она отметила, что доктор Вонг выглядит посвежевшим. Он сосредоточенно проверял отчёты, которые собирался отправить остальным кураторам проекта. Ева Мэнсон была первой, но предстояло подготовить ещё не одного пилота, так что важность их работы было трудно недооценить.

— Здравствуйте, доктор Вонг, — неожиданно серьёзным голосом поздоровалась Лина. — Жаль, что вас не было на запуске. Ева была великолепна.

Вонг кивнул, отвечая на приветствие.

— Вы же знаете, я терпеть не могу

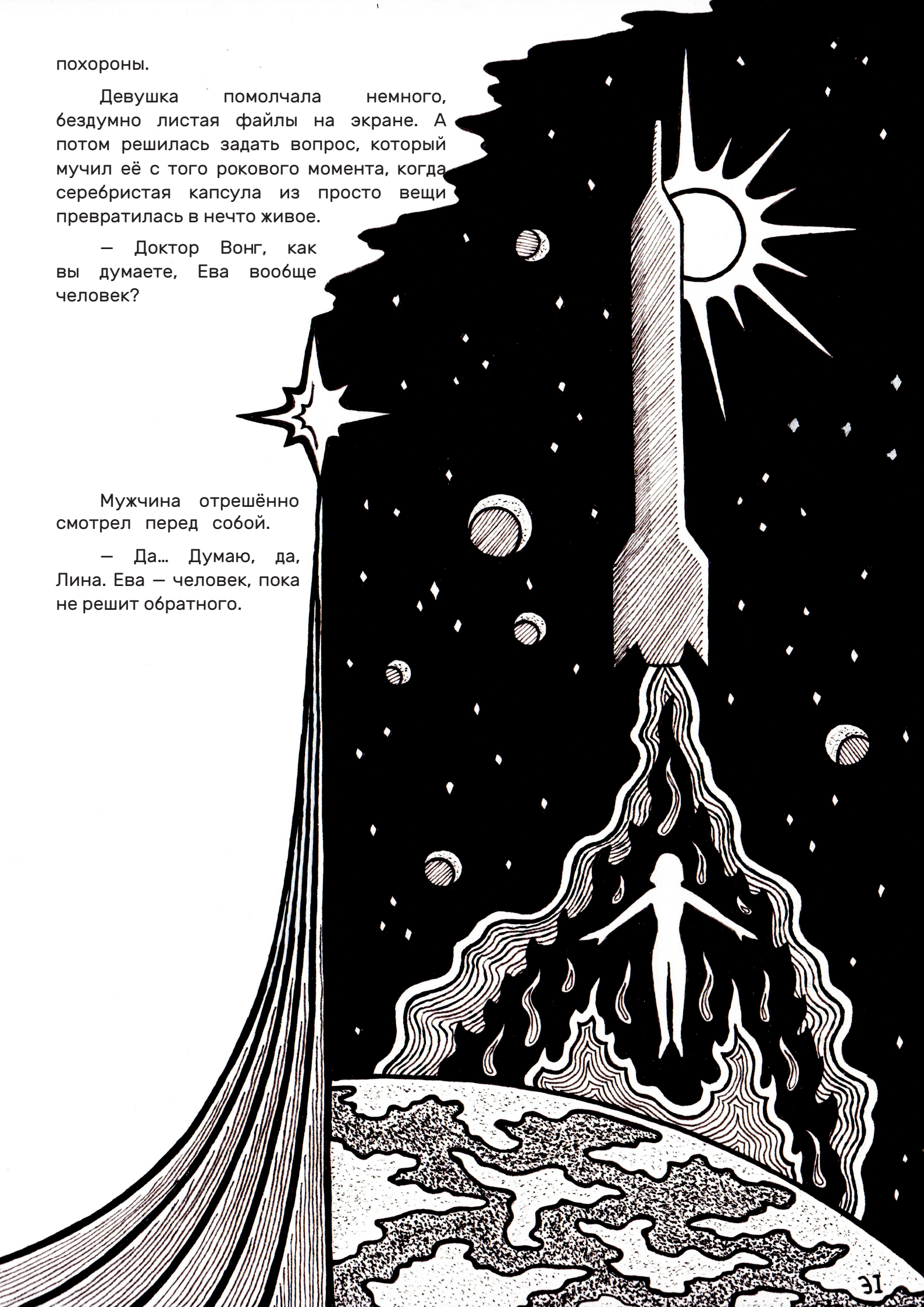
похороны.

Девушка помолчала немного, бездумно листая файлы на экране. А потом решилась задать вопрос, который мучил её с того рокового момента, когда серебристая капсула из просто вещи превратилась в нечто живое.

— Доктор Вонг, как вы думаете, Ева вообще человек?

Мужчина отрешённо смотрел перед собой.

— Да… Думаю, да, Лина. Ева — человек, пока не решит обратного.



Інтерв'ю з автором

У вступній статті попереднього випуску (рубрика «Слово редакції», есе «Легион Младых») ми ділилися власним баченням ситуації на українській літературній сцені, висловлюючи суто суб'єктивну думку. І ми щиро вдячні вам всім за фідбек до нашого матеріалу. Окремо дякуємо Олегу Сіліну, одному з засновників літературного проекту «Зоряна фортеця», який написав нам та запропонував провести більш детальну дискусію на підняті теми.

Олег висловив незгоду з риторикою відкриваючої статті першого номеру нашого журналу, і поділився з нами своїм баченням ситуації.

Розмова відбулася на початку березня.

Тож усе, що стосується інформації про різні конкурси, видання збірок, доступність видавництв для незалежних авторів, ми доповнили примітками редакції з датами івентів та доданням більш актуальної інформації на момент релізу.

Окремою темою постала діяльність «Зоряної Фортеці»: які виникали складності на початку шляху, як проходили перші конкурси, і загалом як було раніше та як тепер — звісно, поговорили і про творчий доробок Олега.

Розмова велася двома мовами, і переважно українською, тому для зручності читання саме українською ми і наводимо текст інтерв'ю.

Добрий день!

Ви висловили незгоду зі вступним есе «Легион Младых», і мені справді цікаво послухати людину, котра вже давно є своєю у літературному середовищі.

Зі «Слова редакції» я собі трохи повідмічав те, що мене зачепило. У коментарях на Фейсбуці вже казали, що цей текст сприймається як твердження, що стан речей саме такий, а не як «власна думка та уявлення редакції». Це навіть гарний тон — казати, що редактор хоче поговорити про те і те, тому що, на його думку, відбувається отаке, таке і таке.

До речі, коли виходив журнал «Український фантастичний оглядач» з 2007-го по 2012-й рік — кожен випуск відкривався окремою невеличкою шпальтою. Може, тисяча знаків, півтори тисячі, і редактор номеру — там випускові змінювалися — якусь тему озвучував. Це як опція для наступних випусків.

«… есть те, кто заплатил, и те, кому повезло».

Це не така дихотомія, бо є багато людей, котрі нічого не заплатили. Є не так багато, і це правда, які отримують достатньо коштів. І є, ну, десяток прізвищ тих, хто живе виключно завдяки тому, що вони продукують книжки. Найбільші — це Андрій Курков та той-таки Андрій Кокотюха, над яким всі сміються, але, знаєте, є такий жарт: «Поки ви смієтеся над Кокотюхою, він вже написав наступну книжку», — бо в нього їх вже… сімдесят дев'ять!

В принципі, зараз з'являється значно більше можливостей для авторів, бо нині є значно більше видавництв незалежних, і з'являються, на щастя, малі видавці. І там зрозуміло, що може бути невеликий наклад. Є насправді типографії, що маскуються під

видавництва, і там дійсно треба заплатити гроші.

Власне, чому подібне питання й виникло. Був досвід, спілкувався з видавництвом — і мені прямим текстом сказали: «Рукописів не приймаємо, хочете в нас друкуватися — несіть гроші».

Це виняток, причому це — виняток у багатьох речах книжкового ринку, бо є такі, котрі працюють на державні замовлення, і, власне, авторами не дуже цікавляться. Ну, коротше, так, це окрема річ.

«Двадцать лет назад было легче, и до полноценного развития интернет-ресурсов литературу можно было как-то отслеживать».

От мені здається, що зовсім навпаки, бо двадцять років тому, як у когось вийшла книжка, особливо коли це невеличке регіональне видавництво, — це просто неможливо було з'ясувати. І зараз, якщо у автора чи авторки, наприклад, з Ужгорода, вийшла книжка у регіональному запорізькому видавництві, ми про це хоча б знаємо. І в цьому дуже велику роль відіграє Інтернет. З іншого боку, як і все в Інтернеті, це **[інформацію про появу новинок, прим. ред.]** треба вміти шукати, а білий шум Інтернету, ці всі новини і срачі однозначно погіршують видимість.

Тому думка і виникла. Ідея в тому, що раніше це могло бути простіше, бо менше шуму інформаційного. І якщо книга виходила — новина про це принаймні точно поширювалася.

А це теж не факт, бо раніше, ну, де могли про це сказати? Ну, в «Литературной газете» — та й все.

«Есть деньги и связи — работы публикуют».

Ну, ну — ну ні (сміється). Справді, у нас майже немає системи літагенції — літагентів, котрі, з одного боку, допомагали б авторам працювати з видавцями й підшукували видавця, а з іншого боку, опікувалися б промоцією. І цей скіл, власне, потрібен автору — щоб про нього дізналися, але немає кореляції між грошима та зв'язками і публікацією. Вірніше, може бути історія, коли беруть медійну персону і публікують її книжку, типу Олега Сенцова. Або Ілларіона Павлюка, котрий зараз є доволі популярним фантастом та автором трилерів, хоча він, в першу чергу, був відомий як цікавий журналіст. Тобто соціальний капітал в іншій сфері може сприяти, адже тебе як автора будуть знати. Але, знову ж таки, є приклади, як той-таки Ігор Сілівра, котрий дуже довго із «Зоряною Фортецею». У нього вже вийшло п`ять книжок, і ще три готуються до друку. І, зараз, коли кажуть «український стімпанк», так всі: «А, ну це Ігор Сілівра, всі ж про це знають!»

Тобто ресурси є, а розгалуженої інфраструктури підтримки авторів не завезли. І немає літагентів, які могли б допомогти з просуванням.

Так, і не всі видавці готові брати на себе питання власне промоції. Хоча, здавалось би, це в їхніх інтересах. Але, зрештою, якщо автор це усвідомлює і вкладає не обов'язково гроші, а свій час, їздить на фестивалі… Той-таки Кідрук зі своїм туром «100 міст України» **[«Тур 100 міст НОІМ», прим. ред.]** показує, що такі речі працюють, і видавці, в принципі, зараз погоджуються як мінімум за квиточки автору заплатити, щоб він з'їздив та виступив, — вже непогано.

Тобто, у нинішніх умовах, автори повинні не лише вміти писати, але й уміти розмовляти.

А, власне, так (Сміється.)

«В 2021-м есть Либнет, ЛитРес, БукНет, Букмейт, Флибуста…»

Це, я так розумію, перелік ресурсів, на яких можна публікувати щось своє.

Так, загалом, це платформи, де автор може заявити про себе попри видавництва. Вони у нас, звісно, є, та їх чимало. Це не рахуючи того ж DreamWorlds, що був-буде, віримо-сподіваємось...

Wattpad. Так, такі сервіси є. І якщо автор хоче піти таким шляхом, ніхто не заперечує. «Читомо»! «Читомо» ніколи не було платформою для публікації своєї книги.

Так. Своєї — так. Це, як мені здалося, більше про промоцію.

Ну, це в цілому ресурс про літературу, там статті саме такого напрямку. Так само і «ЛітАкцент», «Читай.ua», ще кілька сайтів. Це щастя, що, по-перше, вони є; по-друге, автори, які пишуть ці статті, отримують за це гонорар. І це дуже класно.

Тобто, це платформа, де можна просуватися як публіцист — і водночас просувати там свої роботи. Автор може туди написати прес-реліз: ось, у мене вийшла книжка, можете про неї розказати.

Вони трохи інакше працюють. Перед Книжковим Арсеналом і Львівським форумом **[Форум видавців у Львові, прим. ред.]** роблять вітрину новинок, «Що ми очікуємо» — і, як правило, видавці вже самі знають, що це допомагає продажам на ярмарках. А якщо хтось **[з видавців, прим. ред.]** не знає, то автор може посмикати свого видавця. Там достатньо відкриті до всього. Вони, звісно, не візьмуть статтю з промоцією окремої книжки, але окрему думку автора можуть взяти. Можуть взяти рецензію, звісно, якщо її написав не автор (Сміється.) Або дуже гарно ідуть добірки новинок, як «Топ-5 книжок про...» — і це там просто приймають.

Тобто це в першу чергу новинарський ресурс, де читачам зручно шукати своїх письменників.

Так. І це, власне, до питання промоції.

«нишевость литературы в целом».

Тут така історія. Ця проблема озвучується на моїй пам'яті вже років десять — і це загальний тренд світовий: література і книжки конкурують не тільки з іншими книжками, а з...

Іграми, фільмами, музикою...

Так, саме у цьому і полягає складність сучасного спілкування про літературу. І це не проблема виключно української літератури — це загальносвітова тенденція. Читання — більш складна розвага, аніж просто подивитися серіальчик. Тому так, це проблема, але це не нішевість літератури і точно не нішевість нашої літератури.

Ще, як на мене, у нас просто минуло недостатньо часу, щоби набрався пул авторів, яких точно всі знають, — і щоб набрався, відповідно, пул історій, котрі б уже якийсь час проіснували і стали бестселерами на кілька поколінь. Тобто і це теж, як мені здається. Щось подібне було раніше, до дев'яностих, а наразі доволі розмито.

Ну, тут так. Виходить, що українська література радянської доби — вона трохи, ну, радянська.

«выборка из четырёх фамилий».

Тут в нас, знову ж таки, така історія: коли питають, кого ти читав, кажуть не ту книжку, яку ти дійсно прочитав востаннє, а щось таке, щоб здатись розумним. До того ж, є дослідження 2019-го року, воно зовсім невтішне: 57% опитаних не прочитали жодної книги. Це опитування, яке замовляло «Читомо». Тобто, проблема трохи більша, аніж те, що народ не знає Кідрука чи Дереша. Тут є якась системна проблема, котру треба системно вирішувати. От Український Культурний Фонд, який створили два з половиною роки тому, — в ньому дуже багато програм саме для того, щоб люди цікавилися книжками.

«авторов, которым или не повезло, или просто лень, или нет никакого

желания связываться с официальными представительствами».

Це ж такий анекдот, як одна людина дуже хотіла виграти в лотерею і все просила Господа: «Дай мені виграти в лотерею», — аж поки не почула голос з небес: «Ну, ти хоча б квиточок собі купи». Тобто, якщо у людини є текст, а це перше, що може бути, — вже можна шукати двері для себе. Якщо дуже хочеться саме папір і не за свої гроші, це абсолютно можливо, але важливо зрозуміти, який видавець тебе візьме. Це нормальна практика, що у кожного видавця є певний сегмент, з яким він більше працює, — і, відповідно, туди й стукати. Є винятки, як-от «Фоліо», — це окрема тема. Так і «Клуб сімейного дозвілля» — у них власна маркетингова стратегія, і досить успішна. Але вони роблять гроші не на художній літературі. І це, знову ж таки, не таємниця. І більшість саме подібних великих холдингів заробляють на порадах про садівництво чи «рецептах нашої бабусі».

«... редким из них удаётся задержаться в умах публики дольше, чем на пять-десять лет».

Це прикмети епохи. Бестселери — це добре, а лонгселери — ще краще, і з лонгселерами (книжками, що вийшли десять років тому, і все ще продаються) ситуація, особливо на наших теренах, з розвитком піратської індустрії, — не дуже.

Тобто, лонгселери — саме те, що «робить» покоління.

Так, і таких книжок у нас не те щоб багато, але вони напрацьовуються. З іншого боку, я достатньо довго дивився, як працює російський ринок, особливо — фантастики, і десь в 2011-му, 2012-му роках у них була дуже велика проблема в тому, що книжка вважається новинкою перші три тижні. Після того вона нікого не цікавить. От за три тижні треба досягти точки беззбитковості з накладу. І, відповідно, через це ставали все менші й менші наклади, все менші й менші гроші автори отримували для того, щоб закріпитися і на ринку, і в думках читачів, а треба видавати якомога більше книжок. Тому всі ці історії про Кокотюху, з одного боку, смішні, з іншого — вони показують, що тільки та людина, яка здатна видавати нові тексти (чотири на рік — це справді багато, але хоча б одну книжку на півтора-два роки), залишається актуальною для людей.

Тобто, щоб тебе пам'ятали, тобі, як не дивно, треба писати.

Так, просто треба писати. І ті ж Олді — так, вони зараз залишились в інформаційному просторі, пов'язаному з російськомовним ринком, але, якщо поцікавитися, у них стабільно виходять нові книжки і стабільно про це пишуть. Нова, здається, вийшла пара тижнів тому **[«Если герой приходит», 2021, изд. Азбука (СПБ), Азбука-Аттикус (Москва), прим. ред.].** У Андруховича вийшов роман теж пару місяців тому **[«Радіо Ніч», 2021, вид. Meridian Czernowitz, прим. ред.]**, тож казати, що зараз «о нём разве что изредка слышно» трохи неправильно.

«Те же Олди — кто их помнит сейчас? Андрухович был на пике популярности пятнадцать лет назад. ... Аренев (к слову, известный в Польше больше, чем на родине!), и прекрасная Наталья Щерба с её циклом про Часодеев — но они выстреливают, держатся — и затухают».

Андрухович — автор того покоління, яке закладало фундамент, і, на щастя, він продовжує якісь колони від цього фундаменту будувати. Але є й інші автори, які стабільно щось видають, і так, про них знають. Той-таки Володимир Єшкілєв, той-таки Остап Українець. Мені дуже імпонує, як пише Олексій Жупанський, але він через те, що більше видавець, ніж письменник, якось не дуже багато часу має на власне письменство. Дружина підказує: «Ні, він просто пише тетралогію, й хоче одразу видати усі чотири» (сміється).

Суто фактологічно, Володимира Арєнєва все ж таки краще знають у нас,

аніж у Польщі: там його більше знають як літагента, який допомагає просуватися польским авторам. Наталка Щерба, в неї минулого року завершився цикл з чотирьох книжок — це «Лунастри». Тобто, те, як у неї складається з міжнародною промоцією, вона показувала минулого року. Навіть восени публікувала обкладинки до угорського видання. Є польське, є чеське, є словацьке, в Італії готували видання, через COVID перенесли — тобто, в неї все добре.

«Самое большее, что узнаёт обыватель из подборок новостей — это или совсем уж крупные конкурсы, или работы, которые всё-таки дошли до издательства».

Це знову ж до тієї розмови про популяризацію читання як такого. Бо у нас що завжди показують? Згоріли, затопили, вбили, пограбували, а в зоопарку пандочка. Тобто так, літературні новини не є чимось великим або цікавим.

Тож єдине, як це можна виправити — більше це популяризувати, більше про це говорити.

Дійсно так.

«В целом, у нас принято обсуждать и равняться на чужих авторов — те же Кинг, Лавкрафт...»

«Наш вітчизняний Кінг» — це, до речі, вже певний мем: якось на зустрічі сиділи наш п'ятий «перший український Кінг», наш шостий «перший український Кінг», і вони дуже реготали з цього приводу і казали: «Ну, блін, а що поробиш, якщо це заходить, це продаж». І я б сказав, що автори, яких порівнюють, чудово розуміють, що це промоційний хід. Той-таки Кідрук, «наш український Майкл Крайтон», каже, що «взагалі я дуже поважаю творчість Майкла, але ні, я — то не він».

«Были ли у нас только Олди, Фрай и Дяченки?»

Цей перелік, по-перше, не виключний і дотичний лише до фантастики, а по-друге, в нас, на щастя, з'явилося багато нових авторів, як я, власне, у своєму стрімі казав. **[QR-код №1 із посиланням в кінці статті, прим. ред.]**

«Легион младых».

Тут я розумію, що кожній контркультурі здається, що вона насправді і є тією самою культурою, а все інше — попса. І я розумію, що це журнал саме для таких авторів, їм це лестить, але в обраному форматі про літературу взагалі воно звучить якось дивно. І, власне, мені сподобалося, як написано: «Скрыто под бледной маской коммерции и везения». Форма прикольна, але ні.

І це велике щастя і велике випробування для всіх, хто пише: те, що свій текст зараз можна донести не лише на папері і не лише в тій формі, що не відхиляється від «генеральної лінії комуністичної партії». Але — так, комерція, без неї нікуди. Кожен видавець, звісно, може розказувати, що він публікує книжки, які найкраще впливають на становлення української нації та всебічно розвивають молодих громадян. Коли десь таке загибають, а потім рекомендують темну прозу Олексія Жупанського, я ловлю когнітивний дисонанс, але — йой, най буде. У комерції, з точки зору видавця, немає нічого поганого, і авторові необхідно розуміти, що, з одного боку, його праця — це витвір культури, який доносить якісь думки, якісь роздуми, якусь історію, а з іншого, все ж таки, має продаватися. Так працює цей механізм. Він завжди так працював.

Логічно, треба так писати, щоби це зрештою захотіли купити.

Я, знову ж таки, не намагаюсь сказати «я зараз розповім, як усе насправді», бо потім виявиться, що в когось інша оптика, а десь я і справді чогось не знаю, або не актуалізував для себе. Це буває.

Власне, тепер хотілося б більше поговорити про вас та вашу літературну діяльність. І передусім — про «Зоряну Фортецю». Взагалі, чи можете ви розказати більш докладно, от із чого все почалося?

А. Найсмішніше, що вчора в мене був ефір про «Зоряну Фортецю». Там ми півтори години теревенили, і щось із цього може бути цікаво [**QR-code №2 прим. ред.]**.

Якщо дуже коротко, ми розпочинали у 2008-му році. Тоді в Інтернеті практично не було конкурсів фантастичних оповідань українською мовою, хіба що просто прозові. І тоді в російській фантастиці панувала «Рваная грелка» — це конкурс, на якому видавалася тема, і спочатку було 24 години на написання, потім 72 години, і треба було написати оповідання, і оцінювали його самі учасники. На базі цих правил в російськомовній фантастиці виникло, мабуть, з десяток конкурсів. Я на той час модерував конкурс «Фантастическая регата», він розпочався з фан-форуму письменника Володимира Васильєва. Ми мали досвід організації конкурсів, які працюють на приблизно такій платформі, і вирішили, що можемо або бідкатися й казати, що наша культура занепадає, наша фантастика занепадає, конкурсів немає, — або просто взяти і зробити.

Взяли і зробили. Тобто це приблизно та сама мотивація, як розумію, із якою виходить «Андерхаунд»: немає такого ресурсу? Ми зробимо!

І наскільки народ приваблювався спочатку?

Ми, звісно, розповсюджували інформацію як могли, і були сумніви, що наберемо багато оповідань, адже це перший конкурс. Але прийшло приблизно 30 творів…

Як для початку, це дуже добре!

І, власне, той-таки Ігор Сілівра написав на наш перший конкурс оповідання, яке потім стало частиною його першого роману. І після цього першого роману його почали називати батьком українського стімпанку. Я гадаю, що це просто «лютий win» (Посміхається.) Причому дуже подобається, що на конкурси приходили письменники, яких ми тоді не знали. Вони були тоді такі молоді, нахабні, а потім у них почали з'являтися свої книжки або свої збірки оповідань, як в Уляни Галич чи Олега Ростковича. Найцікавіше, що на третій та четвертий конкурс писала Дара Корній, коли вона ще не була Дарою Корній. Тобто, ті, хто хотів писати. У той час ще був конкурс творів на Гоголівській Академії, «ГАК.ком.уа», і сайт, до речі, досі живий **[«Гоголівська Академія» gak.com.ua, прим. ред.]**. І це був такий прото-майданчик по типу нинішніх «букнетів», де можна було створити власний кабінет, залишати коментарі, тойво. Потім вони почали і власні конкурси організовувати. І коли почали з'являтися конкуренти — а вони почали з'являтися — ми стали розробляти різні штуки, якими можна заохочувати авторів. Ну, окрім призів типу футболки — зрозуміло, що всі автори люблять якісь подаруночки. Ми запропонували літературні майстерні і майстер-класи від людей, які вже досягли якихось висот. Найперший майстер-клас провела Марія Галіна, і вона прекрасний прозовий автор, фантастка. Вона з Росії, чудово володіє українською мовою, але так сталося, що ніяк не може отримати посвідку на проживання в Україні.

І з того часу у нас кожен конкурс (за тиждень розпочнеться двадцять шостий) завершувався майстер-класом **[результати останнього конкурсу оголошено 10.05.2021, прим. ред.]**. Там у майстрах були і Олді, і Валентинов, і Єшкілєв, і Арєнєв, і Антон Санченко, і Олександр Михед, покійний Сергій Іванюк — Оксеник [псевдонім: Сергій Оксеник, прим. ред.], один із деканів «Могилянки». Тобто, народ приходив не тільки на конкурси, а і щоб послухати, мати шанс хоча б на те, що його твір почитав визнаний метр чи метреса.

Майстер-клас проходив після конкурсу вживу, на фестивалі літературному чи фестивалі фантастики і, оскільки ми завжди вибивали безкоштовний вхід для наших учасників, це ще й дуже стимулювало (Сміється.)

І наразі, як я розумію, це відбувається у такому ж форматі, але онлайн?

Так, останні два рази це було онлайн. Востаннє офлайн ми збиралися в 2019-му у книгарні, з перекладачем Олесем Петіком.

І наскільки ситуація відмінна на початку і тепер? Народ більш активно долучається до конкурсів чи навпаки?

З одного боку — на щастя, з іншого — на жаль, конкурсів зараз стало значно більше, і майже одночасно от буквально завтра стартують два конкурси саме фантастичних оповідань, а не прозових **[«Пісня з орбіти» від «РБЖ Азимут» і Сергія Чебаника та «Місто химер» від «НК Богдан», прим. ред.]**. За місяць — іще один, і зрозуміло, що постійно писати люди не можуть. Тому є автори, котрі ходять більше до нас і дотично — на інші конкурси; є автори, які ходять на конкурси «РБЖ Азимут» та іноді зазирають на «Зоряну Фортецю» — це нормально! Тому зараз багато інших конкурсів пропонують, наприклад, грошові премії. Я не буду казати, що це неправильно. Це, звісно, стимулює — хоча б спробувати виграти якісь гроші. Але в нашій філософії ми хочемо, щоб автори розвивалися, тому ми пропонуємо книжки в якості призів. І часто вартість цих книжок десь дотична або більша, ніж призовий фонд інших конкурсів.

І у «Зоряній Фортеці», виходить, переможці друкуються в альманаху, що виходить за результатами конкурсу?

Альманах — це окремий проект. У нас є концепція конкурсного сезону — це два конкурси оповідань: осінній та навесні, бо ми розпочинали восени, і тому так воно історично склалося, — і окремий конкурс міні-фантастичних історій до 6.000 знаків з пробілами.

Коли конкурсний сезон відбувається, ми дивимося на всі ці оповідання — і обираємо якусь генеральну тему альманаху. І дивимося, які оповідання є вже добре написаними з нашої точки зору, причому ми не зважаємо, чи то є переможці, чи то оповідання ледве-ледве проповзло у фінальну групу, а може, і не проповзло. Бо система голосування, коли голосують самі автори — вона, з одного боку, допомагає більш-менш об'єктивній оцінці, а з іншого боку, ми розуміємо, що, якщо взяти літературні смаки двадцяти-сорока авторів і накласти їх один на одного, то «піки», безумовно, будуть...

Будуть цілковито випадковими.

Так. І може виграти оповідання, яке добре написане, з гарною історією. Воно може не бути стилістично блискучою історією, наприклад, горором. Ну, просто тому, що не всі люблять горор, чи не всі люблять фентезі. Як взірець свого піджанру воно може бути крутим, але у середній смак не потрапить. І тому ми обираємо оповідання, незважаючи на те, скільки воно там балів набрало, потім зв'язуємося з авторами.

Особливо якщо автор побував на майстер-класі та отримав якийсь конструктивний фідбек чи то від інших конкурсантів, чи то від читачів, і попрацював із ним **[власним текстом, спираючись на фідбек, прим. ред.]** — таку покращену версію оповідання ми беремо до друку. Ми не просимо грошей у авторів за цей друк, єдине, що ми просимо — це розповідати про те, що такий альманах існує.

Чудово! Тоді що отримують переможці конкурсу?

Переможець-переможець отримує право проголосити тему наступного конкурсу. А також красивий дипломчик, і раніше — красиву футболку, а зараз — гарний набір книжечок. Власне, оскільки у конкурса вже є репутація, то мені просто розповідали, що коли видавець бачить у супровідному листі, що оповідання

перемагали на «Зоряній Фортеці» — це певний знак якості, що, мовляв, **[автор рукопису, прим. ред.]** не безнадійна людина.

Тобто таким чином переможець отримує, власне, різні приємні премії та додаткове схвалення...

І плюс до літературної карми.

Розкажіть тоді про поточну тему. Я пам'ятаю, що називається це «Гибель богів», а чи можна більш докладно?

Так, це «Гибель богів», алюзія на один із чотирьох класичних сюжетів за Борхесом. Він, здається, казав «повернення додому», «облога фортеці», «вічний пошук» і «самогубство бога». Але, оскільки ми живемо у час, коли образити чиїсь почуття дуже просто, ми вирішили обрати саме тему «Гибель богів».

Виходить ще один референс, так.

Тому це історії про злам звичного світу. У нас завжди є на конкурсній сторінці невеличке пояснення до теми, і там — так, злам системи, падіння імперій... Або Рагнарьок як він є, це теж по фану.

І це теж важливо: попри те, що «Зоряна Фортеця» частіше асоціюється з науковою фантастикою — це не є якоюсь вимогою, можна і класичне фентезі, міське фентезі, якісь містичні речі. Єдине, що можу от чітко з досвіду конкурсів сказати: оповідання у стилі «потік свідомості», як правило, не заходять.

Оскільки вже заговорили, що на «Зоряну Фортецю» приймається не лише фантастика, то чому взагалі, звідки любов саме до фантастики? І що для вас означає цей жанр?

Я кожного разу, як розповідаю, то сміюся, що все почалося з того, що батьки читали мені на ніч книжки. І одного разу тато знайшов книжку Джона Крістофера «Огненный бассейн» **[The Pool of Fire, 1968, прим. ред.],** цей текст не перекладався українською, але він прикольний, він грається з класичним Велсом, що інопланетяни на триножниках захопили Землю. В ньому розповідається про підлітка, який дуже боїться ритуалу вдягання шапки, а шапка, як потім виявляється, це інструмент контролю. І він вирішує втекти до спротиву, який готовий воювати з цими інопланетянами. І цей підліток тринадцяти років мандрує такою, зараз би сказали, постапокаліптичною, дуже пасторальною Британією, переправляється у Францію, іде десь у бік Швейцарії. Там із ним трапляються різні пригоди, він потрапляє у штаб, потім у наступній частині його засилають як шпигуна у золоте місто інопланетян — і це така історія, яка «на ура» заходить підлітку. Йому 13, мені було, здається, 8, але от тато прочитав два розділи на ніч і сказав: «Все, ми спимо», я якось заснув, дочекався ранку, схопив цю книжку... З того часу все це й почалося (Посмішка.)

Після того я почав читати. Читав і детективи, і якісь пригодницькі книжки про індіанців чи, там, про пригоди Томека **[Альфред Шклярський, серія «Пригоди Томека Вільмовського», 1957-1994, прим. ред.]**, але чим далі, тим більше мене цікавила фантастика. Коли бібліотеки жевріли, а поруч відкрився пункт прокату книжок і були просто полиці с фантастикою, можна було за гривню в день це все почитати. Тобто залишаєш якийсь там внесок, щоб, якщо не повернеш книжку, то вони б могли іншу купити, і читаєш. Навіть за гривню на тиждень чи щось таке. Ну, тобто зовсім такі, невеликі гроші. Я, здається, під сотню таких книжок прочитав там за вечір — ну, щоб багато не платити.

Потім спробував писати саме на конкурси оповідань на форумі Володимира Васильєва, і виявилося, що, в принципі, це мені вдається. І якось так я себе взяв на слабо: «От на конкурсі вдалося, а може ще й на майстер-клас податися?» Подався на майстер-клас, отримав диплом за найкраще оповідання, і вирішив, що треба якось далі йти.

А що за оповідання було, якщо не секрет?

Він отримав зрештою назву «Не от города сего» і вийшов у збірці «Последняя песня Земли» у видавництві «АСТ», це 2006-й рік. І так, я друкувався у журналі «Реальность фантастики», який колись виходив у Києві.

А які ваші улюблені напрями фантастики? Адже з наукової фантастики тягнеться і соціальна фантастика; кіберпанк, утопія й антиутопія теж часом розглядаються як її піджанри — тобто, піджанрів дуже багато. А от які напрями найближчі вам?

Я, скажімо так, не дуже люблю саме горори, попри те що я їх можу читати. Коли був перший Київ Комік Кон, я навіть майстер-клас по горорам вів, і розумію приблизно, як це працює, що від мене хоче автор, як він хоче мене налякати і все таке інше. Я не можу сказати, що мені подобається більше, антиутопії чи фентезі, бо, як на мене, кожен напрямок цікавий історією, яку розповідає автор. А чи це декорації космосу, сучасного міста із магією, або Середньовіччя — це не має для мене особливо великого значення. Хіба що я дуже важко жую хард сай-фай, де науки більше, аніж художності, а художність мені видається важливим елементом літератури (Сміється.)

А як прийшли до думки, що хочеться писати? Нібито очевидно, навіщо письменнику писати. Однак скільки в людей не питав, відповідь завжди різна.

Тут, мабуть, одночасно декілька причин було. Спробував, вийшло, хочеться ще. А ще вигадуються історії, які хочеться розповісти. І третє — я гадаю, що не кожен автор може про це відверто сказати. Коли бачиш, які історії зрештою публікують, робиш такий фейспалм і думаєш: «Ну, мої ж історії як мінімум не гірші, ну що ж таке!» (Сміється сумненько.)

А коли вирішили, що час уже друкуватися? З того ж таки «ФантЛабу», до 2014 у вас переважно публікації в мережі.

Це оповідання, які я писав на свою ж «Фантастическую регату», бо за традицією, яка склалася, координатор, себто я, міг брати участь у цьому конкурсі. Всі знали, що попри те, що я знаю імена авторів, я все ж таки буду оцінювати текст, а не автора. То був час, коли Інтернет був по діал-апу, і я відкривав той форум, усі гілочки, де з'являлися нові оповідання, вимикав модем, їх читав, писав відповіді, вмикав модем, ну... (обидва сміються) Веселі були часи. Час, коли друкована книжка мала вагу, і завжди хотілося мати саме якийсь такий примірник. Власне, коли я 2005-го року звів знайомство з редакцією журналу «Реальність фантастики», то це сприймалося як шанс надрукуватися насправді, в справжньому журналі, а не оце от усе.

Хотілося б от іще більше розпитати про оповідання «Сказала Шейла» — воно подається як notable work, що одразу знаходиться в мережі. Як ви взагалі прийшли до ідеї цього оповідання, як народився концепт?

А. Мені хотілося написати щось дивне, і на той час я ще не експериментував саме з таким — не кіберпанком, звісно, але таки софткіберпанком. І просто хотілося спробувати себе в цьому, причому так, щоб фінал викликав як мінімум кілька тлумачень: що ж насправді сталося з головним героєм.

Так і є, бо відповідь дуже неочевидна. А як на вашу думку? Чи це на розсуд читачів? Як ви тлумачите?

А. Насправді головного героя не існує. Можна і таку відповідь знайти. Для мене його не існує.

Тобто, це множинна сутність, так?

Так.

Цікава концепція! А які ще з ваших оповідань, що можна знайти в мережі, ви можете порадити? Оскільки друге оповідання, що пропонують до прочитання — «Строго по рецепту», але я чесно його шукав доволі довго, потім ЛитРес запропонував купити, але кажуть, що «нема в наявності», і я його

так і не знайшов.

Звісно, нема, бо права на нього вже закінчилися (Сміється.) «Строго по рецепту» — це така не те, щоб замальовка, це дуже невеличка повістинка в анімешному дусі. Про те, як бармен випадково натрапляє на те, як можна з інопланетян, які ворогують з Землею, зробити щось цікаве. Це стається випадково, але з цього виникають доволі комічні ситуації. З таких оповідань, які мені ще подобаються — це «Девушка целевой мечты», або «Дівчина цільової мрії» **[QR-code №3, прим. ред.]**, її переклали українською і можна, мабуть, знайти десь в аудіоформаті, бо російською її начитували у «Модели для сборки» **[радіопрограма у форматі аудіокниги, присвячена творам наукової фантастики, прим. ред.],** а українською окремо Сергій Левчук начитав.

А текстом?

А текст… Або українською в збірці «Найкраща українська фантастика 2018», або, здається, вона десь на якихось дзеркалах Флібусти чи на РуЛіті. Я, насправді, дуже спокійно ставлюся до того, що якісь мої старі оповідання знаходяться в Інтернеті. Якщо вони знаходяться — окей, прошу читати!

Ще є суто фентезійна річ, її можна знайти в українському перекладі абсолютно спокійно на сайті «Клуб любителів україномовної фантастики». Там буде альманах «Das ist fantastisch!», він щорічник, і в ньому є моя повістинка «Сказання про Сандро і Сандру». Це абсолютно класичне фентезі з живими мерцями, з магією, з битвами на мечах — все, як має бути.

А чому загалом мала форма, а не велика? Що вам особисто ближче як автору, як читати, так і писати?

Я вчора сказав на те саме питання, що воно швидше пишеться.

Як письменнику — припустимо. А як читачу?

А це, до речі, парадокс, попри те, що мала форма доволі популярна у світі. Багато хто з авторів, яких ми дуже добре зараз знаємо, хоча б Анджей Сапковський, вони починали з оповідань. А Роберт Шеклі в принципі коли писав романи, то вони в нього виходили поганенькі, а оповідання — блискучі.

У Шеклі жодного роману не згадаю, до речі. Оповідання — звісно, ті ж таки «Привид V», «Сторожовий птах».

От і я так само зараз не скажу жодної назви. І це дуже дивно для нас, але я десь розумію видавців, що роман — то є менше ризику, аніж збірка оповідань. І роман для багатьох, та і для мене у тому числі, сприймається трохи легше, ніж оповідання, саме тому, що немає пересмикувань, не треба перемикатися зі світу в світ і наново знайомитися з героями. Ми любимо, як мавпочки, історії з продовженням — «Тисяча і одна ніч» нам дуже добре це ілюструє. Тому ми, коли сприймаємо тексти, любимо довгі сюжетні розповіді, які нас затягують або на кілька годин поспіль, або на кілька вечорів.

Тобто писати більше тягне саме малу форму, а читати — велику, бо більше інформації, більш цікаво?

Так, щоб більше пригод, більше якихось історій, пов'язаних із цими героями, особливо коли настільки велика історія, що її в оповідання не втиснеш. Якраз на цьому багато авторів проколюється, і я не виняток, коли придумуєш історію, і думаєш: «Ну, в принципі, це оповідання». А потім виявляється, що це як мінімум повість, як максимум — роман.

Нещодавно Ольга Фира ще писала доволі багато оповідань, і зараз, нарешті, починають у неї виходити романи. Я читав її фентезійний роман на «Коронацію Слова» **[«Заповіт Всежителів», 2019, прим. ред.],** він дуже крутий, і я сподіваюся, знайдеться видавець, в неї вже виходить науково-фантастичний роман у видавництві «Кондор» — «Риби пливуть вгору». Вона розповідала, що коли придумала історію, то подумала собі: «Ну,

це оповідання десь на 20.000 знаків, ну, може, на 25». І потім пише: «Але коли пішла п'ятдесят друга сторінка, я розумію, що десь помилилася». Бувають і такі історії.

Відтак трохи про муки творчості. Що вас демотивує та зупиняє на творчому шляху? Чи ви стикалися з кризою, як її долали? Ясна річ, що відповідь на «Як мотивувати себе писати?» — «Сідай і пиши», але все ж. Як підходите до процесу роботи? Що вас мотивує, надихає?

Демотивують соціальні та політичні фактори, коли новини такі, що не до творчості. Знаю, що деякі колеги не могли писати у 2014-2015-х роках, просто фізично не могли.

Здається, єдиної відповіді, як замотивувати себе, не існує. Те, що підходить одній людині, не підійде іншій. Потрібно знайти те, що працює саме з тобою. Як не дивно, відповідь «сідай і пиши» підходить найкраще. Особисто для мене це стало зрозуміло, коли з'явився син, і я відчув, скільки часу в мене насправді було. Тому зараз, коли є година, дві — сідати і писати, бо це — найкраще, що в тебе є зараз. Чекати натхнення, особливого стану чи коли до магазину привезуть улюблений чай — просто неможливо, інакше не зрушиш з місця.

Разом із тим має бути час і на обдумування, і тоді на допомогу — знову ж таки, особисто мені — приходить ArtStation. Коли мозок починає вигадувати історії за візуальними образами, то у «фоні» він обробляє і власні творчі ідеї. А потім раз! — і розумієш, як усе має бути. Замість арту можна поставити щось інше: прогулянки, музика. На мене трохи працюють прогулянки, музика взагалі ні, але деякі колеги «стартують» з цього. Та навіть перегляд серіалу може спричинити появу думки «моя історія аж ніяк не гірша, треба працювати!» (Сміється.)

Чудово. А тепер про ваш виданий роман. «Баллада о байкере». Ви казали, що писали її дуже давно — і опублікувано її, як я бачу, у 2012-му. Як узагалі з'явилася ця ідея?

Це одна з тих історій, які я пробував писати саме на конкурсі форума Васильєва. Оповідання, яке було написано в цьому сеттингу, високо оцінили, і коли я взявся писати роман, то виявилося, що «сеттинг прикольний, мабуть, візьму це оповідання як відправну точку, може, трішечки дороблію — і буде вже якась історія».

І яка історія в основі?

А ніяка, і це найприкольніше. Бо коли я подивився більш тверезо, я це оповідання викинув просто.

Тобто до цього у вас була просто історія-прототип, яку ви оцінили, і вже на її основі зробили значно кращий твір.

Так. Та й більше того, я почав його писати 2004-го чи 2005-го року. І потім на якийсь час закинув, трохи в 2008-2009-му повернувся, написав іще одну історію, і відвідав два семінари з романної майстерності Генрі Лайона Олді. Після цього я подивився на все те, що написано, і переписав іще раз.

А чим зумовлений вибір сетингу? Це ж такий майже російський постапокаліпсис.

Та ні, в мене просто був дуже яскравий образ цих байкерів, які їздять по дорогах і якось захищають те, що має бути доставлено... Але, з іншого боку, я розумію, що броньований транспорт з цим упорався би значно краще. Але ж так яскраво! (Сміється.)

Так, і саме це стає точкою кульмінації.

Так, це був такий спалах, що є отакий світ, у якому герої на мотоциклах змушені супроводжувати вантажі, бо інакше все буде погано.

І до якого виду фантастики ви б особисто віднесли цю історію? Це можна віднести, серед іншого, до антиутопій, бо якщо пройтися сюжетною канвою — досить антиутопічно. Але водночас там

є й трохи від кіберпанку.

Це, по-перше, як на мене, бойова фантастика як вона є, а з іншого боку — це доволі рідкісний у нас жанр, у нього навіть не існує правильного терміну перекладу: road-trippin' story.

Роман-подорож?

Ну, власне, так. Бо, якщо взяти ту саму Америку, таких романів там чимало. В нас їх майже немає. І це був цікавий досвід для мене, бо, звісно, я не був в усіх цих містах, містечках і дорогах, які описані, але благословенні гугл-карти мені допомогли (Сміється.)

Що взагалі думаєте про цю книгу зараз?

Ой… По-перше, коли я почав іще до Майдану, ще до війни, задумуватися, що можна б її було перекласти українською, то зрозумів, що вона дуже сильно занурена, по-перше, в політику, а по-друге, у концепцію Содружества Независимых Государств. І тому саме в Україні вона буде сприйматися дивно. А після 2014-го року це можна випускати лише з коментарями: «Дивіться, ось такий був роман-попередження, а ви не побачили». Тому що — і це, знову ж таки, дивна історія — напівісторичні вставки перед кожним розділом, де повідомлення з форумів, якісь статті, — це попросив московський редактор додати.

Тобто початково їх не було в цій історії?

Їх не було. І описане там після того, як почалася анексія Криму… Я оце от дивлюся і думаю: «Ну, блін, я помилився на три рочки. Я ж не хотів, люди!»

Так, це, звісно, моторошне влучання, дійсно. А чи пропонували от її видати як у тому числі роман-попередження в нас?

А, такі думки були. І, власне, у 2013-му році і певні перемовини вже були з цього приводу, але поки там все ми узгоджували, вже почався Майдан, і видавцеві було не до того. Та й усім було не до того. І, якщо зараз подивитися на цю історію, то більш-менш цікавими для нас можуть бути кримський розділ, тема з дівчинкою, яка дуже хоче на море, і, може, якийсь шматочок останнього **[розділу даного роману, прим. ред.]**. Бо всі інші — вони, ну, такі. Я не відчуваю, що це може якось торкнути.

Можливо, просто не зачепить читача?

Так, і якщо випускати, це може зіграти скоріше у мінус, ніби людина паразитує на трагедії і показує оцей світ, в котрому не відчувається, що дуже сильно воювали. Бо за моєю концепцією майже не було спротиву якогось серйозного.

Так, там дійсно люди, переважно, лишилися досить дружніми одне до одного, це правда.

От. Я був такий, я оце написав, і воно має залишатися там, де воно є.

А чому саме балада? Якщо вже дивитися на термінологію, і якщо застосовувати музичні теми до літератури, то в балади ж є цілком конкретна структура — однак історія не зовсім іде за нею. Саме баладною частиною там є, от, чудова історія з дівчинкою, що хотіла на море — так, це справді класична байкерська балада, а решта — у значно меншій мірі. Чому саме це слово?

Це, знову ж таки, певна відсилка до… Не те, що навіть дорожніх романів, просто до суто історичних, у яких ідуть подорожні, десь зупиняються, хтось дістає музичний інструмент і починає співати балади.

«Ария»! Вам подобався цей гурт, чи це просто символ? І чи подобається досі?

Почну з кінця: ні (Сміється.) Вже ні. Але на той час, коли я починав писати, і десь, може, до 2009-2010-х років — так, дуже подобалася, і це мені здавалося дуже прикольною фішечкою, яка б розвивала одного з героїв.

Так! Воно там дуже добре лягає на атмосферу. Відчувається, що принаймні персонаж, а то, можливо, і власне автор дуже-дуже любить цей гурт. Це було чудово. А чим для вас є зараз образ Змєя як головного героя, і що ви про нього зараз думаєте? Як ви зараз дивитеся на його ж ідеї?

Я зараз пригадав картинку, коли учні школи проводять спіритичний сеанс, викликають дух письменника і питають: «Що ти хотів сказати?» (обидва сміються).

Для мене було важливо зробити достовірним самого персонажа, щоб він діяв і відчувався таким, яким він є насправді, а він не те щоб дуже розумна людина. Він не дурак, у чомусь розбирається, має свої принципи, часто важливіші для нього, ніж усе інше. Коли питають, чи Змєй є автор, то я кажу: ні, це просто образ. Котрий так, імпонує. Але втім, це просто персонаж. У будь-якому персонажі, хоч у головному, хоч у другорядному, є якась частина автора. У ньому дійсно є щось від автора, щось від друзів, знайомих, інших людей, аби він був справжнім, а не функцією.

Для мене, у свою чергу, були не так думки, що ви говорили про себе, а радше — ідеї та розуміння свободи. В цілому, як мені здалося, це історія про те, чим є свобода — і от що ви зараз можете сказати про ідеї, які заклали в цій історії?

Ну, по-перше, мені здається, що таке суспільство просто не з'явилося б. І це якраз та благословенна частина, що біолог ніколи не пише фантастику про біологію, бо знає, як це все працює. І тому описувати світ, який пережив війну нещодавно… Ну, я б уже так не писав, це зрозуміло.

Окремо це радше перегукується з відчуттями тих байкерів, які повертались із в'єтнамської війни, аніж із тим, що є насправді, і це одне з важливих усвідомлень, які за останні роки до мене прийшли. Разом із тим, я досі вважаю, що попри певну гарячкуватість і те, що Змєй повертається там до своєї організації — вже іншої монструозної корпорації транспортної — це нібито непогано, що він не зраджує своїм принципам, він розуміє, що боротися можна різним шляхом. Якось два дні тому у літературному срачі прозвучала прикольна фраза, яку приписують апостолові Павлові, що навіть нехай будуть і ті, хто проповідують Христа із власних міркувань, усе одно справа робиться (Сміється.) То так, усе одно справа робиться. Звісно, що свобода і воля — це дуже важливо для нас, однак надто зараз, коли епідемія, оцей баланс між тим, що треба робити та свободою волі, стає дуже хиткий. От суспільство вимагає носити маски, дезінфікувати все — і ти такий: «Це посягання на мою свободу волі», — то тобі скажуть: «Ну, чувак… Якось це не так працює». Тобто цей баланс нікуди не зникає, і якщо із запальним героєм того часу в мене вже розійшлися шляхи, це не значить, що ця тема вичерпалась.

Ага, досі є про що поговорити, зокрема оскільки є новий досвід, нові знання. Можливо, до цієї теми ви ще повернетеся?

Ну так, це вічна тема.

Звідси я хотів би перейти до вашої більш нової творчості. Знову ж, із «ФантЛабу», десь року з 2014-го, у вас переважно багато публіцистичних матеріалів — і лише три-чотири історії, що публікувалися в «Мандруарії», а також в інших збірках. Чим зумовлено те, що зараз настільки пригальмувала творчість? Чи думаєте повертатися до літератури, чи наразі просто не до цього?

Останні оповідання російською мовою я написав у середині 2014-го року, причому якраз у дні, коли Боїнг упав, і це була історія до збірки антивоєнної.

Це та, що у «S.W.A.L.K.E.R.» була?

Нє, та історія, яка вийшла у «S.W.A.L.K.E.R.», написана у 2012-му взагалі. Книжки виходять зазвичай через півтора-два роки після того, як це власне написано. Зокрема ті, що в Росії виходили. З того часу

я вирішив, що, ні, я маю писати українською, але перемкнутися на іншу мову — це... Ну, що я буду розповідати (Обидва сміються.) Тому публіцистика допомагала мені опановувати інструментарій. Це був для мене тренувальний майданчик, де я опановував українську мову. І, відповідно, вийшло оповідання — його просто ще немає на «ФантЛабі», але воно он, на поличці стоїть — «Клуб опівнічних прогулянок» зі збірки «Антисоціальної мережі». У цьому році в мене має вийти принаймні вісім оповідань.

А до крупної форми плануєте повертатися?

Так, і вона у мене в роботі. Поки не написано хоча б більше половини, я не буду дуже розповідати, що там. Проте, я можу порекомендувати збірку, яка вийде, мабуть, у найближчому місяці, може, до «Арсеналу». Вона зветься «Форма руйнації», там є «Принцип послідовності» — і це оповідання, з якого буде зрозуміло, в якому сеттингу все відбуватиметься.

Що для вас як для автора найважливіше, коли ви пишете історію? Для когось важливіше продумати саме сетинг, комусь цікавіше працювати з персонажами, комусь — просто структура історії. Що вам найбільш до вподоби в цьому процесі?

Якщо коротко, то історія. Бо мені здається, що ми читаємо книжки заради гарної історії. А якщо все правильно розставлено з точки зору композиції: експозиція, зав'язка, кульмінація, все це на своїх місцях, все це з багатьма алюзіями і постмодерністською грою, але за цим нема історії, — тут нема що читати.

Тобто, найголовніше — сюжет?

Сюжет — це те, як історія подана, якщо суто термінологічно. Форма подання дуже важлива, я не буду з цим сперечатися, але саме у синергії з тим, про що ми читаємо. Із темою і конфліктом. Бо може бути абсолютно прекрасний, розроблений сеттинг, із, як у класичному фентезі, сьома народами, країнами, географією і правилами магії, за якими можна водити «ДнДшечку». Але якщо це все просто вивалюється як знання, як Вікіпедія, і герої просто ходять і розповідають про це, і, власне, нічого з ними не відбувається — це, здається, трохи не те, що ми хочемо.

Тобто для вас важлива саме тема історії?

І конфлікт: хто є антагоніст, протагоніст, ну, сили, які взаємодіють.

Зрозумів.

І остання тема, яку хотілося б обговорити.

Я послухав ваш стрім про видавництва, куди можна піти, якщо пишеш фантастику — а як щодо літератури інших жанрів? Я подивився на те ж «Видавництво Жупанського», їхній Фейсбук і їхній сайт, і взагалі не знайшов контакти «для авторів». Принаймні, з першого разу не вийшло, є лише загальна форма заявки та електронна пошта, а також можливість написати йому у Фейсбуці [інформація, актуальна на момент бесіди, прим. ред.]; «Дім Химер» — зараз так само, там пишуть «прийом рукописів закрито». «Видавництво Старого Лева» також закрите [те ж саме, прим. ред.]. Тож куди можна податися авторам зараз?

Так, є такий момент. Ну, насправді, можна написати, там є імейл Жупанського. Але треба розуміти, що це має бути щось типу Ліра, Лавкрафта і Макса Гаха, і Анатолія Дністрового — тобто, дуже специфічна така проза.

Себто, горори і контркультура — це до них, можна принаймні ризикнути.

Ну, написати завжди можна. Олексій Жупанський така людина, що він може чесно сказати або «А, ну, так», або «Зараз я трохи не готовий читати рукописи, ми нічого не готуємо, зверніться за кілька місяців». Та сама історія була з Володимиром Кузнєцовим, в якого «Заколот» вийшов минулого року. Він **[Володимир Кузнєцов, прим. ред.]** йому **[Олексію Жупанському,**

прим. ред.] направляв свої оповідання, і тоді не склалося. А потім вони зустрілися на фестивалі, поговорили, він показав якісь чернетки «Заколоту», і все вийшло.

Тобто, є сенс принаймні спробувати, можуть прийняти не одразу — але шанс є, так?

Шанс є, шанс у всіх є. Той-таки Макс Гах — у нього перший роман вийшов у видавництві «Дискурсус», потім він зібрав збірку, і тут його помітили. У нього були оповідання на інших ресурсах. Почитали його оповідання, знайшли, сказали-запитали: «Ну, Макс, круто, а може, збірочку?»

Ага. Ви казали, що спробували відійти зовсім від російської мови і з допомогою публіцистики переходите на літературну українську. Що думаєте стосовно авторів і авторок, які мешкають в Україні чи поїхали, досі продовжують писати, але не українською? Тобто, чи можна письменників і письменниць, що походять із України, але пишуть російською чи польською, вважати українськими письменниками та письменницями?

Я вважаю, що так, і я знаю, що багато колег зі мною не погоджуються в цьому питанні. Але для мене значно важливіше, як людина себе відчуває і що вона робить, і який, не побоюся цього слова, нарратив вона несе. Тому я прекрасно усвідомлюю те, що в Україні видатися російською мовою — так, це можливо, але складно.

А чи знаєте ви видавництва, де взагалі, ну, принаймні є шанс?

Ті ж Ян Валетов і Андрій Валентинов — вони ж видаються у «Фоліо», і саме російською. Вони не переходили на українську мову, вони знайшли видавця вдома, так, їм пощастило. Не всі готові **[перемикатись на іншу мову, прим. ред.]**, і не всі готові відмовлятися від гонорарів, які платяться в Росії — зрештою, там справді платять більше, це об'єктивна реальність. Ще з тих, хто може взяти: «Саміт-Книга» може надрукувати, причому там справді дуже залежить від того, як домовлятись із кланом Степуріних. Можна розмовляти з позиції: «Ми заплатимо гроші, надрукуйте», і вони надрукують. І можна розмовляти: «Ні, це гарна історія, давайте все-ж таки ви вкладетеся, але ми розробимо промо-тур, ми розробимо одне-друге-п'яте», і вони теж можуть погодитись.

Тобто до них треба прийти в першу чергу з хорошим продуктом, а там уже можливі опції.

І планом того, що автор збирається з цим усім робити. Є молоде видавництво «Кондор», але воно не стільки молоде, скільки воно тільки нещодавно почало друкувати саме художню прозу, і зокрема на сайті я бачив книжки російською мовою. Як не дивно, зараз можна ветеранську чи волонтерську прозу, написану російською мовою, видати абсолютно спокійно, бо це актуальна тема.

А от, припустімо, фантастику, горор, містику? Такі жанрові напрями?

Я зараз перебираю у себе в голові списочок... Справа в тому, що коли я збираю інформацію про фантастику, я не те, щоб ігнорую: побачив, десь собі занотував, що в цьому видавництві є і російська мова, але не дуже вчитуюся, які саме напрямки.

І можна піти іншим шляхом: подивитися плюс-мінус, які видавництва в нас є, зайти на сайт, подивитися, чи є в них книжки, видані російською. Це, до речі, дуже цікавий момент, і я не буду казати, що унікальний для нашого ринку, але це так працює: видавці, які в цілому видають якусь художню літературу, і, може, не видають фантастику, — вони можуть видати книжку фантастики. І це дуже чітко простежувалося в минулі роки, коли видавалося сорок найменувань українських авторів — і двадцять із цих найменувань виходили у видавництвах, які в принципі художню літературу видають раз-по-раз. Тобто, якщо це видавництво працює з російською мовою, як із однією з мов видань (бо є видавництва, які кримськотатарською

видають, англійською, польською), то можна стукатися, просити десять хвилин уваги редактора. Але треба дуже чітко формулювати, з чим саме ми приходимо. По типу, це роман, який схожий на те й на те. І тут Лавкрафт, Кінг та Палагнюк у допомогу, насправді, бо це підіймає якісь бібліотеки пам'яті, і не дуже багато треба розказувати. От знаєте цю історію, що класний фільм — це коли ти випадково зустрічаєшся з продюсером у туалеті і, поки ви стоїте і робите свої справи, ти встигаєш повністю розказати, про що це кіно. Треба розказати, про що це, й пояснити: «Головне, аби видали. Я не буду платити гроші, щиро перепрошую, але в мене є авдиторія в моєму блозі, я популярний ведучий інстаграм-каналу, присвяченого горор-літературі». Чи, там, «В мене 500 підписників мого кота, і мій кіт прорекламує цю книжку».

Ага. Тобто давити, що в тебе вже є аудиторія.

Так. Звісно, редактор може сказати: «Ні, вибачте, мене це не цікавить», це може бути також. Але головне у цій справі — стукати, бо час від часу з'являються можливості, і моніторити ситуацію.

А! Ще, окремо. Якщо є бажання донести історію, але немає принципового питання, що вона має вийти російською (знаю кількох людей, для яких принципово), то можна йти наступним шляхом: знайти перекладача, якому довіряєш, цей перекладач робить переклад синопсису твору і яскравого уривку. Тоді для штурму доступно більше видавництв, а в листі чи спілкуванні додається, що авторський текст російський, у автора є домовленість із перекладачем, щоб у видавця про це «голова не боліла», і якщо все добре, то перекладач готовий працювати.

Серед подібних прикладів — Ілларіон Павлюк. Його оригінальні тексти написані російською, але видавався виключно переклад українською із зазначенням перекладача. Власне, не візьмуся казати, чи Павлюк ішов саме наведеною вище схемою, але вона може спрацювати.

Тобто у такому випадку до видавництва йдуть синопсис, промо-розділ і примітка, що це переклад, так?

Так. Оригінальний текст також можна додати або надати на запит.

А як вам більше подобається публікуватися? Більш приємно публікуватися самому чи брати участь у збірках? І що простіше?

Як не дивно, сольну книжку простіше опублікувати зараз в Україні. Бо ми збирали збірки, і от той-таки «Кишеньковий мандруарій. Подорожі фантастичним транспортом». Зараз непросто вмовити видавця зробити колективну збірку. Для мене як автора книжка, на якій є твоє прізвище, приємніше сприймається — і ти такий: «Ваааау!» Але коли є книжка, де твоє прізвище у середині списку або в укладачах, це теж дуже приємні відчуття, це теж дуже приємні гормони виділяються, і ти розумієш, що сьогодні мавпочка добре попрацювала (Обидва посміхаються.)

Ага. Тобто з точки зору вас як автора і так, і так — цілком добре. А якщо говорити по ситуації, то навіть сольну збірку оповідань видати легше, ніж колективну.

Сольний роман. Сольна збірка оповідань — це ще більш високий челленж, ніж авторська збірка.

Ага! Тобто якщо сольний роман — то легше, а якщо з оповіданням — тут уже краще саме по збірках?

Так. Або якщо ця збірка має дуже круту концепцію всередині, що ці оповідання всі ілюструють певну тему у різних проміжках часу або ще щось. Має бути ще надконцепція над збіркою, і якісь, може, прикольні промо-матеріали. Бо ті самі «Заколот» Володимира Кузнєцова чи «Лазарус» Свєти Тараторіної — це ж насправді романи в новелах. Кожну історію можна читати окремо, але вони пов'язані таким чином, що це сприймається, як єдина історія.

Тоді на цьому все. Дуже дякую за докладну бесіду, і тримаймо зв'язок!

Посилання на ресурси, згадані у матеріалі:

1. https://www.facebook.com/1784979091540171/videos/422174222186813

2. https://www.facebook.com/litvur/videos/290724749072984

3. https://www.patreon.com/posts/sai-fai-divchina-51284743

Де нас знайти?

Редакція «Андерхаунду» завжди відкрита для спілкування, співтворчості та співпраці.

Якщо ви читаєте, пишете, малюєте, граєте на сцені чи організуєте заходи, або просто хочете поділитися враженнями й пропозиціями — радо чекаємо у соцмережах за посиланнями:

https://www.facebook.com/groups/anderhoundmag

https://www.instagram.com/anderhound.mag/

https://t.me/anderhound

Ці ж посилання зашифровані у QR-коді поруч.

Чекаємо на вас.